КІЕВСКАЯ СТАРИНА.

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ИСТОРИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ.

ТОМЪ LXXIX.

1902 г.

ОКТЯБРЬ.

КІЕВЪ.
Типографія Императорскаго Университета св. Владиміра
Акц. Общ. Н. Т. Корчакъ-Новицкаго, Меринговская, № 6.
1902.

СОДЕРЖАНІЕ.

Отдѣлъ I.

I. О СЕКТАНТАХЪ ВЪ КІЕВЩИНѢ. *О. Л.* . . . . . 1—16
II. ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ ПРОТ. П. Г. ЛЕБЕДИНЦЕВА СЪ МИТР. КІЕВСКИМЪ ПЛАТОНОМЪ. Съ пред. свящ. *І. Гордіевскаго* . . . . . 17—33
III. БОРЬБА ШКОЛЬНЫХЪ ВЛІЯНІЙ ВЪ ДО-ПЕТРОВСКОЙ РУСИ. (Окончаніе). *К. Харламповича.* . . . . 34—61
IV. ЖИТЬЕ—БЫТЬЕ ЛУБЕНСКАГО КРЕСТЬЯНИНА. (Продолженіе). *В. Милорадовича.* . . . . . 62—91
V. ВЪ ЗАТЫШКУ. (Малюнокъ). *М. Чернявського.* . . . . 92—99
VI. ВЪ ПОИСКАХЪ НОВОЙ КРАСОТЫ. (Замѣтки читателя). *С. Ефремова.* . . . . . 100—140
VII. ЧОРТОВА ПРЫГОДА. (Казка). *Марка Вовчка* . . . . . 141—156
VIII. А. А. НАВРОЦКІЙ. (Поминка). *В. Н.* . . . . . 157—169

Отдѣлъ II.

I. ДОКУМЕНТЫ, ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ: а) Басня о стрекозѣ и муравьѣ въ южно-русской редакціи 1743 г. *О. Л.;* б) Правила о присужденіи премій Н. И. Костомарова за лучшій Малорусскій Словарь· в) Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. Сообщ. *А. Мёрдеръ*; г) Изъ прошлаго Полтавщины Сообщ. *И. Ф. Павловскій*; д) Къ біографіи П. П. Чубинскаго. Сообщ. *П. Іевлевъ*; е) Мова старшыны до громады . . . . . 1—17
ТЕКУЩІЯ ИЗВѢСТІЯ . . . . . 17—40
II. БИБЛІОГРАФІЯ: а) Труды Общества изслѣдователей Волыни. 1. *О. Л.;* б) 1. Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ полтавской губ. за 1901 г.—осень и состояніе озимыхъ посѣвовъ, № 5; 2. Обзоръ сельскаго хозяйства въ полтавской губ. по сообщеніямъ корреспондентовъ за 1901 г. *Л. С. Л.;* в) Е. Н. Любичъ. „Изъ Жизни". Книгоиздательство Каранта. *Б. Л.;* г) Обзоръ журналовъ текущаго года; д) Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ. . . . . 41—65

Дозволено цензурою. Кіевъ, 6 сентября 1902 года.

О сектантахъ въ Кіевщинѣ.[1]

Минуло уже болѣе 30-ти лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ малорусскомъ народѣ возникло религіозное броженіе, выразившееся въ созданіи штунды и другихъ сектъ. За это время южнорусское сектантство успѣло пережить весьма сложный эволюціонный процессъ, далеко еще не законченный и въ настоящую пору. Нѣтъ надобности объяснять, какой огромной важности интересъ для цѣлей научныхъ и общественныхъ должно бы представлять детальное и всестороннее изученіе этого любопытнаго процесса, воочію совершающагося передъ всѣми и притомъ не гдѣ-либо въ глуши сибирскихъ тайгъ, а въ самой культурной полосѣ Россіи, въ районѣ трехъ университетскихъ городовъ. Столь крупное и интересное явленіе въ народной жизни почти исключительно привлекаетъ—по крайней мѣрѣ въ послѣдніе 10—15 лѣтъ—вниманіе миссіонеровъ, да еще развѣ народившихся въ недавнее время особаго рода экспертовъ по сектантскимъ дѣламъ. Иныхъ же наблюдателей, которые были бы заинтересованы сектантскимъ движеніемъ не съ профессіональной точки зрѣнія, что-то не появляется,—можетъ быть прежде всего потому,

[1]) По поводу брошюры В. И. Ясевичъ-Бородаевской: Сектантство въ Кіевской губерніи. Баптисты и малеванцы. Спб., 1902. Стр. 42.

что для многихъ затрудненъ и самый доступъ къ такимъ наблюденіямъ. Вѣдь, помимо разныхъ внѣшнихъ препятствій, такому наблюдателю предстояло бы, прежде всего, преодолѣть столь естественное у сектантовъ недовѣріе къ постороннему лицу, почему-то интересующемуся ихъ религіозною жизнью, а это дѣло весьма трудное и не всякому посильное.

Г-жа Ясевичъ обладаетъ въ этомъ отношеніи завиднымъ преимуществомъ. Болѣе 15-ти лѣтъ она съ рѣдкимъ усердіемъ изучаетъ бытъ и вѣрованія южнорусскихъ сектантовъ, ежегодно объѣзжаетъ различныя мѣстности Кіевской, Херсонской и Екатеринославской губерній, живетъ подолгу среди сектантовъ, успѣла давно уже свести личное знакомство съ ихъ вожаками и заручиться ихъ полнымъ довѣріемъ. Свои интересныя наблюденія она не разъ уже сообщала въ журнальныхъ статьяхъ и въ ноябрѣ 1900 года съ большимъ успѣхомъ прочла въ засѣданіи Этнографическаго Отдѣла Императ. Географическаго общества докладъ о кіевскихъ сектантахъ, сопровождаемый хоровымъ исполненіемъ ею же записанныхъ сектантскихъ духовныхъ кантовъ.

Въ настоящее время этотъ докладъ напечатанъ въ журн. «Живая Старина» и отдѣльною брошюрой, и мы находимъ умѣстнымъ подѣлиться съ читателями наиболѣе существенными выводами и наблюденіями почтенной изслѣдовательницы, касающимися двухъ главныхъ южнорусскихъ сектъ: баптизма и малёванства.

Подъ именемъ «баптистовъ», о которыхъ говоритъ г-жа Ясевичъ, разумѣются не кто иные, какъ наши штундисты. Извѣстно, что сами штундисты никогда себя такъ не называютъ, а при судебныхъ и административныхъ слѣдствіяхъ и допросахъ, обыкновенно именуютъ себя «баптистами». Присяжные эксперты всегда протестуютъ противъ этого, утверждая, что обвиняемые «облыжно» такъ себя именуютъ исключительно въ тѣхъ соображеніяхъ, что, по нашимъ законамъ, баптизмъ признается терпимымъ вѣроученіемъ, а штундизмъ подвергается преслѣдованію, какъ секта, признанная особенно вредною. Р-жѣ Ясевичъ хорошо извѣстны эти пререканія, и она настойчиво утверждаетъ, что такъ называ-

емая «штунда», по своему происхожденію, вѣроученію и обрядамъ, есть именно нѣмецкій баптизмъ, и что настойчивое стремленіе миссіонеровъ и вообще оффиціальныхъ блюстителей сектантства усвоить ему наименованіе штундизма или штундо-баптизма вызывается исключительно желаніемъ «подвести русскихъ баптистовъ, держащихся вѣроученія нѣмецкаго происхожденія, безпрекословно отбывающихъ воинскую повинность, признающихъ и молящихся за Царя и властей, подъ букву закона 1894 г., карающаго «штундизмъ», какъ особенно вредную секту». Не принимая на себя рѣшенія этого спеціально богословскаго вопроса, замѣтимъ лишь, что и покойный протоіерей П. Г. Лебединцевъ, по своему служебному положенію такъ близко стоявшій къ этому дѣлу и очень живо имъ интересовавшійся, въ рядѣ статей, помѣщенныхъ въ нашемъ же журналѣ [1]), старался доказать то самое, что утверждаетъ и г-жа Ясевичъ, именно, что «такъ называемая у насъ штунда есть не что иное, какъ нѣмецкій баптизмъ, занесенный въ наши нѣмецкія колоніи (херсонской губ.) нарочитыми миссіонерами изъ Гамбурга» и распространившійся оттуда, чрезъ посредство захожихъ рабочихъ малороссіянъ, и въ предѣлахъ Кіевской и другихъ губерній. Но отъ такого рѣшенія вопроса о малорусской штундѣ ничуть не легче становится ея послѣдователямъ, такъ какъ судебныя и административныя власти неуклонно отказываютъ имъ въ пользованіи законными льготами, предоставленными баптистамъ-нѣмцамъ и другимъ иностранцамъ, оффиціальные же блюстители сектантства настаиваютъ на томъ, что русскихъ баптистовъ нѣтъ и быть не можетъ, ибо это будутъ лица, отступившія отъ православной вѣры и церкви и уже за одно это долженствующія подвергнуться законной карѣ.

Г-жа Ясевичъ излагаетъ исторію возникновенія и распространенія въ Кіевской губ. баптизма, или штунды, но излагаетъ такъ неполно и отрывочно, что мы не находимъ нужнымъ повторять сообщаемыя ею свѣдѣнія; такія свѣдѣнія несравненно пол-

---

[1]) См. „Кіев. Стар“. 1884 г. октябрь и ноябрь и 1885 г. мартъ и декабрь.

нѣе, и при томъ на основаніи подлинныхъ документовъ, были изложены уже на стр. «Кіев. Старины», именно въ указанныхъ выше статьяхъ прот. Лебединцева, которыми г-жа Ясевичъ почему-то не воспользовалась. Гораздо интереснѣе ея сообщеніе о современномъ состояніи баптизма, его организаціи, вѣроученіи и и т. под.

Малорусскіе баптисты, такъ же какъ и нѣмецкіе, имѣютъ выборную іерархію (пресвитеровъ-наставниковъ и діаконовъ), отвергаютъ преданіе, почитаніе иконъ, призываніе святыхъ, посты, молитву объ умершихъ и т. под. Въ основѣ ихъ вѣроученія лежитъ протестантскій догматъ объ оправданіи вѣрою. Они признаютъ три таинства: крещеніе, причащеніе и бракъ. Крещеніе они совершаютъ только надъ взрослыми, непремѣнно въ проточной водѣ, предъ собраніемъ единовѣрцевъ, съ погруженіемъ въ воду и произнесеніемъ общей христіанской формулы. Обрядъ «преломленія», или причащенія, происходитъ обыкновенно во время молитвенныхъ собраній въ первое воскресеніе каждаго мѣсяца, а иногда и чаще; послѣ чтенія евангелія и при пѣніи всѣми присутствующими соотвѣтственнаго духовнаго псалма, пресвитеръ передаетъ черезъ діакона сначала тарелку съ нарѣзанными кусочками бѣлаго хлѣба, а потомъ сосудъ съ краснымъ виномъ, и всѣ, разомъ съ пресвитеромъ, вкушаютъ того и другого. Благословеніе брачущихся совершается также въ общемъ собраніи, при чемъ пресвитеръ читаетъ подходящія мѣста изъ евангелія, а присутствующіе поютъ псальмы. Жена, по ученію баптистовъ, другъ, помощникъ и совѣтникъ мужа и равноправный съ нимъ членъ семьи, но въ собраніяхъ она, по слову апостола Павла, «да молчитъ», т. е. не имѣетъ права проповѣдывать. Есть у нихъ и нѣчто въ родѣ исповѣди, но не въ смыслѣ таинства, а простого обряда, основаннаго на апостольскомъ предписаніи, чтобы вѣрующіе исповѣдывали другъ передъ другомъ свои грѣхи. Обрядъ этотъ совершается въ формѣ молитвы-исповѣди и состоитъ въ томъ, что каждый, по очереди, предъ лицомъ собранія, громко произноситъ покаянную молитву и кается въ своихъ прегрѣшеніяхъ. Къ смерти баптисты относятся съ удивительнымъ спокой-

ствіемъ, исходящимъ изъ твердой увѣренности въ томъ, что для вѣрующаго она лишь необходимая ступень для перехода въ вѣчное блаженство. Такъ какъ они вѣруютъ, что послѣ смерти нѣтъ покаянія, а заступничество святыхъ отвергаютъ, то поэтому нѣтъ у нихъ и молитвъ объ умершихъ, но при погребеніи имъ оказываются должныя почести. Около покойника не воскуривается фиміамъ, не возжигаются свѣчи, но пока онъ въ домѣ, члены общины собираются, читаютъ евангеліе и поютъ псáльмы. На кладбище тѣло усопшаго сопровождаетъ обыкновенно вся община съ пѣніемъ псальмъ, что придаетъ ихъ похоронамъ чрезвычайную торжественность, сильно импонирующую на православное населеніе. «Якъ бы ще у штундивъ цехъ бувъ (т. е. хоругви),—говорятъ православные,--то зовсимъ було бъ до ладу: гарно ховають, наче краще, якъ у насъ».

Почитаніе воскреснаго дня доведено у баптистовъ почти до пуританской строгости. Въ этотъ день рѣшительно воспрещаются всякія занятія, даже приготовленіе пищи. Утро посвящается молитвеннымъ собраніямъ, а вечеромъ собираются для объяснительнаго чтенія евангелія, для взаимныхъ наставленій и увѣщаній. Дисциплина въ баптистской общинѣ доведена до крайней степени; непосѣщеніе собраній безъ уважительной причины уже вызываетъ замѣчаніе, а малѣйшій проступокъ влечетъ за собою увѣщаніе, выговоръ, лишеніе права участія въ совѣщательныхъ собраніяхъ общины, а также въ «преломленіи хлѣба» и, въ крайнемъ случаѣ, выключеніе изъ общины. Отъ прозелитовъ требуется, чтобы они не только сознательно восприняли вѣроученіе секты, но и своими поступками доказали, что вполнѣ постигли смыслъ евангельскихъ требованій; тогда только надъ ними совершается крещеніе, нерѣдко послѣ очень долгаго искуса. Всякія развлеченія, сколько-нибудь опасныя въ нравственномъ отношеніи (наприм. танцы), исключены изъ жизненнаго обихода; допускается только духовное пѣніе, которое у баптистовъ разработано въ совершенствѣ, такъ какъ для упражненія въ немъ назначаются у нихъ частыя нарочитыя собранія. Грамотность они ставятъ чрезвычайно высоко и заботятся объ ея распространеніи; она имъ нужна, прежде всего,

для того, чтобы каждый имѣлъ возможность изучить св. писаніе, признаваемое ими единственнымъ источникомъ вѣроученія.

Къ своимъ единовѣрцамъ баптисты относятся крайне сердечно и любовно, охотно помогаютъ во всемъ и поддерживаютъ другъ друга, но по отношенію къ чужимъ держатся довольно замкнуто...

Таковы наиболѣе существенныя свѣдѣнія о баптистахъ, или штундистахъ, какія можно извлечь изъ интереснаго сообщенія г-жи Ясевичъ. Они далеко не полны, но ихъ цѣнность заключается въ томъ, что они извлечены изъ непосредственнаго и притомъ вполнѣ безпристрастнаго изученія жизни и вѣрованій сектантовъ. Можно лишь пожелать, чтобы почтенная изслѣдовательница подѣлилась *бытовыми* наблюденіями, вынесенными изъ частыхъ и долговременныхъ ея пребываній въ средѣ сектантовъ, подобно тому, какъ это раньше ею сдѣлано относительно шалапутовъ, хлыстовъ, прыгуновъ и баптистовъ екатеринославской губ. [1]).

Съ большею полнотою и обстоятельностью очерчено г-жей Ясевичъ *малеванство*, и это дѣлаетъ ея брошюру особенно цѣнною, такъ какъ о малёванской сектѣ въ нашей печати существуютъ самыя неопредѣленныя и сбивчивыя представленія. Извѣстна попытка проф. И. А. Сикорскаго объяснить происхожденіе этой секты чисто патологическими причинами. Г-жа Ясевичъ не согласна съ такимъ объясненіемъ и совершенно иначе представляетъ исторію ея возникновенія. По ея мнѣнію, малёванщина возникла на почвѣ того же малорусскаго баптизма, какъ реакція противъ его формализма и холодной разсудочности. По мѣрѣ того, какъ росла внутренняя организація баптизма и крѣпла его суровая дисциплина, болѣе слабая и экзальтированная часть его послѣдователей стала тяготиться этой дисциплиной и, сбрасывая постепенно иго формализма, давящаго іерархіей, обрядностями и частыми, строго регламентированными молитвенными собраніями, создала новое, совсѣмъ свободное отъ обрядностей общество. Дѣло началось съ мелочей; напримѣръ, безусловное требованіе посвя-

[1]) Разумѣемъ ея очерки въ «Новомъ Словѣ» 1897 г.

щать воскресный день исключительно отдыху и молитвѣ породило во многихъ (особенно среди женщинъ) недовольство и ропотъ. «Мій достатокъ не позволявъ мени отдыхать у недилю»,—объясняла автору бывшая баптистка. Среди такихъ отщепенцевъ отъ баптизма, которыхъ въ свое время окрестили въ духовной литературѣ наименованіемъ младоштундистовъ, стали замѣчаться явленія, совершенно аналогичныя съ будущей малѣванщиной и притомъ отмѣченныя такой же экзальтаціей. Еще въ 1884 г. нѣкто Кривенко, основываясь на словахъ Спасителя: «когда Я вознесенъ буду отъ земли, всѣхъ привлеку къ Себѣ», вздумалъ подняться на небо—прыгнулъ съ клуни и чуть не убился до смерти. Изъ среды такихъ экзальтированныхъ натуръ вышелъ и самъ Кондратій Малѣваный, житель г. Таращи, по ремеслу колесникъ. Г-жа Ясевичъ довольно подробно изображаетъ, какъ этотъ ярый штундистъ, подъ вліяніемъ сектантовъ-мистиковъ, приходитъ къ мысли, что все содержаніе евангелія есть не что иное, какъ рядъ притчъ, что и самъ І. Христосъ есть не личность, а символъ, и что лишь въ нынѣшнее время должно ожидать дѣйствительнаго пришествія на землю Сына Божія. Всѣ подобныя мистическія размышленія, толки и бесѣды съ единомышленниками до того расшатываютъ его нервную систему, что ему начинаетъ казаться, будто онъ видитъ отверстое небо, слышитъ оттуда призывный голосъ, отдѣляется отъ земли,—и наконецъ (въ 1891 г.) Малѣваный объявляетъ, что въ его особѣ Господь воздвигъ Первенца. Спасителя міра. Непоколебимые изъ баптистовъ ужаснулись небывалой дерзости, но всѣ слабые, склонные къ мистицизму и экстазу, со всею страстностью поддались обаянію охватившей ихъ иллюзіи и потянулись въ Таращу на поклоненіе новоявленному Спасителю. Любопытно, что въ числѣ первыхъ послѣдователей Малѣванаго преимущественно оказались бывшіе католики, какъ люди, по своей природѣ склонные къ чудесному. Арестъ и заключеніе Малѣванаго сначала въ кіевской, а затѣмъ въ казанской психіатрической больницѣ лишь увеличили его обаяніе, такъ какъ онъ и самъ возвѣстилъ, что, согласно библейскимъ пророчествамъ, ему предстоитъ пострадать за вѣрныхъ. Лишенный непосредственнаго

общенія съ своими послѣдователями, Малёваный имѣетъ своихъ «евангелистовъ», а въ Казани, въ лицѣ нѣкоего Чекмарева, великороссіянина, онъ пріобрѣлъ своего «Іоанна Крестителя», который пишетъ съ его словъ (самъ Малёваный неграмотенъ) «соборныя» посланія вѣрнымъ, распространяемыя ими во множествѣ списковъ.

Какъ извѣстно, малёванщина распространилась съ такою быстротою и проявилась въ столь рѣзкихъ формахъ религіознаго экстаза и мистической экзальтаціи, что наблюдавшій ее въ маѣ 1892 года проф. И. А. Сикорскій не усомнился признать ее психопатической эпидеміей, въ родѣ средневѣковой пляски св. Вита, тарантизма и т. под. Г-жа Ясевичъ не согласна съ этимъ діагнозомъ... Впрочемъ, идея патологическаго объясненія возникновенія малёванщины опровергается уже тѣмъ, что эта секта продолжаетъ существовать и понынѣ, несмотря на примѣненіе всѣхъ указанныхъ наукою противо-эпидемическихъ средствъ. Первоначальныя болѣзненныя проявленія крайняго экстаза теперь исчезли, и секта успѣла выработать болѣе или менѣе опредѣленные пункты вѣроученія. Конечно, сама г-жа Ясевичъ признаетъ, что ученіе малёванцевъ, исходящее изъ вѣры въ личное вдохновеніе и выражаемое ими большею частью въ формѣ иносказаній, трудно укладывается въ опредѣленныя рамки, но она все-таки находитъ возможнымъ, отчасти путемъ сравненія съ ученіемъ баптистовъ, «формулировать это вѣроученіе, опираясь на болѣе или менѣе окрѣпшія положенія, которыя даютъ тонъ, входятъ въ основаніе вѣроученія и опредѣляютъ сущность его».

Основнымъ пунктомъ малёванской догматики является вѣра въ возможность непосредственнаго общенія человѣка съ Богомъ. Малёванцы вѣрятъ, что имъ дано Богомъ, чрезъ посредство св. Духа, послѣднее слово—новѣйшій завѣтъ, начертанный не на скрижаляхъ или хартіи, а въ сердцахъ избранниковъ Божьихъ. Духъ Божій, вселяясь въ человѣка, обитаетъ въ немъ и руководитъ имъ, пока онъ чистъ отъ грѣха. Евангеліе, по ихъ ученію, не есть законодательный кодексъ, коему слѣдуетъ слѣпо подчиняться, а лишь сводъ нравственныхъ правилъ, облеченный въ

иносказательную форму, рядъ аллегорій и притчъ, при чемъ даже событія изъ земной жизни Спасителя, вплоть до его крестной смерти, должны пониматься духовно: Христосъ—правда, добро, Варавва разбойникъ—зло; правду—Христа похоронили, а разбойника—зло освободили, и оно царитъ на землѣ. Поэтому, не отвергая Евангелія и Библіи, какъ книгъ назидательныхъ, малёванцы полагаютъ, однако, что эти книги сдѣлали уже свое дѣло, но онѣ необходимы еще для несовершенныхъ, каковы, по ихъ мнѣнію, баптисты, отыскивающіе еще пути. Евангеліе, по ихъ выраженію. есть только путь съ адресомъ въ градъ спасенія; а если найдешь городъ и попадешь въ него, то адресъ болѣе не нуженъ. Отвергая и православную вѣру, и иконы, и обрядность вообще, малёванцы, однако, крайне терпимо относятся къ чужой религіи и святынѣ. Всякая вѣра и святыня, какъ и земные законы, даны Богомъ для неразумныхъ, чтобы ихъ чѣмъ-нибудь удержать отъ зла, до ихъ духовнаго возрожденія; но Богу не нужны ни храмы, ни обряды, а нужно служеніе ему въ любви и истинѣ, и разъ человѣкъ постигъ истину, сбросилъ съ себя грѣхъ, обновился,—онъ уже не подъ закономъ, а подъ благодатію.

Въ связи съ этимъ находится оригинальное пониманіе малёванцами евангельскаго ученія о всеобщемъ воскресеніи и будущей жизни. Воскресеніе мертвыхъ—это, по ихъ мнѣнію, аллегорія: мертвые въ гробахъ—это живущіе люди, погрязшіе въ грѣхахъ; а спадетъ съ ихъ очей пелена, бросятъ они беззаконія—раскроются ихъ гробы и воскреснутъ они для обновленной жизни, да и теперь уже воскресаютъ; а со временемъ воскреснутъ всѣ, познавъ истину, Бога въ Его любви, и станутъ люди любить другъ друга, а не терзать, какъ терзаютъ теперь. Тогда настанетъ на землѣ Царствіе Божіе; у всѣхъ будетъ одна душа, для всѣхъ будетъ свѣтить одна истина и правда; и тюремъ тогда не нужно будетъ, и разныхъ вѣръ и законовъ, такъ какъ всѣ будутъ служить одному Богу въ правдѣ и истинѣ. Это и будетъ «будущій вѣкъ», только онъ наступитъ безъ тѣхъ грозныхъ знаменій кончины міра, какія, согласно предсказаніямъ, должны по-

стигнуть грѣшную землю; нѣтъ, это вовсе не будетъ конецъ земной жизни человѣчества, а лишь повсемѣстная и безповоротная перемѣна къ добру въ условіяхъ земного существованія людей. «Это тѣ цѣпляются за небо,—говорятъ малёванцы,—кто не хочетъ постигнуть истины на землѣ».

Но пока наступитъ Царствіе Божіе, его избранники должны претерпѣть всѣ тѣ страданія, какія и Христосъ предсказалъ своимъ послѣдователямъ. Страданіе, искушеніе и испытаніе—вотъ удѣлъ нынѣшняго христіанина, говорятъ сектанты, ибо истина должна, по писанію, сквозь страданія пройти. «Не панамъ же страдать»—говорила одна послѣдовательница Малёванаго. «Панамъ трудно несты цей хрестъ, бо винъ дуже важкый, а простый народъ уготованый до терпиня: винъ и бытый, винъ и сиченый, ёму легче несты хрестъ,—винъ пробье шляхъ до истины, а тамъ истина пробьется и до панивъ».

Такова въ общихъ чертахъ своеобразная догматика малёванцевъ, тѣмъ болѣе любопытная, что она не заимствована у нѣмцевъ, какъ ученіе баптистовъ, а представляетъ самостоятельное измышленіе малограмотныхъ крестьянъ таращанскаго и васильковскаго уѣздовъ. Нельзя не отмѣтить, что ихъ религіозное міровоззрѣніе запечатлѣно характеромъ свѣтлымъ, радостнымъ, какъ и ихъ обычное настроеніе. Еще въ началѣ появленія малёванства, въ 1892 г., проф. Сикорскій обратилъ вниманіе на необыкновенное благодушіе и постоянное жизнерадостное настроеніе сектантовъ, выражающееся утрированною учтивостью, преувеличеннымъ желаніемъ услужить другому, изліяніемъ благодарности по самымъ пустымъ поводамъ и т. под. Они всѣхъ одинаково любятъ, своихъ и чужихъ, со всѣми ласковы, съ каждымъ готовы всѣмъ подѣлиться; а сами между тѣмъ терпятъ на каждомъ шагу столько горькихъ обидъ и притѣсненій, что нужна необыкновенная проникновенность евангельскими завѣтами любви и всепрощенія и глубокая увѣренность, что зло проходитъ и близокъ день царствія Божія, чтобы сохранить эту жизнерадостность. Между прочимъ, очень любопытно замѣчаніе г-жи Ясевичъ, что малёванцы, ставя такъ высоко евангельскій завѣтъ любви и братства, по тому са-

мому глубоко преклоняются предъ личностью нынѣ царствующаго Государя за призывъ къ общему миру.

У малёванцевъ нѣтъ ни іерархіи, ни обрядовъ, ни чего-нибудь въ родѣ опредѣленнаго символа вѣры. Нѣтъ у нихъ ни постовъ, ни праздниковъ. На вопросъ: почему они не празднуютъ воскресныхъ дней? получился отвѣтъ: «у насъ всегда воскресенье—мы воскресли; а нужно отдохнуть отъ работы или восхвалить Господа, вотъ вамъ и праздникъ, будь это и среди недѣли». Въ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ нѣтъ того порядка, какой выработанъ у баптистовъ, какъ нѣтъ и опредѣленныхъ домовъ для молитвы. Ихъ собраніе обыкновенно начинается бесѣдою, затѣмъ слѣдуетъ пѣніе. Во время пѣнія то въ томъ, то въ другомъ мѣстѣ хаты начинаютъ раздаваться всхлипыванія, возгласы, рыданія, молитвенная импровизація. Все это обрывается, чуть только кто-либо, доведенный до экзальтированнаго состоянія, начнетъ раскачиваться и произносить отрывочныя непонятныя слова, что у нихъ объясняется дѣйствіемъ Св. Духа, вѣщающаго «на иныхъ языкахъ». Впрочемъ, въ послѣднее время постепенно исчезаетъ этотъ разговоръ «на иныхъ языкахъ», какъ и другіе спутники экзальтаціи.

Свободные отъ всякой обрядности, іерархіи и дисциплины, малёванцы такъ отзываются о баптизмѣ и православіи: «и то ярмо, и це ярмо; але православна стара вира, що наши диды та прадиды носылы, прытерте вже ярмо, а у цыхъ (баптистовъ) спереду бье начальство, а ззаду не пускають свои».

Въ противоположность баптистамъ, малёванцы мало прилагаютъ заботъ о распространеніи въ своей средѣ грамотности. «Мы обо всемъ освѣдомлены: намъ самъ Богъ все освѣтилъ», говорятъ они.

Положеніе женщины у малёванцевъ лучше даже, чѣмъ у баптистовъ; она не только въ семьѣ равноправный членъ, но также и въ собраніяхъ пользуется равными со всѣми членами правами, при чемъ ей не возбраняется даже выступать проповѣдницей, чего нѣтъ у баптистовъ. Бракъ у малёванцевъ заключается лишь оглашеніемъ въ присутствіи 6-ти членовъ изъ ихъ общины,

и супруга называется у нихъ, на основаніи книги Бытія (гл. 2, ст. 18) «помощницею», а не женою.

Выше было упомянуто, что Кондратій Малёваный, пребывающій и понынѣ въ Казани, въ психіатрической больницѣ, ухитряется по временамъ присылать своимъ послѣдователямъ соборныя посланія. Малёванцы чрезвычайно дорожатъ каждой строкой его писаній, и въ видахъ ихъ распространенія прибѣгаютъ къ такому способу: въ частной перепискѣ между собою на трехъ страницахъ письма выписываютъ какое-либо мѣсто изъ посланій своего «Спасителя», а на 4-й уже сообщаютъ о своихъ дѣлахъ и нуждахъ. Оттого и происходитъ, что сколько ни отбирается, при частыхъ обыскахъ, посланій Малёванаго, количество ихъ въ обращеніи мало уменьшается. Г-жа Ясевичъ приводитъ, для образца, три такихъ посланій; всѣ они учительнаго содержанія, написаны живымъ, образнымъ языкомъ и по мѣстамъ представляютъ яркую обличительную картину господствующей въ мірѣ неправды и зла.

Живется малёванцамъ очень худо, при чемъ, по свидѣтельству г-жи Ясевичъ, ихъ благосостояніе подрывается не эпидеміями или неурожаями, а тѣмъ исключительнымъ, почти совсѣмъ безправнымъ положеніемъ, въ какое они поставлены. «Родится ли ребенокъ, умираетъ ли кто изъ членовъ семьи, пріѣзжаетъ ли кто въ гости или даже по дѣлу,—въ каждомъ данномъ случаѣ дается широкій просторъ для произвола мелкой сельской власти надъ личностью сектанта». Но что ихъ всего болѣе разоряетъ—это форма этапныхъ пересылокъ. За участіе въ молитвенномъ собраніи сектанты, по приговорамъ мировыхъ судей, подвергаются теремному заключенію—въ первый разъ на 2 недѣли, во второй—на мѣсяцъ, въ третій—на 3 мѣсяца. Но такъ какъ они живутъ въ смежныхъ частяхъ трехъ уѣздовъ (васильковскаго, сквирскаго и таращанскаго), то весьма часто случается, что на собраніяхъ власти застаютъ лицъ, пришедшихъ изъ ближайшаго села сосѣдняго уѣзда. Такихъ забираютъ въ холодную и этапнымъ порядкомъ отсылаютъ сначала въ свой уѣздный городъ, затѣмъ въ сосѣдній и наконецъ на мѣсто жительства. Эта совершенно ненужная воло-

кита по этапамъ и сидѣніе въ попутныхъ этапныхъ пунктахъ нерѣдко оказывается гораздо тяжелѣе и продолжительнѣе того ареста, какой слѣдуетъ за тѣмъ по судебному приговору. И если бы не братская помощь единовѣрцевъ, которые, во время отсутствія арестанта, и за хозяйствомъ присмотрятъ, и дѣтей призрѣютъ, и поле уберутъ, и подушное уплатятъ, то ему грозило бы неминуемое разореніе. А измученный всѣми этими мытарствами энтузіастъ, вернувшись домой, идетъ прямо въ собраніе, чтобы возблагодарить Богъ за перенесенныя во имя Его страданія и помолиться «за обижающихъ насъ и гонящихъ насъ».

Въ заключеніе своего интереснаго реферата г-жа Ясевичъ приводитъ тексты и напѣвы найболѣе употребительныхъ сектантскихъ псальмъ, какія поются въ ихъ молитвенныхъ собраніяхъ. Первоначально малёванцы, наравнѣ съ баптистами, заимствовали свои пѣснопѣнія изъ разрѣшеннаго духовною цензурою «Сборника духовныхъ стихотвореній для христіанъ ев. лютеранскаго вѣроисповѣданія», на русскомъ языкѣ, куда, между другими, вошли и нѣкоторыя стихотворенія Хомякова, но со временемъ стали составлять и собственныя псальмы, иныя изъ нихъ составлены самимъ Малёванымъ. Приводимъ для образца одну изъ такихъ псальмъ:

Нынѣ мыру есть спасенье,
Хрыстосъ иде на мученье,
Своихъ вирныхъ прызывае,
Царство вичне обищае.

Ангеловъ пославъ трубыты,
Многыхъ мертвыхъ пробудыты:
Не спить, вирни, уставайте,
Хрыста страсти подражайте.

Многи мертви воскреснулы,
Страсти Хрыста подвыгнулы,
Потъ и слёзы пролывають,
Хрыста Бога ожыдають.

И мы сердця преклоняймо,
Бога Творця умоляймо:
Визьмы Ты насъ у свои рукы,
Вырвы, вырвы зъ вичнои мукы!

Змылуйся надъ намы, Боже,
Велыко власть Твоя може,
Дай намъ Духа свыше маты,
Тебе вично прославляты.

Напѣвъ этой псальмы совершенно малорусскій, въ стилѣ кобзарскихъ или лирницкихъ псальмъ. Вообще, пѣніе у сектантовъ развито до степени настоящаго искусства, что вполнѣ естественно, такъ какъ въ немъ и заключается вся ихъ обрядность. При томъ же, мірскія пѣсни у нихъ совсѣмъ изгнаны, и молодежь съ дѣтскихъ лѣтъ не поетъ ничего другого, кромѣ псальмъ. Но въ то время, какъ баптисты, заимствуя изъ лютеранскаго сборника свои псальмы, оттуда же заимствуютъ и нѣмецкую мелодію, малёванцы даже къ заимствованнымъ псальмамъ приспособляютъ національные мотивы. Любятъ они очень пѣніе слѣпцовъ—кобзарей и, по свидѣтельству г-жи Ясевичъ, нарочно платятъ имъ изъ своего скуднаго достатка, чтобы тѣ подольше пѣли, при чемъ запоминаютъ ихъ мелодіи и приспособляютъ къ своимъ псальмамъ.

Кромѣ нотныхъ листовъ, къ брошюрѣ г-жи Ясевичъ приложено еще пять фотографическихъ таблицъ, изображающихъ группы баптистовъ и малёванцевъ, ихъ молитвенныя собранія и т. под. Есть здѣсь портретъ и самого Кондратія Малёванаго и его семьи.

Когда мы изучаемъ какое-нибудь явленіе въ прошедшей жизни народной, насъ интересуетъ главнымъ образомъ вопросъ о причинѣ его возникновенія, ибо его результаты и конечная судьба намъ извѣстны. По отношенію къ южнорусскому сектантству, какъ явленію новому въ исторіи племени, никогда не знавшаго ересей, и при томъ явленію современному, возникшему въ самой

глубинѣ народной жизни, еще большій интересъ представляетъ вопросъ о его будущности. Вотъ уже прошло 30 лѣтъ съ того времени, какъ мѣстное духовенство употребляетъ всѣ усилія, чтобы подавить сектантство; правительство съ своей стороны оказываетъ духовнымъ властямъ самое энергичное содѣйствіе, издаетъ для сектантовъ исключительные законы, ограничиваетъ ихъ гражданскія права и т. под. И что же? Сектантство не только по прежнему существуетъ, но и продолжаетъ расти количественно и качественно: его внутренній ростъ выражается, съ одной стороны, въ выработкѣ болѣе опредѣленныхъ догмъ вѣроученія и правилъ дисциплины, а съ другой—въ выдѣленіи новыхъ сектъ, въ силу естественнаго закона диференціаціи. Теперь никто уже не вѣритъ въ возможность подавить сектантское движеніе какими угодно распрессивными мѣрами. Болѣе серьезные люди изъ среды духовенства не вѣрили въ это никогда. Вотъ что писалъ о штундѣ покойный П. Г. Лебединцевъ еще въ 1885 году: «Ересь прилипаетъ и разносится какъ зараза, расширяется и растетъ. Теперь она такъ уже распространилась, что, при условіяхъ нашей соціальной и экономической жизни, нечего и мечтать о томъ, чтобы искоренить и уничтожить ее, притомъ въ короткое время. То и составляетъ особенность всякаго новаго ученія, что совершенно остановить его безсильны бываютъ самыя энергическія и рѣшительныя мѣры. Это свидѣльствуютъ опыты всѣхъ вѣковъ и всѣхъ религій. Сила новаго религіознаго ученія—въ обольстительности того представленія, что это есть истинная вѣра, и той страстности и горячности чувства, съ которою оно воспринимается всякимъ новымъ послѣдователемъ. Мѣры преслѣдованія только усугубляютъ и распаляютъ этотъ внутренній огонь, и сторонники новой идеи, какъ бы она ни была несостоятельна, готовы бываютъ перенести какія угодно испытанія, претерпѣть самую смерть за вѣру, которую считаютъ единою истинною». [1]) Очевидно, методъ борьбы съ помощью репрессивныхъ мѣръ никуда не годится и отъ него давно слѣдовало бы отказаться и придумать другія мѣры

[1]) «Кіев. Стар». 1885 г. мартъ, стр. 515, и декабрь, стр. 650.

и средства. Указать ихъ—дѣло трудное, но возможное. Проф. И. А. Сикорскій, изслѣдуя причины возникновенія малёванщины, сдѣлалъ два указанія, по нашему мнѣнію, заслуживающія серьезнаго вниманія: по его мнѣнію, главными нравственными причинами религіознаго броженія въ народѣ слѣдуетъ признать: а) «крайне одностороннее направленіе грамотности, состоящее въ томъ, что народная школа и литература сообщаютъ народу мало свѣдѣній, касающихся внѣшней природы, сельскаго хозяйства и тому подобныхъ близкихъ сельскому жителю предметовъ; вслѣдствіе этого возбужденныя успѣхами времени вниманіе и любознательность народныхъ массъ сосредоточились исключительно на трудныхъ религіозныхъ вопросахъ, и вся пытливость народнаго ума сконцентрировалась на религіи, послѣдствіемъ чего явилась односторонность, всегда опасная для человѣческаго духа»; и б) «отсутствіе руководительства народной жизнью со стороны культурныхъ классовъ общества, выразившееся въ отсутствіи народной литературы, въ слабомъ развитіи такихъ учрежденій, которыми объединяется народная жизнь и поддерживаются ея лучшія стороны, каковы, напримѣръ, общества трезвости, приходскія попечительства и т. под» [1]).

Если этотъ діагнозъ вѣренъ, то въ немъ отчасти указанъ уже и методъ лѣченія.

О. Л.

---

[1]) «Психопатическая эпидемія 1892 года въ Кіев. губерніи», стран. 36.

Изъ переписки протоіерея Петра Гавриловича Лебединцева съ митрополитомъ кіевскимъ Платономъ.

По смерти митрополита Филофея, аскета по жизни, неожиданно для кіевлянъ, 4 февраля 1882 г. назначенъ на митрополичью каѳедру архіепископъ одесскій Платонъ. Подобно своимъ предшественникамъ, начиная съ м. Филарета, онъ относился къ Петру Гавриловичу Лебединцеву съ глубокимъ уваженіемъ, какого послѣдній вполнѣ заслуживалъ, какъ безпристрастнѣйшій человѣкъ въ мірѣ, никогда не злоупотреблявшій своимъ положеніемъ въ пользу родныхъ,—что обычно у духовныхъ. Прилагаемыя при семъ извлеченія изъ немногихъ писемъ м. Платона, какія сохранились, служатъ тому доказательствомъ. Иныя письма Петра Гавриловича м. Платонъ оставлялъ у себя, другія—дѣлового характера—возвращалъ съ положенными на нихъ резолюціями. Имѣется одна телеграмма его отъ 1885 г. къ Петру Гавриловичу такого содержанія: «Можете прибыть въ Петербургъ, привезите доказательства православія славянскихъ Апостоловъ въ Моравіи, если имѣете»[1]).

Свящ *Іоаннъ Гордіевскій.*

---

[1]) Письма печатаются въ хронологическомъ порядкѣ, за исключеніемъ тѣхъ частей ихъ, которыя не представляютъ [redacted] интереса или же касаются частныхъ лицъ.

1 [1]).

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Простите, если мой отвѣтъ на предложеніе, съ одной стороны весьма милостивое, а съ другой—очень увлекательное для человѣческихъ пожеланій, показался несоотвѣтствующимъ Вашему ожиданію. Нисколько не подражая типической формѣ рѣчей, произносимыхъ предъ хиротоніей, искренно говорю, что рѣшительное призваніе Ваше меня къ епископству, глубоко смутило, несмотря на то, что я слышалъ его уже прежде и отъ Васъ на пути въ Межигорье, и отъ покойнаго м. Арсенія. Устрашила меня и высота святительскаго сана при сознаніи своего недостоинства, и то, чѣмъ не устрашались другіе. Легче обѣщаетъ юность, чѣмъ старость уже и потому, что у нея много надеждъ на будущее и довольно сознанія своихъ силъ, но старость сознаетъ, какъ много изъ обѣщаннаго забыто, не исполнено, нарушено, и даже удерживаетъ налагать на себя новые обѣты. Вотъ истинная причина, почему я на 64 году жизни не рѣшаюсь принять высшій санъ, соединенный у насъ съ произнесеніемъ иноческихъ обѣтовъ, если они не были произнесены гораздо прежде. Я благоговѣю предъ истиннымъ монашествомъ, но совѣсть моя не позволяетъ произнести его обѣты нынѣ ради доступа къ высшему сану, когда я не рѣшился сдѣлать это прежде, волею, безъ видовъ на почести, теперь когда нужно думать объ отвѣтѣ за другіе, неисполненные или плохо исполненные. Надѣяться, чтобы сдѣлано было для меня исключеніе изъ принятаго у насъ обычая—допущеніемъ къ хиротоніи безъ постриженія въ монашество, съ принятіемъ одного рясофора, какъ сдѣлано для Маркелла Попеля

---

[1]) Письмо это списано по черновой. Предложеніе митрополита было сдѣлано по телеграфу изъ Петербурга и потому быстро разнеслось по Кіеву и проникло въ кіевскія газеты. Вслѣдъ за отвѣтомъ по телеграфу, Петръ Гавр. послалъ это письмо.

и какъ обычно у грековъ между большинствомъ епископовъ, я не смѣлъ, и потому не могъ дать Вамъ другого отвѣта, кромѣ посланнаго. Если въ немъ сказалось что-либо дерзновенное противъ иночества, молю простить меня и вмѣстѣ прошу не отвергнуть глубочайшей моей благодарности за Ваше Архипастырское вниманіе и отеческую милость, показанныя въ семъ призваніи меня къ высшей духовной почести. Быть вѣрнымъ помощникомъ Вашимъ на занимаемой мною нынѣ ступени считаю священнымъ долгомъ и постараюсь пребыть таковымъ всегда; искренно почитаю Вашу святую мудрость и Вашу ревность о благѣ церкви Христовой.

Вашего Высокопреосвященства

нижайшій послушникъ, протоіерей Петръ Лебединцевъ.

1883 г.

2.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, милостивый Архипастырь и Отецъ!

Во исполненіе желанія Вашего Высокопреосвященства благопочтительнѣйше представляю при семъ записку о нѣкоторыхъ отличіяхъ въ церковномъ облаченіи, предоставленныхъ въ Россіи патріархамъ, митрополитамъ, архимандритамъ и протоіереямъ. О правѣ архимандритовъ употреблять митру съ крестомъ вверху нигдѣ не упоминается; вѣроятно южно-русскіе архимандриты, получивши право носить митры, относительно формы ихъ послѣдовали примѣру мѣстныхъ преосвященныхъ. Послѣднее примѣчаніе къ указу св. Синода о митрахъ протоіереевъ сдѣлано мною по поводу бумаги г. попечителя Кіевскаго учебнаго округа о награжденіи протоіерея Н. Ѳаворова митрою по случаю предстоящаго юбилея Кіевскаго университета, къ чему встрѣчается препятствіе въ указѣ св. Синода.

Вчера отъ Консисторіи послано въ Кіевскую городскую управу отношеніе съ просьбой отмѣнить торги, назначенные ею

на 1-е число будущаго февраля для продажи прилегающаго къ площади строющагося Владимірскаго собора участка земли и о предоставленіи этого участка въ распоряженіе епархіальнаго начальства для причта сего собора, такъ какъ другого свободнаго участка вблизи нѣтъ, а подлѣ собора необходимо мѣсто для дома будущаго соборнаго причта. Переписка по сему предмету начиналась еще предъ закладкой собора въ 1860 г., повторена была и въ 1871 г., но не встрѣтила поддержки ни въ генералъ-губернаторѣ князѣ Васильчиковѣ, ни въ православномъ городскомъ головѣ, которые отвѣчали, что въ законѣ не предоставлено отводить безплатно причтамъ церквей усадьбы для постройки помѣщеній, и рекомендовали купить мѣсто у города, между тѣмъ какъ отвели въ то же время безплатно двѣ лучшія здѣсь же усадьбы Кіевскому обществу бѣдныхъ, состоящему подъ предсѣдательствомъ генералъ-губернаторши, которыя мѣста княгиня Дондукова-Корсакова продала въ частныя руки и которыя уже застроены. Переписка объ отводѣ мѣста для домовъ причта прекращена была въ виду пріостановки въ окончаніи самаго собора, въ которомъ оказались поврежденія. Нисколько не сомнѣваюсь, что можетъ быть отклонено Управой и настоящее ходатайство Консисторіи, если оно не будетъ подкрѣплено высшимъ содѣйствіемъ, и мнѣ кажется, что письмо Вашего Высокопреосвященства къ Кіевскому городскому головѣ Густаву Ив. Эйсману если-бы не рѣшило этого дѣла окончательно теперь же въ пользу собора Владимірскаго, то пріостановило-бы продажу участка, съ потерей котораго не предвидится никакой надежды пристроить причтъ вблизи собора, такъ какъ все занято домами и участокъ въ 400 кв. саженей здѣсь цѣнится не менѣе 15.000 т. рублей серебромъ. Смѣю доложить о семъ на Ваше Архипастырское благоусмотрѣніе.

Вашего Высокопреосвященства, милостивѣйшаго Архипастыря и отца нижайшій послушникъ,

протоіерей Петръ Лебединцевъ. [1]).

19 генваря 1884 г. Кіевъ.

---

[1]) Резолюція митрополита: «Препроводить къ Городскому Кіевскому Головѣ приложенное отношеніе мое по предмету настоящаго письма».

3.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Возвратившись въ Кіевъ 24 минувшаго ноября, благопочтительнѣйше довожу до свѣдѣнія Вашего Высокопреосвященства, что... протоколъ Консисторіи съ постановленіемъ объ обязательной выпискѣ «Руководства для Сельскихъ Пастырей» и объ изданіи съ новаго года только одной оффиціальной части «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» представляется на утвержденіе Вашего Высокопреосвященства... То обстоятельство, что Академія поспѣшила уже объявить объ изданіи «Кіевскихъ Еп. Вѣдомостей» ею и въ 1885 г., не имѣетъ значенія, такъ какъ сторонніхъ подписчиковъ на эти «Вѣдомости» нѣтъ теперь, а обязательнымъ, т. е. духовенству Кіевской епархіи еще успѣемъ дать знать, куда высылать деньги. Да и сама Академія два уже раза прекращала «Воскресное Чтеніе», хотя объявляла раньше о его продолженіи вмѣстѣ съ «Трудами». Запасныя статьи, если онѣ стоятъ печати, могутъ быть помѣщены и въ собственномъ академическомъ журналѣ, хотя сомнительно, чтобы этотъ запасъ былъ, судя потому, что печаталось въ «Еп. Вѣдомостяхъ» за сей годъ. Празднованіе дня св. великомученицы Варвары совершено въ Михайловскомъ монастырѣ при многолѣтіяхъ Вашему Высокопреосвященству...

Съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія испрашивая Вашего Архипастырскаго благословенія, священнымъ долгомъ считаю быть Вашего Высокопреосвященства нижайшимъ послушникомъ,

протоіерей Петръ Лебединцевъ [1]).

5 декабря 1884 г. Кіевъ.

---

[1]) Резолюція митрополита: «Отвѣтилъ приложеннымъ письмомъ».

4.

Достопочтенный о. протоіерей, Петръ Гавриловичъ!

По содержанію письма Вашего отъ 5-го декабря, считаю нужнымъ сказать Вамъ, что относительно «Руководства для Сельскихъ Пастырей» и «Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей» я далъ мою резолюцію на протоколѣ Консисторіи, который Вы скоро получите. По невозможности собрать скоро тѣ свѣдѣнія, которыхъ я требую моею резолюціею, нельзя сдѣлать нынѣ окончательнаго распоряженія по предмету помянутаго протокола.

Призывая благословеніе Божіе на Васъ, остаюсь усерднымъ слугою Вашимъ

Платонъ, митрополитъ Кіевскій.

11 декабря 1884 г. С.-Петербургъ.

5.

Почтенный о. протоіерей, Петръ Гавриловичъ!

Увѣдомьте меня безъ замедленія: 1) сколько ширины имѣетъ внутри сооруженный въ Кіевѣ храмъ св. Владиміра? 2) какъ широки будутъ въ немъ олтарь и иконостасъ? 3) не положено ли устроить въ немъ, кромѣ главнаго олтаря, еще два по сторонамъ его или нельзя ли сдѣлать такіе придѣлы? А всего лучше было-бы, если бы вы прислали мнѣ на разсмотрѣніе планъ Владимірскаго собора, или хотя чертежъ одной передней его части, дабы я могъ вѣрнѣе судить, можно ли устроить въ немъ или пристроить къ нему придѣлы. Мнѣ думается, что весьма прилично было-бы имѣть въ храмѣ св. Владиміра одинъ придѣлъ въ память равноапостольныхъ царей Константина и Елены, а другой въ честь славянскихъ просвѣтителей Кирилла и Меѳодія.

Призывая благословеніе Божіе на Васъ и всѣхъ нашихъ въ Кіевѣ, остаюсь усерднымъ покорнѣйшимъ слугою Вашимъ

Платонъ, митрополитъ Кіевскій.

9 января 1885 г. С. Петербургъ.

6.

Вы, о. протоіерй Лебединцевъ и секретарь Ольшевскій, говорили мнѣ. что извѣстная «Ѳеофанія» нѣкогда принадлежала Лаврѣ или Кіевскому митрополитскому дому, а потомъ взята была въ казенное вѣдомство и отведена лично въ пользованіе Кіевскому викарію, который и далъ ей нынѣшнее названіе, а въ памятной книжкѣ Кіевской епархіи, изданной покойнымъ профессоромъ Кіевской академіи Вороновымъ и священникомъ Антоновымъ, именно въ описаніи Златоверхо-Михайловскаго монастыря на 69 страницѣ сказано, что по отобраніи отъ монастырей населенныхъ имѣній, Михайловскому монастырю оставлена, между прочимъ «Ѳеофанія»—прежде хуторъ монастырскій, а съ 1861 г. скитъ, служащій мѣстомъ успокоенія престарѣлыхъ иноковъ Михайловскаго монастыря и мѣстомъ погребенія всей братіи онаго. Потому покорно прошу надлежаще объяснить мнѣ: 1) принадлежала ли «Ѳеофанія» Кіево-Михайловскому монастырю до отобранія населенныхъ имѣній отъ монастырей? если не принадлежала, то въ чьемъ владѣніи находилась она тогда? 2) не была ли отведена она Михайловскому монастырю до назначенія викарія въ Кіевскую епархію, или по опредѣленіи онаго въ эту епархію? 3) если же она никогда не принадлежала помянутому монастырю, но отведена въ личное пользованіе Кіевскаго викарія,—то когда, кѣмъ и изъ какого владѣнія дана ему? 4) до отвода ея Кіевскому викарію жили ли и погребались ли въ ней братія Михайловскаго монастыря? если нѣтъ, то гдѣ тогда они погребались и всѣ ли нынѣ погребаются въ ней? 4) кромѣ хуторовъ, упомянутыхъ въ вышеозначенномъ описаніи Михайловскаго монастыря, не имѣетъ ли сей монастырь во владѣніи своемъ другихъ хуто-

ровъ съ хозяйственными заведеніями и въ ближайшемъ разстояніи отъ Кіева, нежели «Ѳеофанія?» [1])

Сообразите безпристрастно, затѣмъ доложите мнѣ, нѣтъ ли въ Кіевѣ такихъ образованныхъ священниковъ, которыхъ бы можно и полезно было сдѣлать хоть сверхштатными членами Консисторіи? Разсматривая дѣло о священникѣ Я., я вижу, что на протоіерея Б. и столоначальника З. да, кажется, и на другихъ служащихъ въ Консисторіи, мое неудовольствіе и замѣчанія, дѣлаемыя мною по суднымъ дѣламъ, не дѣйствуютъ. Поэтому мнѣ хочется испытать, не найдутся ли лучшіе дѣятели для Консисторіи...

Призываю на Васъ благословеніе Божіе и отъ души желаю Вамъ всего добраго.

Платонъ, митрополитъ Кіевскій.

4 января 1886 г. С.-Петербургъ.

7.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Благопочтительнѣйше докладываю Вашему Высокопреосвященству, что изъ Кіевскаго городского духовенства, по моему мнѣнію, могли-бы быть сверхштатными членами Консисторіи только протоіерей Б. и священникъ П. П., всѣ прочіе способные не меньше къ прохожденію этой должности, при множествѣ занимаемыхъ уроковъ, не могутъ принять на себя должности, требующей времени и труда. Комплектовать же присутствіе Кіевской Консисторіи переходящими въ Кіевъ изъ селъ священни-

---

[1]) Просимыя м. Платономъ свѣдѣнія о «Ѳеофаніи» имѣлись уже годъ тому назадъ въ отпечатанной брошюрѣ Петра Гавриловича «Кіево-Михайловскій Златоверхій монастырь въ его прошедшемъ и настоящемъ состояніи».

ками съ семинарскимъ образованіемъ, въ виду существованія здѣсь Академіи, кажется, было-бы неблаговиднымъ, а можетъ быть и не надежно...

Памятная книжка Воронова и Описаніе Кіево-Михайловскаго монастыря іеремонаха Евстратія сообщаютъ невѣрныя свѣдѣнія о «Θеофаніи». Точное, документальное свѣдѣніе по сему предмету доставлю съ почтой слѣдующаго дня.

Съ глубокимъ благоговѣніемъ испрашивая Вашего святительскаго благословенія себѣ, воспитанницамъ училища и служащимъ въ немъ, священнымъ долгомъ считаю быть.

Вашего Высокопреосвященства нижайшимъ послушникомъ

Протоіерей Петръ Лебединцевъ.

13 января 1886 г. Кіевъ.

8.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

Представивъ Вашему Высокопреосвященству отъ Софійскаго собора о имѣющемъ быть 10 апрѣля сего 1886 г. освященіи мура, благопочтительнѣйше докладываю, что въ этотъ же день исполнится 100 лѣтъ отъ изданія Высочайшаго именного указа, коимъ 10 апрѣля 1786 г. повелѣно Кіевскому митрополиту именоваться и Архимандритомъ Кіево-печерскія лавры. Такимъ образомъ открывается сугубая вина, по которой желательно прибытіе Ваше въ Кіевъ къ началу м. апрѣля. Какъ-бы нарочито къ этому юбилею Лавры приведена въ лучшее благоустройство великая Лаврская церковь чрезъ введеніе тепла, укладку дубоваго пола и перечистку иконостасовъ. Въ октябрѣ, 15 числа, исполнится 25 лѣтъ со времени открытія кіевскаго женскаго училища, но какъ теперь воспрещены 25-лѣтніе юбилеи, то мы и не мечтаемъ о какомъ-либо торжествѣ по сему случаю, хотя Царско-сельское и Ярославское женскія духовныя училища празд-

новали свои 25-лѣтія. Это торжество, если Господь благословитъ, замѣнится у насъ открытіемъ новаго женскаго духовнаго училища. Желательно только, чтобы хотя этому училищу дано было, въ видахъ обрусѣнія края, то пособіе отъ казны, какимъ пользуются женскія духовныя училища Волынской и Подольской епархій, получая на свое содержаніе по 12,000 рублей въ годъ съ правомъ служащихъ въ нихъ лицъ на пенсію отъ св. Синода, а не изъ епархіальныхъ суммъ, существующихъ даже не на бумагѣ, а въ воображеніи. Во всякомъ случаѣ, въ виду скораго окончанія зданія для этого училища, настоитъ уже потребность представить св. Синоду о разрѣшеніи открыть училище и ходатайствовать объ утвержденіи для него положенія, на которомъ оно должно существовать. Опасаюсь одного, чтобы права этого училища не были обрѣзаны, какъ случилось это при утвержденіи устава перваго Кіевскаго женскаго духовнаго училища, въ отсутствіе покойнаго митрополита Арсенія изъ Петербурга.

Софійскій соборъ не можетъ дать протоіерею Б. такого пособія, которымъ бы онъ довольствовался, да едва-ли и онъ самъ согласится получать пособіе, не будучи ни бѣднымъ, ни вдовою какою нибудь. Но мнѣ кажется, что если онъ могъ получать доселѣ жалованье по должности ключаря вмѣстѣ съ пенсіею за училищную службу, то нѣтъ препятствія получать ему также одно жалованье по должности члена консисторіи вмѣстѣ съ тою же пенсіею. Жалованье за священническую должность у насъ вмѣстѣ съ пенсіею за училищную службу, получаютъ 4 протоіерея; получали и другіе. Въ указѣ св. Синода 1879 г. есть недомолвка, такъ какъ св. Синодъ хлопоталъ тогда, сносясь съ разными вѣдомствами, сколько извѣстно, о правѣ членовъ Консисторіи получать при пенсіи не одно, а два жалованья: жалованье по должности члена Консисторіи сверхъ жалованья по должности священнической, что и разрѣшено въ Литвѣ и Царствѣ Польскомъ. Въ 1870 г. министерство народнаго просвѣщенія, по сношеніи съ св. Синодомъ, отказало мнѣ въ пенсіи за должность законоучителя гимназіи потому именно, что я получаю два жалованья: по Собору и по Консисторіи, о чемъ сказано въ полученной

мною бумагѣ. И мнѣ тогда и въ Синодѣ, и въ Департаментѣ народнаго просвѣщенія говорили, что, отказавшись отъ одного изъ двухъ жалованій, я могу получать пенсію. Если же можно было получать пенсію при жалованьѣ въ 800 р. (ключарскомъ), то страннымъ было-бы не имѣть ему права на ту же пенсію при жалованьѣ въ 500 р., только по другой должности. Мы смѣемъ просить разъясненія по сему предмету, или ходатайства Вашего о разрѣшеніи его самимъ Синодомъ.

«Что инъ родъ я, а инъ родъ моя жена»—сего члены Консисторіи не забыли при разрѣшеніи просьбы недавней одного крестьянина, но они впали въ сомнѣніе, можно ли мужа и жену полагать въ разныхъ родахъ послѣ того, какъ послѣднимъ указомъ св. Синода предписано не полагать мужа и жены въ разныхъ степеняхъ ни въ какомъ случаѣ, т. е. не только въ отношеніи къ нисходящему отъ нихъ потомству, но и въ отношеніи къ родственникамъ той и другой стороны, такъ какъ по вступленіи въ бракъ мужъ и жена составляютъ одно. Простите наше сомнѣніе; мы подумали, что если нѣтъ 2 степеней, то нѣтъ уже двухъ родовъ...

Съ глубокимъ благоговѣніемъ, испрашивая Вашего Святительскаго благословенія, имѣю счастье быть Вашего Высоко-преосвященства нижайшимъ послушникомъ

протоіерей Петръ Лебединцевъ [1]).

12 февраля 1886 г. Кіевъ.

9.

Достопочтенный отецъ протоіерей, Петръ Гавриловичъ!

По содержанію Вашего письма ко мнѣ отъ 12 февраля спѣшу сообщить Вамъ слѣдующее: 1) я надѣюсь возвратиться въ Кіевъ

---

[1]) Резолюція митрополита: «Отвѣчалъ письменно по пунктамъ настоящаго письма».

на вербной недѣлѣ Великаго поста, если не попрепятствуетъ что-либо непредвидѣнное нынѣ, и желаю принять участіе въ мурованіи; а что сдѣлать въ память имѣющаго совершиться столѣтія отъ изданія того Высочайшаго указа, которымъ повелѣно Кіевскому митрополиту именоваться и архимандритомъ Кіево-печерскія Лавры,—не придумаю. Не составитъ ли кто-нибудь по этому случаю брошюры съ именнымъ спискомъ всѣхъ бывшихъ доселѣ Кіевскихъ митрополитовъ съ краткими ихъ біографіями, въ которыхъ можно сказать, что они сдѣлали, или что́ случилось при нихъ замѣчательнаго по Лаврѣ и Кіевской епархіи? Это, я думаю, было-бы кстати [1]) 2) Очень хорошо было-бы открыть въ Кіевѣ новое женское духовное училище 15-го будущаго октября, и поэтому нужно безъ замедленія составить то «Положеніе» относительно сего училища, о которомъ Вы говорите въ письмѣ своемъ, и предоставить мнѣ оное на разсмотрѣніе, вмѣстѣ съ проектомъ представленія моего св. Синоду по сему предмету. Само собой разумѣется, что въ этомъ представленіи мы можемъ просить всего, что признаемъ нужнымъ и полезнымъ для училища и епархіи, но не должны требовать неудобоисполнимаго. 3) по случаю предполагаемаго опредѣленія протоіерея Б. въ штатные члены Консисторіи, эта послѣдняя можетъ предоставить мнѣ относительно содержанія сего протоіерея то, что признаетъ нужнымъ, справедливымъ и согласнымъ съ общимъ закономъ и особенными распоряженіями св. Синода, на кои Вы указываете въ своемъ письмѣ. 4) за то, что Вы, съ своими учеными коллегами по Консисторіи при разсмотрѣніи извѣстнаго прошенія смѣшали степени родства съ родами и потому, такъ сказать, заблудились въ трехъ соснахъ,—Богъ проститъ Васъ...

Благодарю Васъ, отецъ протоіерей, за свѣдѣнія и мысли, сообщаемыя мнѣ въ Вашихъ письмахъ, и впредь прошу Васъ откровенно писать мнѣ о томъ, что заслуживаетъ мое вниманіе и

---

[1]) Петръ Гавриловичъ издалъ брошюру: «Кіево-Печерская Лавра въ ея прошедшемъ и нынѣшнемъ состояніи», въ которой имѣются просимыя митрополитомъ свѣдѣнія.

требуетъ съ моей стороны распоряженія. Мы тащимъ одинъ возъ и поэтому должны, по возможности, помогать одинъ другому.

Призывая благословеніе Божіе на Васъ и душевно желая Вамъ всего добраго, съ уваженіемъ и преданностію остаюсь Вашимъ усерднымъ слугою

Платонъ митрополитъ Кіевскій.

18 февраля 1886 г. С.-Петербургъ.

10.

Высокопреосвященнѣйшій Владыко, милостивѣйшій Архипастырь и Отецъ!

... При семъ позвольте доложить одно соображеніе и по дѣламъ о штундизмѣ. Дѣла о штундизмѣ состоятъ всѣ въ вѣдѣніи 2-го викарія Кіевской епархіи, между тѣмъ кіевскій комитетъ миссіонерскаго общества и св. Владимірское братство, предсѣдателемъ котораго состоитъ 3-й викарій Кіевской епархіи, одной изъ своихъ задачъ имѣютъ также—противодѣйствіе штундизму и содѣйствіе православному духовенству въ борьбѣ съ штундизмомъ. Кажется, что предпринимаемые противъ штундизма мѣры былибы дѣйствительнѣе, если бы въ нихъ было болѣе единства при сосредоточеніи дѣлъ о штундизмѣ у одного преосвященнаго викарія, и что вѣдать эти дѣла свойственнѣе тому, который состоитъ предсѣдателемъ комитета Миссіонерскаго Общества и св. Владимірскаго Братства. Преосвященный не обременился-бы принятіемъ этихъ дѣлъ въ свое вѣдѣніе, такъ какъ, кромѣ общихъ дѣлъ по 5-ти уѣздамъ, ему остается еще только присутствовать на экзаменахъ по Закону Божію въ свѣтскихъ учебныхъ заведеніяхъ, что прежде, на основаніи Высочайшаго повелѣнія, въ Петербургѣ и Кіевѣ принадлежало къ обязанности ректора духовной Академіи. Число штундистовъ почти одинаково въ районѣ 2 и 3 викарія, поручены же были всѣ дѣла о штундизмѣ 2-му викарію, преосвященному Поликарпу, потому, что тогда у него ничего осо-

беннаго не было и не было 3-го викарія въ Кіевѣ. Ущерба для дѣятельности преосвященнаго отъ сего не можетъ быть, такъ какъ въ его вѣдѣніи 6 уѣздовъ и дѣла о церковно-приходскихъ школахъ всей Кіевской епархіи.

Въ газетахъ сообщаютъ о 50-лѣтнемъ юбилеѣ возсоединенія Литовскихъ уніатовъ и объ образованіи новой епархіи въ г. Холмѣ съ викаріатствомъ въ Владимірѣ-Волынскомъ. Въ этомъ юбилеѣ должна-бы принять участіе и Кіевская епархія, возсоединившая тогда съ собою 15 уніатскихъ приходовъ радомысльскаго уѣзда и весь родъ преосвященнаго Іосифа Сѣмашки. А каѳедрѣ епархіальнаго архіерея надлежитъ быть не въ Холмѣ, а въ г. Владимірѣ-Волынскомъ, съ викаріатствомъ въ Холмѣ, потому, что Владиміръ и Владимірская епископская каѳедра гораздо древнѣе Холма и Холмской еп. каѳедры. Владимірская епархія учреждена еще въ X вѣкѣ св. Владиміромъ, а Холмская въ половинѣ XIII вѣка—княземъ Даніиломъ Романовичемъ, и обѣ пребывали въ православіи до начала 17 вѣка, имѣя православныхъ епископовъ у себя. Въ Холмѣ не сохранилось древнихъ церковныхъ памятниковъ, а въ г. Владимірѣ почти цѣлъ соборъ каѳедральный, сооруженный Мстиславомъ, и есть остатки старой каѳедры. Смѣю предложить Вашему вниманію и мое мнѣніе, если газетное извѣстіе имѣетъ основаніе и смиреннѣйше испрашиваю Архипастырскаго Благословенія.

Вашего Высокопреосвященства, милостивѣйшаго Архипастыря и Отца нижайшій послушникъ

протоіерей Петръ Лебединцевъ.

26 января 1889 г.

---

11 [1]).

Находящаяся въ Кіево-Софійскомъ соборѣ гробница созда-

---

[1]) Докладъ списанъ мною по черновой, изъ котораго не видно, къ какому именно митрополиту онъ относится; но думаю, что къ Платону.

теля сего храма, великаго князя Кіевскаго Ярослава Владиміровича, состоящая изъ массивнаго мраморнаго саркофага съ рѣзными украшеніями изъ крестовъ, пальмъ и орнаментовъ на самой гробницѣ и на двухскатной ея крышѣ, привлекаетъ всегда вниманіе посѣтителей не только русскихъ, но и иностранныхъ. Но доступъ къ ней неизбѣжно соединяется съ нарушеніемъ нѣкоторыхъ правилъ о допущеніи мірянъ въ олтарь и вовсе не возможенъ для лицъ женскаго пола, даже изъ особъ царствующаго Дома, такъ какъ гробница эта углублена въ боковую стѣну придѣльнаго Владимірскаго олтаря, рядомъ съ престоломъ, въ разстояніи отъ него на одинъ аршинъ. Кромѣ сего и входъ въ этотъ олтарь, при маломъ размѣрѣ его и діаконской двери, затруднителенъ для лицъ старшаго возраста, съ другой стороны, исторически извѣстно, что первоначально въ Кіево-Софійскомъ соборѣ не было придѣльнаго олтаря во имя св. князя Владиміра, а гробница сына его, великаго князя Ярослава въ 17 вѣкѣ стояла не здѣсь, а въ западной части древняго Георгіевскаго придѣла, влѣво отъ главнаго входа въ соборъ, какъ говорится о семъ въ «Палинодіи» Захарія Копыстенскаго, архимандрита кіево-печерскаго (1624—1627 г.) и въ «Синопсисѣ» Иннокентія Гизеля, кіево-печерскаго архимандрита (1656—1683 г.). Древняя же христіанская церковь вовсе не допускала погребенія мертвыхъ тѣлъ въ восточной, олтарной части храма, кромѣ положенія мощей св. мучениковъ подъ престолами, почему гробницы и Византійскихъ императоровъ стояли не въ олтарной части, а въ боковыхъ (сѣверной и южной) папертяхъ Константинопольскаго храма св. Апостолъ. Найболѣе достовѣрно, что придѣльный олтарь, съ престоломъ во имя св. князя Владиміра, въ одной изъ галлерей Софійскаго собора устроенъ въ 1-й половинѣ 17 вѣка митрополитомъ Петромъ Могилою по случаю обрѣтенія имъ гробницы св. Владиміра въ развалинахъ Десятинной церкви и предполагавшагося внесенія этой гробницы въ св. Софію, о чемъ писалъ онъ царю Михаилу Ѳедоровичу въ 1640 году, прося пособія на украшеніе гробницы, и что гробница вел. князя Ярослава перенесена изъ Георгіевскаго придѣла въ олтарь Владимірскаго придѣла, по всей вѣро-

ятности, въ концѣ 17 вѣка при митрополитѣ кіевскомъ Гедеонѣ, князѣ Четвертинскомъ (1685–1690 г.), который и самъ пожелалъ быть погребеннымъ въ этомъ же олтарѣ, по другую сторону престола, у сѣверной стѣны, какъ потомокъ одного изъ сыновей князя Ярослава.

Почтительнѣйше докладывая о семъ Вашему Высокопреосвященству, осмѣливаюсь вмѣстѣ съ тѣмъ представить на Ваше Архипастырское благоусмотрѣніе, что для устраненія неудобствъ отъ помѣщенія гробницы вел. князя Ярослава въ олтарѣ Владиміскаго придѣла необходимо или упразднить этотъ олтарь чрезъ снятіе его престола, послѣ чего онъ оставался бы только усыпальницей вел-го князя, или перенести гробницу в. кн. Ярослава на прежнее мѣсто въ западную часть Георгіевскаго придѣла, оградивъ ее бронзовой рѣшеткой и устроивъ надъ ней мраморный балдахинъ небольшого размѣра съ приличною лампадой.

Вашего Высокопреосвященства всепокорнѣйшій послушникъ
протоіерей Петръ Лебединцевъ.

Послѣсловіе. Приведу текстъ одной черновой Петра Гавриловича, имѣющій отношеніе къ м. Платону. «При митрополитѣ Платонѣ началось въ Кіево-печерской Лаврѣ празднованіе дня кончины 1-го митрополита кіевскаго Михаила, мощи коего почиваютъ въ великой церкви сей Лавры. Пріурочено оно къ 15 іюня и въ этотъ день совершается. Но откуда сталъ извѣстнымъ день кончины этого святого, никѣмъ еще не объяснено. Нѣкоторые изъ близко стоявшихъ къ покойному митрополиту Платону говорятъ, будто ему было доложено, что день кончины св. митрополита Михаила указанъ преосвященнымъ черниговскимъ Филаретомъ въ его «Словарѣ святыхъ Русской церкви». Но въ этомъ словарѣ ничего не говорится о днѣ кончины св. митрополита Михаила, а повторяются только общеизвѣстныя краткія біографическія свѣдѣнія о немъ, взятыя главнымъ образомъ изъ «Степенной книги» 16 вѣка, при чемъ говорится, что указомъ св. Синода 15 іюня 17?? года разрѣшено Кіево-печерской Лаврѣ печатать службу

св. митрополиту Михаилу, которая не печаталась съ начала 18 вѣка, такъ какъ ея не было въ Московскихъ богослужебныхъ книгахъ, а послѣ подчиненія Кіевской митрополіи, а вмѣстѣ съ нею и Кіево-печерской Лавры, московскому патріарху въ 1686 г., дозволено печатать въ Кіево-печерской типографіи богослужебныя книги только съ Московскихъ изданій, что и нынѣ продолжается. О другомъ какомъ либо основаніи считать 15 іюня днемъ кончины св. митрополита кіевскаго Михаила намъ не приходилось слышать, а въ недавнее время появилось между учеными мнѣніе, что находящіяся въ Кіево-печерской Лаврѣ мощи святителя Михаила принадлежатъ митрополиту Кіевскому Михаилу 12 вѣка [1]), а не митрополиту Михаилу 10 вѣка, такъ какъ этотъ послѣдній митрополитъ до 16 вѣка не упоминается ни въ греческихъ, ни въ нашихъ русскихъ лѣтописяхъ, а по старѣйшей Новгородской лѣтописи 1-мъ русскимъ митрополитомъ былъ Леонтій. И съ поводу этого мнѣнія извѣстнымъ профессоромъ А. С. Павловымъ разъяснено, что 1-й митрополитъ кіевскій появился въ «Степенной книгѣ» подъ именемъ Михаила Сирина по недоразумѣнію ея составителя, который имя пресвитера Михаила Синкела, поставленное въ заглавіи наставленія, Корсунскимъ епископомъ даннаго св. кн. кіевскому Владиміру при крещеніи въ Херсонессѣ, усвоилъ этому неизвѣстному намъ по имени епископу, призналъ его за митрополита и непонятное слово «Синкелъ» замѣнилъ своимъ «Сиринъ», т. е. Сиріецъ. Недоразумѣніе это, санкционированное самомъ составителя Степенной книги, повторено всѣми послѣдующими нашими писателями и вошло въ позднѣйшіе лѣтописи, каталоги и хронографы».

---

[1]) Въ X книжкѣ чтеній въ историческомъ обществѣ Нестора лѣтописца помѣщена статья Петра Гавриловича: „Къ вопросу о кіевскомъ митрополитѣ XII вѣка Михаилѣ“.

Борьба школьныхъ вліяній въ до-петровской Руси.

(Окончаніе [1]).

VI.

Борьба представителей двухъ школьныхъ направленій—латинопольскаго и греческаго, разыгравшаяся со всею силой въ 80-хъ годахъ XVII ст. и имѣвшая двѣ стороны—литературную и практическую, началась послѣ смерти Епифанія Славинецкаго († 1675), еще при жизни Симеона Полоцкаго († 1680 г.). Оба они, хотя и мыслились москвичами какъ представители совершенно различныхъ учебно-литературныхъ направленій и различныхъ взглядовъ на источники истинной науки, не разошлись еще другъ съ другомъ благодаря единству пройденной ими школы, широтѣ образованія и достоинствамъ своихъ характеровъ. Но за то оба направленія столкнулись въ лицѣ ихъ любимѣйшихъ учениковъ—старца Евѳимія и Сильвестра Медвѣдева, которые довели эти направленія до крайности и принципіальное несогласіе укрѣпили личными враждебными отношеніями. «Если Епифаній по

[1]) См. Кіев. Ст. № 9.

учености былъ грекъ по преимуществу, то Евѳимій сталъ грекомъ исключительно. Если Епифаній былъ мало расположенъ къ латинянамъ и ихъ учености, то ученикъ его сталъ всѣми своими симпатіями противъ латинскаго міра. Тоже нужно сказать и относительно ученика Полоцкаго, Сил. Медвѣдева. Онъ уважалъ только латинское образованіе, совершенно игнорируя и отрицая ученіе греческое» (Образцовъ, Братья Лихуды. Ж. М. Н. Пр., 1867 г., т. 136, стр. 740).

Литературный споръ о преимуществахъ греческой и латинской системъ образованія отразился какъ въ сочиненіяхъ по вопросу о времени пресуществленія св. даровъ, такъ и въ нѣсколькихъ спеціальныхъ запискахъ. Въ защиту греческаго языка и греческаго ученія было написано въ 80-хъ годахъ два разсужденія. Одно изъ нихъ, приписываемое старцу Евѳимію, издано г. Сменцовскимъ подъ такимъ заголовкомъ: «Разсужденіе—учитися-ли намъ полезнѣе грамматики, риторики... или, и не учася симъ хитростямъ, въ простотѣ Богу угождати... и котораго языка учитися намъ, славяномъ, потребнѣе и полезнѣе—латинскаго или греческаго?» (Прил., VI—XXVI). Главное вниманіе посвящено здѣсь второму вопросу, который рѣшается въ пользу греческаго (и славянскаго) языка. Аргументы автора слѣдующіе: 1) Сходство славянскаго алфалита и славянской грамматики съ греческими при несходствѣ съ латинскими; 2) грамматическое и лексическое превосходство греческаго языка надъ латинскимъ [1]; 3) то, что всѣ отцы древней церкви учились богословія на греческомъ языкѣ и на немъ писали и учили паству; 4) издавнее господство греческаго языка въ русской церкви. Что касается ла-

[1]) «Латинскій языкъ скуденъ и убогъ по себѣ самому и за скудость свою овогда употребляетъ еллинская реченія и имена, овогда же иными реченми измѣняетъ». «Книги греческія латинскимъ языкомъ добрѣ на славенскій діалектъ превести отнюдъ невозможно»; «согласенъ славенскій языкъ съ греческимъ, и учаяся тому не погрѣшитъ истины о богословіи; латинской же, отъ его и полскій растлѣвся, колико далече отсутствуетъ истины».

тинскаго ученія, то оно уже заявило свою зловредность, такъ какъ въ малой Россіи едва не всѣхъ оно совратило въ унію, да и на Москвѣ распространилось католическое измышленіе о времени пресуществленія св. даровъ и иныя латинскія новшества. «Довольно показавъ», «яко языкъ греческій честенъ и великъ и богословіе могущъ объяти, не заимствуя языка латинскаго, языкъ же латинскій безъ греческаго ничто же могущъ высокихъ разумѣній, также о богословіи, писати и глаголати и велми самъ собою непотребенъ намъ, славяномъ, и ничто-же воспользуетъ насъ, но паче пошлитъ и далече отъ истины въ богословіи отведетъ и къ западныхъ зломудрію тайно и внезапно привлечетъ», авторъ приглашаетъ духовныхъ и мірскихъ начальниковъ постараться потушить «моленми, ученми и запрещенми малую искру латинскаго ученія... въ Москвѣ паченшагося», и не дать ей разгорѣться въ пламень западнаго зломысленнаго ученія. Только тогда, говоритъ онъ, водрузится въ Россіи правовѣріе, прекратится расколъ внутри ея самой и укрѣпятся внѣшнія отношенія русской церкви съ восточными православными церквами.

Другая записка носитъ заглавіе: «Доводъ вкратцѣ: яко ученія и языкъ еллино-греческій наипаче нужно потребный, нежели латинскій языкъ и ученія и чѣмъ пользуетъ славенскому народу». [1])

---

[1]) Напеч. въ приложеніи къ актовой рѣчи проф. Каптерева, не разъ цитованной нами: «О греко-латинскихъ школахъ въ Москвѣ въ XVII в. до открытія славяно-греко-лат. академіи», 89—96. Авторъ ея неизвѣстенъ. Архіеп. Филаретъ въ Обзорѣ русской дух. литературы (1859, I, 297) предположительно назвалъ составителемъ ея Павла Негребецкаго, западнорусса, извѣстнаго на Москвѣ своимъ участіемъ въ богословско-литературной полемикѣ подъ знаменемъ Сильвестра Медвѣдева. Этого мнѣнія держались прежде и мы. Но Негребецкій, какъ сторонникъ «латинской части», не могъ высказывать мысли и убѣжденія грекофиловъ. Гг. Брайловскій (Филол. вѣстникъ, 1889, № 4, 280) и Сменцовскій (32) приписываютъ «Доводъ» (предположительно-же) старцу Евѳимію, но примѣсь словъ бѣлорусскихъ заставляетъ искать автора въ другомъ лицѣ, къ тому же Евѳимій высказалъ свои мысли о превосходствѣ греческаго образованія въ изложенномъ свыше «Раз-

Авторъ ея, начавъ съ заявленія, что русскіе приняли христіанство отъ грековъ и отъ нихъ же заимствовали не только священныя и церковныя книги, но и гражданскіе и всякіе обычаи, доказываетъ на основаніи не только греческихъ и славянскихъ историковъ, но даже римскихъ авторовъ и западныхъ христіанскихъ писателей общечеловѣческое культурное значеніе греческаго языка и превосходство его предъ латинскимъ. Послѣднее подтверждается и тѣмъ, что на греческій именно языкъ былъ переведенъ Ветхій Завѣтъ и на немъ написаны новозавѣтныя священныя книги и изложены дѣянія соборныя. Даже всѣ свободныя науки, а также медицина и философія первоначально были изложены на греческомъ языкѣ, а не на латинскомъ, за «скудостію» послѣдняго. И сами латиняне донынѣ изучаютъ въ своихъ академіяхъ греческихъ авторовъ, какъ нѣкое основаніе свободныхъ наукъ, подобнаго которому никто не можетъ до сихъ поръ измыслить, почему и самыя эти науки, какъ у латинянъ, такъ и у всѣхъ другихъ народовъ носятъ греческія имена. Но греческій языкъ весьма важенъ и полезенъ не только для латинской науки, онъ и славянскому языку оказываетъ большую помощь, такъ какъ при своей близости къ нему служитъ для выясненія его собственныхъ законовъ и правилъ, что и показалъ Мел. Смотрицкій въ своей грамматикѣ. Необходимъ онъ и для исправленія богослужебныхъ книгъ по греческимъ рукописямъ. Правда, западноруссы учатся наукамъ на латинскомъ языкѣ (за исключеніемъ Львовской братской школы), но этимъ то и объясняется отпаденіе весьма многихъ изъ нихъ отъ православія и латинская закваска у тѣхъ, кто учился у іезуитовъ. Наконецъ, между русскими и латинянами издавна существуетъ антипатія, въ силу которой русскіе и Москвы и Бѣлоруссіи, въ случаѣ религіозныхъ недоумѣній, всегда обращаются къ грекамъ, а не къ латинянамъ и все приходящее отъ

сужденіи».—Впрочемъ, послѣднее не смущаетъ г. Брайловскаго, который находитъ доказательства тождества ихъ автора въ сходствѣ содержанія и въ ссылкѣ обоихъ документовъ на авторитетъ Еп. Славинецкаго.

послѣднихъ принимаютъ съ подозрѣніемъ и нерасположеніемъ, хотя бы оно было доброе. Въ виду всего этого надлежитъ—заключаетъ авторъ—учиться по гречески, такъ какъ этотъ языкъ не только не вредитъ вѣрѣ, какъ латинскій, но и служитъ къ очищенію славянскаго, вмѣстѣ съ которымъ и долженъ изучаться. Впрочемъ, по усвоеніи греческихъ наукъ, желающіе могутъ изучать и латинскія, но только съ опасеніемъ, какъ бы не повредить своей вѣрѣ и обычаямъ, потому что ничто такъ не измѣняетъ человѣка и нравовъ его, какъ иностранное ученіе.

Кромѣ этихъ записокъ, въ защиту греческаго языка и ученія было представлено и еще нѣсколько доводовъ. Такъ, братья Лихуды, прибывшіе изъ Греціи для занятія въ Москвѣ преподавательской должности въ новомъ училищѣ, желая, повидимому, разсѣять тѣнь, брошенную противниками на православіе и просвѣщеніе греческой церкви, заявили въ своемъ Акосѣ о существованіи въ Греціи множества училищъ и премудрѣйшихъ учителей: «Всегда свѣтъ быша грецы и будутъ даже до окончанія вѣка; и отъ грекъ свѣтъ пріяху и пріемлютъ вся языцы, или писано или неписано, или отъ трудовъ и списаній греческихъ, или изъ устъ отъ ученія ихъ (како либо ни есть) отъ нихъ и чрезъ нихъ (свѣтъ) видятъ иныя языкы. Вси философи грецы, вси богословы грецы; непослѣдующе же симъ—не смысленніи и непаказанніи и буіи, и сего ради речеся и сіе: всякъ не еллинъ варваръ». Въ виду этого, безъ знанія греческаго языка нельзя изучить и славянскій и постичь смыслъ переведенныхъ на него божественныхъ писаній и отцовъ. Доказывая въ другомъ мѣстѣ превосходство греческаго языка надъ латинскимъ, Лихуды сдѣлали оговорку, что они не отвергаютъ послѣдняго, но только не хотятъ признавать его исключительности, тѣмъ болѣе, что основательное знаніе его достигается при помощи греческаго же языка, столь игнорируемаго нѣкоторыми. Лихуды не отрицали даже и того, что и въ Греціи были еретики, но заблужденія ихъ объясняли глубиной и широтой греческаго діалекта и неполнымъ знаніемъ его (Смецовскій, 272—275).

Но если авторъ «Довода» (быть можетъ, западноруссъ) и братья Лихуды, воспитанники итальянскихъ школъ, воздавали должное и латинскому языку, хотя и преувеличивая опасность отъ него, и не настаивали на исключительной важности и необходимости греческаго языка, то за безраздѣльное господство послѣдняго сталъ со всею рѣшительностью іерусалимскій патріархъ Досиѳей. Его эллинистическія воззрѣнія достаточно очерчены въ монографіи г. Каптерева: «Сношенія іерус. патріарха Досиѳея съ русскимъ правительствомъ» (1891). Возставая въ принципѣ противъ свѣтской, «мірской и суетной мудрости», представляемой латинскимъ языкомъ, «риторикою Димосѳеновою и книгами діалектики Аристотелевой», Досиѳей былъ противъ изученія ихъ даже въ южнорусскихъ коллегіяхъ. Тѣмъ менѣе онъ могъ дать имъ мѣсто въ училищахъ московской Руси. И, дѣйствительно, въ цѣломъ рядѣ грамотъ въ Москву онъ проповѣдуетъ исключительное достоинство и важность греческаго языка и ученія. Такъ, въ 1682 г. онъ писалъ царю Ѳеодору: «И сіе есть божественное дѣло, еже учити Христіаномъ еллинскій языкъ, воеже разумѣти книги православныя вѣры, яко же писани суть, и познавати толкованіе ихъ удобно, и наипаче, дабы отдалени были отъ Латинскихъ, иже исполнени суть лукавства и прелести, ереси и безбожства». (Собр. госуд. грам. и договоровъ, т. IV, № 135, стр. 421—2). Тогда же онъ писалъ п. Іоакиму: «Аще кто ученія ищетъ еллинскому языку, учитеся, а не другому, якоже пространнѣе написахомъ іеромонаху Тимоѳею», и усиленно предостерегалъ отъ латинскаго письма и книги, «яко все въ нихъ есть ученіе антихристово, понеже есть полны новосѣченія, полны хулы» (Каптеревъ, Сношенія... Прил., 67). Досиѳей запретилъ Лихудамъ даже и думать о преподаваніи въ Москвѣ латинскаго языка (объ этомъ ниже). Полнѣе всего воззрѣнія его на данный предметъ очерчены въ письмѣ къ дьяку Полянскому (1702), которому кто-то совѣтовалъ учить дѣтей по латыни, а не по гречески [1]). Здѣсь патріархъ приводитъ цѣлые 11 доводовъ въ пользу греческаго

[1]) Каптеревъ, Характеръ... 504—505; id. Сношенія 171—173.

языка. Это старыя ссылки на то, что В. Завѣтъ былъ переведенъ на греческій и на немъ же написаны Н. Завѣтъ и соборныя дѣянія, на то, что избранные изъ св. отцовъ были еллины, какъ и церковные историки, что «восточные отцы суть западныхъ учители», что «самый языкъ латинскій половина есть языка греческаго». Досиѳей заявляетъ, «что и въ политическихъ, и въ нынѣшнихъ, т. е. грамматическихъ, геометрическихъ и астрономическихъ, еллины суть учители латинъ». Общій выводъ—«Итакъ несравненно предпочитается еллинскій языкъ латинскому, а кто предпочитаетъ латинскій, тотъ еретикъ и нечестивый!»..

Едва ли не послѣднюю по времени защиту греческаго языка противъ латинскаго находимъ въ предисловіи къ Лексикону Ѳеодора Поликарпова (1704). Ученикъ Лихудовъ, онъ былъ сторонникъ «восточной партіи», но, подобно имъ, не былъ фанатичнымъ противникомъ латинскаго ученія, а являлъ изъ себя типъ «пестраго». Порицая въ предисловіи къ славено-греко-латинскому букварю (1701) басни Эзопа, сочиненія Цицерона, Овидія, Вирлигія и др. классическихъ авторовъ и укоряя приверженцевъ латинскаго ученія, онъ въ то же время и самъ переводитъ книги съ латинскаго языка и заявляетъ о необходимости переводовъ съ разныхъ языковъ, особенно съ латинскаго. «Приложися,—говоритъ онъ въ предисловіи къ Лексикону,—и третій языкъ латинскій—того ради, яко нынѣ по кругу земному сей діалектъ паче иныхъ въ гражданскихъ и школьныхъ дѣлѣхъ обносится». Но уже одна эта фраза, помимо очень слабой защиты греческаго языка, звучала побѣднымъ аккордомъ для латинской партіи. И, дѣйствительно, въ это время побѣда уже склонилась на сторону партіи «латинствующихъ» [1]).

Взгляды «латинской части» по данному вопросу выражены главнымъ образомъ въ сочиненіяхъ Сильвестра Медвѣдева, Иннокентія Монастырскаго, діак. Аѳанасія и затѣмъ, спустя лѣтъ 20, въ особой запискѣ архим. Гавріила Домецкаго. Такъ какъ про-

---

[1]) Брайловскій, Ѳ. П. Поликарповъ-Орловъ (Ж. М. Н. Пр., 1894, т. 296, стр. 60—90).

тивники латинскаго ученія строили свои доказательства, между прочимъ, на усмотрѣнной ими связи его съ неправославіемъ его защитниковъ, то Медвѣдевъ обратилъ подозрѣніе въ неправославіи противъ самихъ грековъ и постарался пробудить въ русскомъ обществѣ критическое отношеніе къ вѣковымъ учителямъ его. «Діаволъ ересми тяжкими всю Грецыю насѣя, яко тамо рѣдкій престолъ бѣ, при немъ же бы разныя ереси не рождались и не возрастали, и весма едини другихъ низлагаху со престолъ силою. Самый же Цареградскій престолъ чрезъ двѣстѣ лѣтъ еретиковъ мерзскихъ: монотелитовъ, несторіановъ, образоборцовъ разныхъ времянъ имяше». Нигдѣ «такія великія ереси быша, яко въ Греціи на греческомъ языкѣ, а не иначе отъ духовныхъ». Медвѣдевъ удивляется старому благоговѣнію русскихъ предъ греческимъ языкомъ, далекимъ, будто бы, отъ всякихъ ересей, заподозриваетъ чистоту религіозныхъ убѣжденій самихъ Лихудовъ, какъ учившихся по книгамъ, напечатаннымъ у нѣмцевъ, и подосланныхъ протестантами или католиками, и осуждаетъ постановку учебнаго дѣла въ ихъ школѣ. Наоборотъ, и въ латинскихъ книгахъ не однѣ ереси, что видно изъ того, что въ латинскомъ переводѣ существуютъ апостолъ и евангеліе. Если они правильно переведены, то неужели имъ не вѣрить? [1]) Подобно Медвѣдеву и Иннокентій Монастырскій, игуменъ кіевскаго кирилловскаго монастыря, поддерживалъ обвиненіе Лихудовъ въ неправославіи и защищалъ православіе малороссовъ, учившихся по латыни, но все же не сдѣлавшихся католиками. «По милости Божіей церковь Христова малороссійская безчисленныхъ имѣетъ свидѣтелей въ вѣрѣ своей твердости непомѣрныя. Церковь Христова малороссійская еще подъ державою короля польскаго, латинскія вѣры сущаго, въ лице езуитамъ дерзновенно всегда стояла, даже до крове... Почто Лихудіи вѣры своея въ свидѣтельство ксензовъ приводятъ? Явный убо сей доводъ есть, яко Лихудіи суть езуитскія вѣры» (Опроверженіе на Акосъ—у Шляпкина, о. с., 198—199).

---

[1]) «Манна» и «Извѣстіе истинны»... Прозоровскій, 490; ср. 211. 212. Сменцовскій, 275—277.

Спеціальную защиту латинскаго языка и ученія представилъ только архим. Гавріилъ Домецкій, воспитанникъ кіевской коллегіи [1]). Говорятъ, что нѣкоторые отъ чтенія латинскихъ и польскихъ книгъ прониклись папежскимъ духомъ и «ратуютъ на матерь свою, восточную церковь». Но сама православная церковь различаетъ между этими книгами: отвергая изданные еретиками, лютеранами и кальвинистами, она не осуждаетъ прочихъ, безразличныхъ въ религіозномъ отношеніи, и читающихъ ихъ. Въ малой Россіи рѣдко кто не умѣетъ читать по польски и по латыни, а въ Кіевѣ, кромѣ того, обязательно изучаются риторическія, философскія и богословскія науки, но не слышно, чтобы кто-нибудь прельстился папежскимъ ученіемъ и хвалилъ бы его (?): наоборотъ, имъ гнушаются, какъ схизматическимъ, и противъ него полемизируютъ. Съ послѣдней именно цѣлью было нѣкогда учреждено самое кіевское училище: Петръ Могила, съ благословенія константинопольскаго патріарха, разослалъ въ разныя государства для научнаго образованія монаховъ и они, вернувшись, стали научнымъ образомъ излагать слово Божіе, утверждающее въ православной вѣрѣ греческаго закона, при чемъ учебные предметы преподавали на латинскомъ и польскомъ языкахъ. И, несмотря на протестъ неученыхъ поповъ и монаховъ, въ кіевской школѣ продолжается польско-латинское направленіе. «И тако науки утвердилися и выну возрастаютъ, обаче ни единъ отъ тѣхъ, которые учатся латинскихъ и полскихъ училищъ и прочитаютъ книги, не обрѣлся и не обрѣтается, который бы отступилъ своей вѣры, но еще стоятъ и защищаютъ церковь, матерь свою, писмами и дыспутацыями: духовныя духовнымъ мечемъ, а козаки желѣзнымъ мечемъ; а по смерти Петра Могилы вскорѣ мечъ свой подняли за вѣру и высѣклися отъ поляковъ и поддалися подъ державу великаго государя московскаго и всея Россіи». Не должно удивляться и теперешнему негодованію нѣкоторыхъ противъ ла-

[1]) Сменцовскій, прилож., № 4. Записка, здѣсь напечатанная, есть разборъ сочиненія Евѳимія о преимуществахъ перевода 70-ти. Составлена она послѣ 1704 г.

тино-польскихъ наукъ: всегда вѣдь новое и необычайное возбуждаетъ протесты...

Какъ видимъ, споръ о преимуществахъ двухъ системъ образованія длился долго и велся горячо, что и неудивительно: онъ имѣлъ не академическій только или теоретическій характеръ, а вполнѣ жизненный, такъ какъ былъ связанъ съ вопросомъ о чистотѣ вѣры и цѣлости православія. Въ этомъ отношеніи эллинофилы имѣли особенно сильныя основанія бояться торжества противной партіи. «Въ то время латинскій языкъ не былъ только языкомъ науки, но и языкомъ латинства, латинская наука носила строго вѣроисповѣдной католическій характеръ, такъ какъ всякому православному, обучавшемуся въ латинскихъ школахъ, нужно было, хотя бы на время и только внѣшне, отрекаться отъ православія. Человѣкъ, воспитавшійся въ латинской школѣ и только на латыни, читавшій только латинскія книги, необходимо и несознательно всасывалъ въ себя разныя латинскія мнѣнія и воззрѣнія, чуждыя православію, сроднялся невольно съ католичествомъ, невольно на многое начиналъ смотрѣть латинскими глазами, привыкалъ въ затрудненіяхъ прибѣгать къ латинскимъ авторитетамъ, въ ихъ духѣ и по ихъ указаніямъ рѣшать возникавшіе церковные вопросы и недоумѣнія и невольно, часто незамѣтно для себя, отрывался отъ православной почвы и становился орудіемъ, хотя бы и не сознательнымъ, пропаганды латинскихъ воззрѣній въ православной средѣ. Полоцкій служилъ для современниковъ убѣдительнымъ тому примѣромъ» (Каптеревъ, Актовая рѣчь, 51). А затѣмъ, всѣмъ было извѣстно, что въ проникавшихъ въ Москву сочиненіяхъ кіевскихъ ученыхъ, даже епископовъ, проводились католическіе взгляды и убѣжденія (напр., о непорочномъ зачатіи пресв. Дѣвы Маріи, о чистилищѣ, о времени пресуществленія св. даровъ). Тѣ же увлеченія католическими богословскими идеями и обычаями обнаружились и въ великорусскихъ юношахъ, зачастившихъ въ польско-литовское государство для образованія, что и отмѣтилъ п. Іоакимъ. Кіевская ученость казалась московскимъ ревнителямъ православія тѣмъ болѣе опасной, что за представителями ея мерещились іезуиты (о нихъ Смѣнцовскій, 147—153) и протестанты, занимав-

шіеся въ Москвѣ пропагандой своихъ идей, между прочимъ, и школьнымъ путемъ, а съ другой стороны—ее дискредитировали такіе западнорусскіе выходцы, какъ Янъ Бѣлободскій, пріѣхавшій сюда для занятія педагогической должности въ училищѣ, но оказавшійся еретикомъ. Въ виду всего этого очень понятны всевозможныя усилія греческой партіи парализовать успѣхи латинопольской учености не только путемъ литературы, но и чрезъ полицейскія мѣры—запрещеніе ввоза новыхъ книгъ, недопущеніе въ Москву кіевскихъ ученыхъ, а также попытки отстранить отъ завѣдыванія школьнымъ дѣломъ вообще лицъ съ латинскимъ образованіемъ.

Но и греки казались не совсѣмъ безгрѣшными. Послѣ увлеченія м. Исидора флорентійской уніей и паденія Царьграда, на Москвѣ постепенно распространилось убѣжденіе, что греки не тверды въ православіи, и хотя въ срединѣ XVII в. ихъ престижъ въ Москвѣ поднялся опять, по крайней мѣрѣ среди высшаго свѣтскаго и духовнаго начальства, защитники латинскаго ученія находили возможнымъ на этомъ старомъ основаніи дѣлать свои нападки на достоинство греческой науки. Они указывали, что греки своихъ школъ не имѣютъ, а учатся за границей въ католическихъ и протестантскихъ училищахъ и съ запада же получаютъ свои книги, которыя выходятъ изъ иновѣрныхъ типографій сильно поврежденными. Говоря такъ, они отчасти напоминаютъ намъ латино-уніатскихъ писателей конца XVI и нач. XVII в., старавшихся такимъ образомъ подорвать въ глазахъ западноруссовъ кредитъ греческой науки; съ другой стороны—они повторяли тотъ взглядъ на греческое просвѣщеніе, который такъ ярко былъ выраженъ Арсеніемъ Сухановымъ, а потомъ расколоучителями. Когда во время преній Суханова съ греками константинопольскій патріархъ предложилъ ему поговорить съ учеными греческими дидаскалами по вопросу о разницѣ въ лѣточисленіи у грековъ и русскихъ, Арсеній отклонилъ это предложеніе, выразившись такъ объ ученыхъ грекахъ: у нихъ такова наука: тщатся они не истину сыскать, но только бы перетягать и многословесіемъ своимъ истину замять, на то они тщатся, и наука у нихъ такова езуитская»,

такъ какъ, по мнѣнію Арсенія, греки «книгъ своихъ и науки у себя не имѣютъ», а беруть все у иновѣрныхъ, у нѣмцевъ, а «въ латынской науке много лукавства» (Бѣлокуровъ, Арсеній Сухановъ, Ц, вып. 1, стр. 45—46). Противники греческаго ученія кромѣ старыхъ фактовъ отпаденія въ унію (м. Исидора и п. Игнатія) могли указать и на то, что латинствомъ заразился одинъ изъ учениковъ бр. Лихудовъ—діак. Петръ Артемьевъ (Сменцовскій, 315—318).

Литературный споръ о преимуществахъ той или другой системы шелъ параллельно съ попытками обѣихъ партій практически осуществить свои программы образованія, и здѣсь рѣшающее значеніе имѣло не столько общественное мнѣніе, сколько убѣжденія и взгляды правительства—свѣтскаго и духовнаго, или, вѣрнѣе, сама жизнь съ ея запросами и требованіями...

Развитіе и распространеніе латино-польскихъ школьно-литературныхъ идей и симпатій въ русскомъ обществѣ, задержанное нѣсколько въ послѣдніе годы жизни Алексѣя Михайловича, продолжалось съ еще большей силой въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича. Воспитанникъ и почитатель Симеона Полоцкаго, Ѳеодоръ не могъ не сочувствовать образованію вообще[1]) и притомъ въ тѣхъ его формахъ, какія пропагандировалъ на Москвѣ его учитель. Въ этомъ смыслѣ характерны два вышедшія при немъ изданія: а) Азбука «съ ораціями», начатая почитаніемъ 28 іюня 1678 (9?) г. (въ 4000 экз.)[2]) и б) «Привѣтствіе брачное царю Ѳеодору Алексѣевичу на бракосочетаніе его съ Марѳой Матвѣевною»—С. Медвѣдева (1672). Проникнутый симпатіями къ польско-европейской культурѣ, ц. Ѳеодоръ могъ знакомиться съ продуктами западной мысли непосредственно, такъ какъ хорошо зналъ

---

[1]) Объ этомъ свидѣтельствуютъ десятки тысячъ изданныхъ при немъ учебниковъ для низшихъ школъ—азбукъ, часослововъ, псалтирей (Прозоровскій, 170—173).

[2]) Въ дек. 1679 г. изъ Верхней типографіи вышелъ букварь Сим. Полоцкаго, въ который вошли, между прочимъ, «привѣтства» (10) къ родителю и благодѣтелю на важнѣйшіе праздники (Пекарскій, 170—172. Татар., 242—247). Не одно ли это и тоже?

латинскій и польскій языки. Склонность его ко всему польскому подала даже нѣкоторымъ католическимъ писателямъ поводъ считать его расположеннымъ къ уніи. Съ другой стороны, насколько не расположенъ былъ Ѳеодоръ Алексѣевичъ къ греческому и грекамъ, видно изъ того, что въ 1676 г. онъ особымъ указомъ воспретилъ имъ въѣздъ въ Россію (Каптеревъ, Характеръ... 267—269).

Пользуясь такимъ образомъ мыслей Ѳеодора Алексѣевича и расположеніемъ лично къ себѣ, Симеонъ Полоцкій возымѣлъ намѣреніе закрѣпить латино-польское педагогическое направленіе въ московскомъ государствѣ учрежденіемъ въ Москвѣ высшаго училища. Не безъ вѣдома и согласія царя онъ составилъ въ 1680 г. проектъ академіи по образцу родной кіевской коллегіи и, вѣроятно, хорошо знакомой ему виленской іезуитской академіи [1]). Въ ней предполагалось преподавать языки славянскій, греческій, польскій и латинскій и науки духовныя и свѣтскія, именно: грамматику, риторику, піитику, діалектику, философію, физику, естественную мораль, богословіе догматическое и нравственное, каноническое и гражданское право (Предисловіе и §§ 5 и 9). Полоцкій хотѣлъ помѣстить академію въ томъ самомъ заиконоспасскомъ монастырѣ, въ которомъ жилъ самъ почти со времени переѣзда въ Москву, но въ особыхъ приличныхъ, выстроенныхъ на счетъ государства зданіяхъ, и обезпечить ея содержаніе спасскимъ и шестью другими монастырями и одной пустынью съ ихъ угодіями и вотчинами. Кромѣ того онъ заручился обѣщаніемъ царя пожертвовать въ пользу академіи дворцовую вышегородскую волость въ верейскомъ уѣздѣ со всѣми крестьянскими дворами и со всѣми угодьями, нѣсколько пустошей въ боровскомъ уѣздѣ и свою государственную библіотеку [2]). Право учиться въ проекти-

[1]) Проектъ напечатанъ въ Исторіи россійской іерархіи, I, 515—543 и въ Древней Рос. Вивліоѳикѣ, т. VI; изд. 2, 397—430. Доказательства въ пользу авторства Сим. Полоцкаго, оспариваемаго г. Каптеревымъ, приведены у г. Татарскаго (о. с., 161—162).

[2]) §§ 1, 2, 17. Обращаетъ на себя вниманіе, что самъ Полоцкій не завѣщалъ своихъ книгъ будущей академіи: польскія и русскія

рованной академіи предоставлялось «всякаго чина, сана и возраста людямъ» православнаго вѣроисповѣданія. Ученики по всѣмъ проступкамъ, кромѣ уголовныхъ преступленій, подлежали суду блюстителя и учителей академіи. Свободные отъ суда гражданскаго, они освобождались и отъ взысканій съ нихъ отцовскихъ долговъ, впредь до окончанія курса. Успѣшно кончившіе академію имѣли получать «приличные ихъ разуму чины», уравнивавшіе ихъ съ благородными,—преимущество, котораго нельзя было получить никакимъ другимъ способомъ (§§ 5, 7, 8, 10). Кромѣ всѣхъ этихъ отличій въ программѣ и правъ, свойственныхъ вообще высшимъ учебнымъ заведеніямъ, московской академіи, въ лицѣ ея блюстителя и учителей, предоставлялся высшій контроль по дѣламъ вѣры и народнаго образованія и право суда надъ всѣми, кто такъ или иначе угрожалъ чистотѣ православія и народной нравственности. Именно, имъ предоставлено было право: а) наблюдать, чтобы никто безъ ихъ разрѣшенія не держалъ домашнихъ учителей, «паче же отъ иностранныхъ и иновѣрныхъ»; б) свидѣтельствовать чистоту вѣры пріѣзжающихъ въ Россію ученыхъ иностранцевъ для сужденія, могутъ ли они оставаться въ Россіи; в) слѣдить и доносить царю для суда «безъ всякаго помилованія» о происходящихъ въ народѣ «противностяхъ въ вѣрѣ, распряхъ и раздорахъ» отъ неправо мудрствующихъ; г) хранить списки новообращенныхъ въ православіе иновѣрцевъ и слѣдить не только за вѣрностію ихъ православію, но и за степенью строгости въ храненіи православной вѣры и церковныхъ преданій, при чемъ констатированіе измѣны вѣрѣ влекло за собой сожже-

---

онъ отдалъ въ полоцкій богоявленскій монастырь, а латинскія—въ кіевскую братскую «во вивліоѳику»; заиконоспасскому монастырю онъ оставилъ только «Обѣдъ душевный» и «Вечерю душевную» (Татарскій, 323). Если это значитъ, что Полоцкій написалъ завѣщаніе задолго до смерти и до составленія привилегіи, то тутъ можно видѣть доказательство и того, что въ концѣ жизни Полоцкій общественнымъ учительствомъ не занимался и что Сил. Медвѣдевъ свою довольно большую библіотеку (603 №№) составилъ самостоятельно (Временникъ Моск. общества исторіи и древностей росс., кн. 16).

ніе виновнаго; д) наблюдать и предупреждать обращеніе среди русскаго народа астрологическихъ, гадательныхъ и вообще «богохульныхъ и богонепавистныхъ книгъ и писаній», а въ простомъ классѣ общества—также книгъ «польскихъ и латинскихъ, нѣмецкихъ, лютеранскихъ и кальвинскихъ». За чтеніе и храненіе книгъ перваго рода виновнымъ предстояло сожженіе, второго—«нещадное наказаніе». Строгій судъ и сожженіе угрожали русскимъ и иностранцамъ за хуленіе вѣры и церковныхъ преданій (напр., за отрицаніе призыванія святыхъ, поклоненія иконамъ и мощамъ святыхъ) и за переходъ изъ православія въ иновѣріе. Даже католики, проживавшіе въ Россіи, за переходъ въ протестантство подлежали по суду академіи ссылкѣ (§§ 3, 11, 13—16). Огражденная такими широкими правами и полномочіями, академія, по замѣчанію С. М. Соловьева, должна была представлять изъ себя какъ бы цитадель православія. Она уполномочивалась «слѣдить за всѣми движеніями враговъ и бить всполохъ при первой опасности. Московская академія, по проекту царя Ѳедора,—не училище только,—это страшный инквизиціонный трибуналъ; произнесутъ блюстители съ учителями слова: «виновенъ въ неправославіи»,—и костеръ запылаетъ для преступника» (Исторія Россіи, кн. III (изд. 2), 885).

Между тѣмъ слухи о намѣреніи царя завести въ Москвѣ высшее училище дошли до Польши и оттуда пріѣхалъ, съ намѣреніемъ занять мѣсто учителя, нѣкто Янъ Бѣлободскій, человѣкъ безъ опредѣленныхъ религіозныхъ убѣжденій, но склонявшійся видимо къ протестанству. Для достиженія своей цѣли Бѣлободскій готовъ былъ принять православіе, монашество и священный санъ, не отказываясь, впрочемъ, отъ своихъ заблужденій. Но онъ встрѣтилъ въ Москвѣ соперника въ лицѣ Сил. Медвѣдева, мечтавшаго послѣ смерти Симеона Полоцкаго сдѣлаться блюстителемъ академіи и желавшаго опредѣлить въ учителя людей своей партіи. Медвѣдевъ 19 мая 1681 г. написалъ, а Павелъ Негребецкій подалъ государю челобитную, разоблачавшую неправославныя вѣрованія Бѣлободскаго и рекомендовавшую въ учителя академіи людей благонадежныхъ и многоученыхъ: игуменовъ

Елисея Карабчикѣевича и Иннокентія Монастырскаго, іеромонаха Гавалевича и мірянина Терновскаго—все южноруссовъ [1]).

Но еще болѣе, чѣмъ конкуренція Бѣлободскаго, Медвѣдеву и его сторонникамъ угрожали тѣ исправленія въ проектѣ академіи, какія были сдѣланы п. Іоакимомъ и греческой партіей, въ руки которой онъ попалъ по написаніи (неизвѣстно, отъ самого Симеона Полоцкаго или уже послѣ его смерти). Душой этой партіи былъ инокъ Евѳимій, но не малую роль, игралъ въ ней и самъ патріархъ. Онъ, хотя и жилъ въ молодости въ Кіевѣ и послѣ съ видимымъ удовольствіемъ слушалъ привѣтственныя рѣчи учениковъ московскихъ школъ, въ принципѣ былъ противъ латинскаго школьнаго направленія. Его душа лежала къ чисто греческому просвѣщенію, въ чемъ онъ былъ укрѣпленъ знакомствомъ—по должности чудовскаго архимандрита—съ Епифаніемъ Славинецкимъ и вниманіемъ восточныхъ патріарховъ Паисія и Макарія. Думала ли сама греческая партія объ учрежденіи греко-славянской академіи до проекта Симеона Полоцкаго или нѣтъ, но она не могла не видѣть, что послѣдній шелъ совершенно въ разрѣзъ съ ея воззрѣніями и что его слѣдуетъ подправить. Оставляя, впрочемъ, латинскій и польскій языки, какъ крайне необходимые по тому времени, партія рѣшила приспособить проектъ къ своимъ интересамъ и требованіямъ въ другихъ пунктахъ [2]). Какія именно измѣненія сдѣланы ею—трудно сказать рѣшительно. Проф. Каптеревъ, по тщательномъ анализѣ проекта, пришелъ къ заключенію, что ихъ нужно видѣть въ параграфахъ, направленныхъ прямо или косвенно противъ приверженцевъ латинскаго ученія: въ § 2-мъ, ограничивающемъ право южнорусскихъ выходцевъ на преподаваніе въ академіи и предоставляющемъ грекамъ, заручившимся рекомендаціей

---

[1]) Челобитная напечатана въ Памятникахъ къ Исторіи протестантства (М. 1888, I).

[2]) Не въ связи ли съ этимъ стоитъ посылка п. Іоакимомъ въ Кіевъ для изученія философскихъ наукъ іеродіакона Каріона Истомина въ 1681 г. (Шляпкинъ о. с., прилож., 77)?

восточныхъ патріарховъ, свободный доступъ къ занятію въ академіи должностей блюстительской и учительскихъ, безъ всякихъ справокъ на мѣстѣ относительно ихъ православія и благонадежности, что обязательно требовалось отъ южно-русскихъ выходцевъ; въ § 5-мъ, угрожающемъ костромъ лицамъ, занимающимся астрологіей [1]; и въ §§ 6 и 14, направленныхъ противъ частныхъ, домашнихъ учителей и польскихъ и латинскихъ книгъ (Актовая рѣчь). Быть можетъ также, что греческой партіи обязаны своимъ происхожденіемъ тѣ вообще §§, которыми академія превращалась въ судилище вѣры [2].

Исправленный такимъ образомъ проектъ академіи почему то оказался у Сил. Медвѣдева. Медвѣдевъ, не смѣя возвратить ему первоначальную редакцію, могъ сдѣлать только одно—нѣсколько ослабить преимущество грековъ. Въ правленной патріархами редакціи проекта относительно грековъ было сказано: «греческаго же народа, тіи да будутъ (блюстителями и учителями), иже будутъ о себѣ имѣти, о своемъ въ восточной христіанской вѣрѣ крѣпкомъ утвержденіи, отъ православныхъ патріарховъ достовѣрное свидѣтельство» (§ 3), чѣмъ открывался свободный доступъ къ занятію въ академіи должностей блюстителя и учителя всякому греку, получившему патріаршую рекомендацію. Медвѣдевъ собственноручно сдѣлалъ къ этому очень важное и существенное добавленіе: «такожде тіи (греки) и въ Россіи да будутъ крѣпцѣ въ вѣрѣ свидѣтельствовани, дабы кто изъ нихъ такожде

---

[1]) Крекшинъ въ своихъ запискахъ говоритъ, что Полоцкій «по вся нощи звѣздное теченіе наблюдалъ, и многое какъ о Россіи, такъ и о другихъ государствахъ предвѣщалъ». О занятіяхъ его астрологіей имѣются и другія свѣдѣнія (Каптеревъ, Актовая рѣчь. Татарскій, о. с. 127). Винили послѣ и Медвѣдева въ томъ, что онъ вѣрилъ астрологическимъ показаніямъ (Сменцовскій, 197).

[2]) Нужно, однако, сказать, что и самъ Сим. Полоцкій, несмотря на свою душевную мягкость, былъ суровъ до жестокости къ религіознымъ противникамъ, напр. къ раскольникамъ (Майковъ, Очерки изъ исторіи рус. литературы XVII и XVIII ст., 30, 33, 36, 37).

не содѣлалъ, яко-же прежде еретикъ Ісідоръ. Россійскій митрополитъ, иже отъ Цареградскаго патріарха и отъ прочихъ съ свидѣтельствомъ достовѣрнымъ и съ веліемъ похваленіемъ къ Москвѣ на митрополію пріѣха, а послѣжде на Флоренскомъ соборѣ съ папою Римскимъ согласенъ явися» [1]). Такимъ образомъ Медвѣдевъ хотѣлъ лишить грековъ того выгоднаго положенія, въ какое ставила ихъ греческая партія,—сравнивъ ихъ съ южно-руссами...

Въ такомъ видѣ проектъ академіи былъ представленъ Медвѣдевымъ Ѳеодору Алексѣевичу для подписи и утвержденія. «Не онъ ли былъ, говоритъ о Медвѣдевѣ Евѳимій отъ лица Лихудовъ, который прежде пришествія нашего сѣмо молилъ блаженныя памяти государя, царя Ѳедора Алексѣевича... построити академію». («Показаніе истины»). Большинство изслѣдователей полагаетъ, что Ѳеодоръ дѣйствительно подписалъ проектъ, и это мнѣніе какъ будто подтверждается однимъ современнымъ документомъ, увѣряющимъ даже, что при Ѳеодорѣ «начато строить въ Москвѣ школы польскія и латинскія» [2]), и надписью на портретѣ царя въ архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ, гласящей, что Ѳеодоръ «на ученіе свободныхъ мудростей Россійскаго народа присно промышляше, и монастырь Спаса иже въ градѣ Китаи на поученіе опредѣли, и чудную и весьма похвалы достойную... грамоту на то ученіе написа» (Шляпкинъ, 54). Но, кажется, ближе къ истинѣ

---

[1]) Каптеревъ, Актовая рѣчь. Сменцовскій, 35, 36, Эту вставку, сдѣланную Медвѣдевымъ на принадлежавшемъ ему черновомъ отпускѣ привилегіи, проф. Каптеревъ относитъ къ 1685 г., г. Сменцовскій—къ 1682 г.

[2]) Diariusz zaboystwa tyranskiego senatorów Moskiewskich w stolicy roku 1682, видящій, впрочемъ, въ этомъ, какъ и въ другомъ, вліяніе супруги царя Агаѳіи Грушецкой, дочери смоленскаго шляхтича (у Шляпкина, 58, прим. 2). Но можетъ быть Diariusz говоритъ о школѣ Сил. Медвѣдева, о которой ниже? Diariusz съ русскимъ переводомъ напечатанъ въ IV книгѣ Старины и Новизны, Историческаго сборника, издаваемаго при Обществѣ ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память импер. Александра III (Спб. 1901 г.) стр. 383—407.

противоположное мнѣніе, проводимое А. В. Горскимъ, Н. Ѳ. Каптеревымъ и М. Сменцовскимъ: не только не сохранился бѣловой списокъ академической привилегіи съ подписью ц. Ѳеодора, но, по свидѣтельству ректора Московской академіи Гедеона Вишневскаго въ 1722 г., академія до сего времени и совсѣмъ не имѣла никакой привилегіи (Сменцовскій, 36, 37).

Можетъ быть, утвержденію академической привилегіи помѣшали продолжительная болѣзнь и смерть царя († 26 апр. 1682 г.). Наступившее затѣмъ тревожное время заставило обѣ партіи забыть пока объ академіи. Но борьба между ними и именно на школьной почвѣ не прекратилась. Еще 15 янв. 1682 г. по царскому указу велѣно было построить въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ Медвѣдевъ состоялъ послѣ Полоцкаго строителемъ, двѣ келліи для ученія славянскаго языка [1]). Вѣроятно, скоро началось здѣсь самое ученіе, продолжавшееся до перенесенія въ монастырь, въ новоустроенное помѣщеніе академіи (въ концѣ 1687 г.). Когда 3 іюня 1686 г. Спасскій монастырь посѣтилъ п. Іоакимъ, желавшій выбрать мѣсто для академическаго зданія, онъ нашелъ въ немъ 23 «ученика словенскаго ученія, которые учатся у монаха Сильвестра», и далъ имъ по 6 денегъ. Но кромѣ славянскаго языка Медвѣдевъ обучалъ и латинскому (какъ показывалъ о томъ въ 1689 г. пѣвчій Лаврентій Бурмистровъ) и риторикѣ (въ 1889 г. патріархъ пожаловалъ его ученику Ивану Истомину рубль за произнесенную имъ орацію, а въ 1685 г. ему же два рубля за сказанную имъ въ крестовой палатѣ поздравительную орацію па-

---

[1]) Забѣлинъ, Домашній бытъ русскихъ царей въ XVI и XVII ст. (М. 1872, изд. 21, ч. I, 140. Это новая школа, а не продолженіе училища Сим. Полоцкаго. Въ числѣ рукописей проф. Бауре, погибшихъ въ пожаръ 1812 г., находился оригиналъ медвѣдевскаго привѣтствія ц. Ѳеедору по случаю вступленія его въ бракъ съ Марѳой Апраксиной: «Привѣтство брачное царю Ѳедору Алексѣевичу, яко первое приношеніе отъ учрежденнаго Спасскаго училища» (Прозоровскій, 192, прим. 374, 195).

тріарху по случаю поставленія въ кіевскіе митрополиты Гедеона Четвертинскаго [1]).

Не осталась безъ школы и греческая партія. Въ 1681 г. возвратился въ Москву іером. Тимоѳей, проведшій 14 лѣтъ на востокѣ и прекрасно изучившій греческій языкъ. Разсказами объ упадкѣ православнаго просвѣщенія на востокѣ онъ возбудилъ въ патріархѣ желаніе поднять его, а кстати подготовить свѣдущихъ людей для печатнаго дѣла. Такъ возникла, почти одновременно съ спасской, такъ называемая типографская школа, ректоромъ которой былъ назначенъ самъ Тимоѳей, а учителями два проживавшіе въ Москвѣ грека Мануилъ и Іоакимъ. Помѣщалась она сначала въ верхнихъ палатахъ типографіи, но уже въ 1683 г. сильный наплывъ учащихся вынудилъ патріарха построить для нея новыя каменныя палаты. Какъ постройки ихъ, такъ и содержаніе учениковъ производились на счетъ патріаршаго казеннаго приказа. Этимъ обстоятельствомъ, равно какъ интересомъ, проявленнымъ къ ней какъ патріархомъ, такъ и самимъ царемъ, часто посѣщавшими училище и поощрявшими учащихся деньгами и одеждой, объясняются внѣшніе ея успѣхи. Число учащихся съ 30 въ самомъ началѣ къ январю 1686 г. возросло до 233 чел.; изъ послѣднихъ 67 учились «греческаго языка свящ. писанія», и 166—«словенскаго языка». Изъ этихъ двухъ классовъ школа состояла во все время своего существованія. Старшій классъ, или греческій, въ свою очередь дѣлился на двѣ группы или статьи.

Заведенная патріархомъ-еллинофиломъ, въ противовѣсъ защитникамъ латинскаго ученія, и порученная руководительству грековъ и грекофиловъ, типографская школа сохраняла строго

---

[1]) Прозоровскій, 75—77, 87. 194—197. Сменцовскій, 37, 38. Въ описи книгъ заиконоспасскаго монастыря 1689 г. упоминаются 25 Альваровъ, нѣсколько польскихъ и латинскихъ риторикъ, далектикъ и піитикъ (Времен. Общ. ист. и древн. рос., кн. 16, Смѣсь, 53—67. В. Н. Перетцъ, Историко-литературн. изслѣдованія, т I, ч. 1 (Спб., 1900), 63, 64. 201).

греческое направленіе, чему сильно порадовались и на востокѣ. Іерусалимскій патріархъ Досиѳей въ письмахъ къ царю и патріарху просилъ поддержать училище въ виду важнаго значенія греческаго языка для церкви вообще и для русской въ частности, такъ какъ въ послѣдней онъ употреблялся съ самаго начала. Патріархъ Досиѳей убѣждалъ охранять свое стадо отъ латинскихъ книгъ, такъ какъ въ нихъ заключается ученіе антихристово и онѣ полны хулы и протестантскаго безбожія. О преимуществахъ греческаго ученія п. Досиѳей писалъ также іером. Тимоѳею (Каптеревъ, Сношенія іерус. п. Досиѳея съ рус. правительствомъ, Прилож., № 15, 67 стр.; нач. 1682 г.).

Это участіе Досиѳея въ обезпеченіи за московскимъ училищемъ истинно греческаго православнаго характера побудило п. Іоакима просить его прислать надежнаго учителя изъ грековъ. Въ результатѣ просьбы была присылка двухъ ученыхъ монаховъ, докторовъ падуанскаго университета, братьевъ Іоанникія и Софронія Лихудовъ. Они прибыли въ Москву въ мартѣ 1685 г., какъ разъ въ то время, какъ партія «латинствующихъ» въ лицѣ Медвѣдева представила (24 янв.) для утвержденія Софьѣ Алексѣевнѣ старый проектъ академической привилегіи, вновь пытаясь захватить въ свои руки руководство учебнымъ дѣломъ. Но хотя царевна Софья и сама заботилась о просвѣщеніи Россіи, какъ это и засвидѣтельствовалъ Медвѣдевъ въ своемъ стихотвореніи, приложенномъ къ проекту академической привилегіи («Вручніе привилегіи на Академію»), но повидимому и она не утвердила проекта... Во всякомъ случаѣ не Медвѣдеву съ его друзьями пришлось руководить академіей. Правда, отъ этого потеряли скорѣе отдѣльныя лица, чѣмъ направленіе... [1])

---

[1]) «Тою (мудростію) Россы просвѣтити тщишься»....
«Ты свѣтъ наукъ явити хощешь Россіи»....
«Россія не вѣсть наукъ знати.
Егда же отъ мя тою просвѣтится,
Вся вселенна о томъ удивится,
Яко ты перва здѣ мудра явися.
Тобою мудрость зѣло возлюбися.

Хотя восточные патріархи ручались за православныя убѣжденія Лихудовъ, послѣдніе по пріѣздѣ въ Москву должны были дать русскимъ, согласно съ проектомъ академической привилегіи, доказательства своей вѣроисповѣдной благонадежности и только послѣ того открыли курсъ ученія въ кельяхъ богоявленскаго монастыря. Здѣсь на первыхъ порахъ ихъ слушали 6 учениковъ типографской школы. Съ переводомъ училища въ особое помѣщеніе увеличилось число учениковъ Лихудовъ и кругъ ихъ вліянія. Самъ патріархъ являлся слушать, какъ Лихуды преподаютъ, и поощрялъ дальнѣйшіе успѣхи учащихся. Между тѣмъ къ осени 1687 г. было выстроено для Лихудовской школы особое каменное зданіе въ заиконоспасскомъ монастырѣ и съ этого времени она стала существовать, какъ славяно-греко-латинская академія [1]). Сюда перешли ученики типографской школы и, вѣроятно, многіе изъ слушателей Сил. Медвѣдева; кромѣ того нашлось немало охотниковъ учиться изъ людей «всякаго чина царствующаго града Москвы»,—священниковъ, іеромонаховъ, монаховъ, князей, спальниковъ, даже челядинцевъ. Число учащихся съ 23 въ декабрѣ 1687 г. по декабрь 1684 г. возросло до 127 ч. Всѣ учащіеся дѣлились на три класса, изъ которыхъ каждый распадался на двѣ статьи, или на два сочиненія. Въ качествѣ приготовительнаго класса при академіи существовала русская школа или иначе—школа книжнаго писанія. Въ низшемъ классѣ кромѣ рус-

---

Тоя отъ тебе свѣтъ нача сіяти,
Въ Москвѣ невѣжества темность прогоняти»... (Прозоровскій, 386).

[1]) Интересно свидѣтельство о Лихудовской академіи де-ла Невилля, дипломатическаго агента французскаго правительства, 1689 г. По его словамъ, кн. Голицынъ «построилъ огромное прекрасное каменное зданіе для коллегіума, вызвалъ изъ Греціи 20 ученыхъ и выписалъ много книгъ; онъ убѣждалъ дворянъ отдавать дѣтей своихъ учиться въ это заведеніе, разрѣшилъ имъ посылать дѣтей въ латинскія училища въ Польшу, другимъ же совѣтовалъ нанимать для учителей польскихъ гувернеровъ, допустилъ іезуитовъ» (Рус. Стар., 1891, т. IV (172), стр. 265).

скаго языка изучались начатки греческаго. Въ среднемъ классѣ приступали къ изученію греческой грамматики, которою открывался курсъ свободныхъ наукъ. Лихуды начали его еще въ богоявленскомъ монастырѣ. Въ апрѣлѣ 1688 г. ученики «верхней школы», т. е. старшаго класса, изучали риторику, и въ Рождество Христово слѣдующаго года Іосифъ Аѳанасьевъ и 6 его товарищей могли уже привѣтствовать патріарха «ораціями» своего составленія. Въ мартѣ 1690 г. Софроній Лихудъ началъ преподаваніе логики и до 11 августа этого года прочелъ обширное введеніе въ эту науку. Послѣ логики слѣдовалъ курсъ физики, т. е. естественной философіи, и, наконецъ, въ 1693 г. Лихуды начали преподаваніе піитики. Слѣдующаго—богословскаго—курса они въ Москвѣ прочитать не успѣли: составленная ими система богословія относится уже къ новгородскому періоду ихъ дѣятельности.

Вызванные грекофиломъ Іоакимомъ и присланные Досиѳеемъ учителя должны были вести преподаваніе, на греческомъ языкѣ и въ греческомъ духѣ, но, какъ воспитанники европейскаго университета, они не могли не сознавать важности и нужды въ латинскомъ языкѣ и обходиться безъ него, тѣмъ больше, что изученіе его не только дозволялось проектомъ академической привилегіи, но и прямо узаконялось ссылкой на грамоты патріарховъ 1668 г. И они, дѣйствительно, стали преподавать его въ своей школѣ. Спустя немного, Лихуды дали латинскому языку почти равноправность съ греческимъ, преподавая грамматику и піитику на греческомъ языкѣ, а прочія науки, именно риторику, логику и физику—на обоихъ. Греческую грамматику Лихуды преподавали по Константину Ласкарису, остальные предметы—по Аристотелю, на томъ основаніи, что уже нѣсколько вѣковъ всѣ почти академіи избрали его какъ бы вождемъ и главой [1]). Но и это чрезмѣрное уваженіе къ Аристотелю, ведущее начало со временъ процвѣтанія схоластики, и чисто схоластическій методъ из-

---

[1]) О методахъ и способахъ Лихудовъ и объ ихъ руководствахъ—въ Исторіи московской академіи и у г. Сменцовскаго (72—78).

ложенія всѣхъ наукъ, характеризующійся искусственностью и дробностью дѣленій и подраздѣленій понятій, наряду съ введеніемъ въ программу латинскаго языка,—все это давало видѣть, что Лихуды не враги западной науки. Этимъ только и можно объяснить какъ содѣйствіе устройству академіи западника кн. В. В. Голицына, такъ и тѣ громы, какіе посыпались на Лихудовъ со стороны п. Досиѳея послѣ того, какъ они не оказали содѣйствія племяннику его Хрисанѳу. Разгнѣванный патріархъ, въ грозномъ посланіи своемъ къ нимъ отъ 15 іюля 1693 г., обвинивъ ихъ въ неблагодарности и различныхъ неблаговидныхъ поступкахъ, коснулся и ихъ преподаванія. «Мы, писалъ святитель, послали васъ учить истинѣ... Между тѣмъ вы въ нечестіи презрѣли насъ, учите латинскому языку, вводя беззаконія латинскія въ души простыя, и производите соблазнъ по отношенію къ св. языку». Въ заключеніе Досиѳей внушалъ братьямъ, оставивъ мірскіе интересы и дѣла, прилежать къ школѣ, но учить въ ней по гречески, а не по латыни [1]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Досиѳей въ грамотахъ царямъ и патріарху Адріану далъ знать, что Лихуды, вопреки приказанію его и другихъ восточныхъ патріарховъ, ввели въ академію помимо греческаго и латинскій языкъ и вмѣсто того, чтобъ учить грамматикѣ и другимъ священнымъ наукамъ, забавляются физикой и философіей, почему и просилъ запретить имъ занятіе латинскимъ ученіемъ, какъ «ходатаемъ великаго зла» [2]).

Но какъ ни внимательны были на Москвѣ къ п. Досиѳею, тамъ не могли не видѣть, что его требованія противорѣчатъ насущнымъ нуждамъ русскаго народа, тѣмъ болѣе, что Лихуды успѣли уже приготовить нѣсколькихъ вполнѣ просвѣщенныхъ учениковъ, говорившихъ на обоихъ классическихъ языкахъ и довершавшихъ образованіе за границей [3]). Уступить Досиѳею было и

---

[1]) Смирновъ, Исторія Славяно-греко-латинской академіи, 406—408.

[2]) Каптеревъ. Сношенія.... Прилож. № 19.

[3]) Петръ Вас. Постниковъ, первый русскій докторъ медицины и философіи, Палладій Роговъ, получившій въ Римѣ степень доктора философіи и богословія, грекъ Асень Кононовъ; выдавались также по

потому неловко, что какъ разъ въ это время цари и патріархъ разрѣшили кіевской коллегіи преподаваніе разныхъ наукъ—духовныхъ и свѣтскихъ—на греческомъ и латинскомъ языкахъ съ позволеніемъ принимать дѣтей всего россійскаго народа, и по прежнему не отказывали въ отпускахъ туда москвичамъ [1]). Наконецъ, московское правительво понимало, что Досиѳей не могъ не знать о характерѣ образованія рекомендованныхъ имъ Лихудовъ (какъ раньше—Николая Спаѳарія) и что у патріарха принципіальные вопросы очень и очень переплелись съ личными... Тѣмъ не менѣе настоянія Досиѳея, подкрѣпленныя на мѣстѣ представленіями и интригами архим. Досиѳея, а можетъ быть также писаніями и устными внушеніями противниковъ «латинской части», превозмогли всѣ эти здравыя соображенія. Воспользовавшись неблаговиднымъ поведеніемъ братьевъ Лихудовъ и попыткой ихъ бѣжать изъ Москвы, п. Адріанъ отставилъ ихъ отъ академіи (1694 г.) [2]) и временно, до прибытія новаго учителя изъ Греціи, поручилъ преподаваніе ихъ ученикамъ Семенову и Поликарпову. Но это обстоятельство отозвалось невыгодно не столько на латинскомъ направленіи академіи, которое Досиѳей хотѣлъ поразить заодно съ Лихудами, сколько на самой наукѣ. Семеновъ и Поликарповъ не успѣли выслушать философскаго и богословскаго кур-

---

своимъ успѣхамъ и своему развитію Николай Семеновъ, Ѳеодоръ Поликарповъ, монахи Ѳеологъ, Козма, Іаковъ.

[1]) Однимъ изъ такихъ учениковъ былъ Каріонъ За(в)улонскій, справщикъ патріаршей типографіи. О своемъ обученіи въ кіевской коллегіи свидѣтельствуетъ онъ самъ въ напечатанной имъ въ 1693 г. для поднесенія царямъ и патріарху гравюрѣ съ посвященіями и съ изложеніемъ общаго содержанія выслушаннаго имъ философскаго курса. Тр. Кіев. дух. акад., 1888, февр., 295—307: Н. Петровъ, «Археологическія замѣтки». Ровинскій, Подробный Словарь русскихъ гравированныхъ портретовъ (Спб., 1889), I, 896—878).

[2]) Интересно, что Лихуды, переведенные изъ академіи въ типографію, открыли частный курсъ итальянскаго языка.—Любопытно также, что въ 1698 г. по заказу купца Короткаго была переведена на славскій языкъ риторика Софр. Лихуда. (А. И. Соболевскій, Московскій меценатъ петровскаго времени. Литер. Вѣстн., 1901, VI, 128),

совъ и по необходимости ограничили преподаваніе грамматикой, піитикой и риторикой, притомъ и имъ обучали безъ достаточной педагогической подготовки [1]). Въ 1669 г. они добровольно оставили академію и заняли мѣста типографскихъ справщиковъ. Ихъ замѣнилъ другой ученикъ Лихудовъ—чудовскій монахъ Іаковъ, но только на нѣсколько мѣсяцевъ. Московская академія упала до того, что въ 1698—9 г. Петръ Алексѣевичъ въ разговорѣ съ п. Адріаномъ выразилъ полное недовольство ею, какъ не приносящей никакой пользы по отсутствію надзора. Царь предложилъ патріарху послать нѣсколько молодыхъ людей въ Кіевъ для обученія въ тамошней коллегіи, а вмѣстѣ съ тѣмъ заняться судьбой московской школы. «Надобно бы, говорилъ царь, поручить ее человѣку знатному, съ именемъ, съ вѣсомъ и снабдить какъ учителей, такъ и учащихся всѣмъ необходимымъ для поощренія ихъ къ занятію науками» [2]). Въ результатѣ заботъ правительства о московской школѣ было назначеніе ректоромъ ея Палладія Рогова,

---

[1]) Въ записяхъ патріаршаго казеннаго приказа они называются даже не учителями академіи, а школьниками.

[2]) Устряловъ, Исторія царствованія Петра вел., III, 355, 356 (ср. 511). Въ 1701 г. самъ царь писалъ кіевскому митрополиту, чтобы онъ не возбранялъ москвичамъ доступа въ свою академію (П. В. Знаменскій, Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 г. (Казань, 1881), 9). Изъ числа учившихся тогда въ Кіевѣ знаемъ Конона Зотова, о посылкѣ котораго въ академію просилъ царя 17 авг. 1700 г. его отецъ Никита Зотовъ (Указъ царя о свободномъ пропускѣ въ Кіевъ и обратно—Кіев. Стар., 1893, сент., 138, 139). Въ началѣ мая 1701 г. Зотовъ подписался на челобитной кіевской коллегіи м. Варлааму: «Его царскаго пресвѣтлаго Величества стольникъ Кононъ Зотовъ, въ академіи Кіевской учащійся» (Голубевъ, Кіевская академія въ концѣ XVII и нач. XVIII ст., 61). Этотъ Зотовъ послѣ доучивался за границей (въ 1707 г., въ Лондонѣ. Соловьевъ, изд. 2, IV, 16, 161. 162. Пекарскій, I, 155). Кто такой Николай Зотовъ, учившійся тогда же въ Кіевѣ (Кіев. Стар., 1901, дек., 464)? Не тотъ ли самый Кононъ, по ошибкѣ названный Николаемъ?

человѣка съ ученой степенью доктора богословія [1]), а блюстителемъ—м. Стефана Яворскаго (1701). Но и полученное ими обоими образованіе, и то обстоятельство, что съ этого времени московская академія стала называться «латинскими» или «славяно-латинскими школами», говорятъ уже о томъ, что старая борьба между двумя школьными направленіями заканчивалась побѣдой не Досиѳея и московскихъ грекофиловъ. «И нынѣ, писалъ Досиѳей въ 1703 г. м. Стефану,.... въ конецъ эллинское училище стерлъ еси и токмо о латинскихъ стараешься, поставивъ учителей во иныхъ убо едва благоговѣйныхъ и честныхъ, обаче въ догматахъ строптивныхъ, якоже отъ тебя научившеся немудрствовать право о мнозѣхъ» (Каптеревъ, Характеръ... Припож. № 4, стр. 27). Это была правда, хотя и не совсѣмъ. «Борьба прежняго еллино-славянскаго направленія съ латинскимъ тянулась еще долгое время и при Петрѣ великомъ, и даже послѣ него, и составляетъ одинъ изъ важныхъ основныхъ мотивовъ въ исторіи духовнаго образованія первой половины XVIII в.» (Знаменскій, 10). И въ данный моментъ греческій языкъ и греческая литература не совершенно были изгнаны изъ академическаго преподаванія. Побѣда «латинской части» опредѣлилась тѣмъ, что преимущественное вниманіе въ академіи было удѣлено латинскому языку, какъ ключу къ тому умственному капиталу, которымъ владѣла западная Европа и къ которому направлялъ Россію ея великій преобразователь. Признаніе преимущественной важности латинскаго языка наряду съ призваніемъ кіевскихъ ученыхъ къ осуществленію реформаціонныхъ плановъ Петра I [2]) обозначало, что Россія вышла изъ мѣстнаго круга византійскихъ началъ образованности на широ-

---

[1]) Палладій Роговъ въ своей исповѣди п. Адріану называетъ себя уроженцемъ нынѣшняго кашинскаго уѣзда тверской губ. Почему покойный И. И. Малышевскій причислилъ его къ западно-руссамъ (Проток. кіев. дух. акад., $189^{5}/_{6}$ г., 168), намъ неизвѣстно.

[2]) Новыя данныя о вызовѣ Петромъ кіевскихъ ученыхъ сообщаетъ проф. Голубевъ въ 75 примѣчаніи къ своей рѣчи: Кіевская академія въ концѣ XVII и нач. XVIII ст. (94—100).

кій просторъ научныхъ и практическихъ идей и изобрѣтеній западнаго генія. Школа, служившая доселѣ главнымъ образомъ церковнымъ интересамъ, теперь расширяетъ свои задачи до служенія общегосударственнымъ нуждамъ. Еще въ 1698—9 г. Петръ Алексѣевичъ выразилъ п. Адріану желаніе, чтобы «изъ школы (московской академіи) во всякія потребы люди благоразумно учася происходили,—въ церковную службу, и въ гражданскую, воинствовати, знати строеніе и докторское врачевское искусство». «Очевидно, комментируетъ Устряловъ это извѣстіе, любомудрый царь намѣревался преобразовать славяно-греко-латинскую академію въ университетъ, съ примѣненіемъ преподаванія наукъ къ существеннымъ потребностямъ Россіи: ему нужны были не выспренніе философы, не ученые филологи, наполнявшіе заграничные университеты, а разумные священники, чиновники, офицеры, архитекторы и медики» [1]). Разнообразіе нуждъ и потребностей государственныхъ повело къ спеціализаціи обученія, къ развитію сословныхъ, профессіональныхъ школъ и къ посылкѣ молодыхъ людей за границу. Здѣсь началось новое школьное вліяніе, шедшее изъ западной Европы не чрезъ посредство Польши, а прямо изъ Голландіи, Германіи, отчасти Англіи, Франціи и Италіи, вліяніе, носившее не столько теоретическій, отвлеченный, сколько практическій, техническій характеръ. Отсюда совпавшее съ наступленіемъ XVIII ст. начало новой школьной борьбы, продолжающейся и доселѣ.

К. Харламповичъ.

---

[1]) Устряловъ, Исторія царствованія Петра великаго; III, прилож. VII, стр. 512; 356. Ср. П. В. Знаменскій, о. с., 7 и прим.

Житье—бытье лубенскаго крестьянина.

(*Продолженіе* [1]).

Одежда.

Женскія заботы о наружности, лицѣ и волосахъ. Прическа и украшеніе дѣвичьей головы: цвѣты, ленты, платки. Женскій головной уборъ: очипки. Серьги, намисто. Бѣлье, женскія сорочки, примѣты о нихъ. Мытье и перемѣна бѣлья. Женская бумажная, шерстяная и мѣховая одежда. Юбки, пояса и обувь. Мужская стрижка, шапки, бѣлье, одежда; предохраненіе послѣдней отъ порчи. Обувь.

Предохраняя отъ климата, одежда въ то же время подчеркиваетъ, оттѣняетъ, увеличиваетъ красоту, особенно женскую. Заботы о наружности мѣстной женщины выражаются въ слѣдующихъ обыкновеніяхъ, принятыхъ частью и въ другихъ малорусскихъ областяхъ. На первый день свѣтлаго праздника женщины моются водой, въ которую положены окрашенное и обыкновенное, некрашенное яйцо, иногда также копѣйка, и растираютъ щеки этими яйцами (крашанку покачае по пыци) для сохраненія свѣжести лица [2]). Съ тою же цѣлью, дѣвицы, заслышавъ пер-

---

[1]) См. Кіевскую Старину 1902 г.: № IV, Жилье и VI Пища.

[2]) Тотъ-же пріемъ указанъ у Чубинскаго. Тр. экспед. Ш, 24; Сумцова. Писанки. 1891 г. 23, у Чернявской. Обр. и пѣсни С. Бѣлозерки. Харьк. 1893 г. 13. По Номису же (Укр. Пр., 161) и Свидницкому (Велыкд. у подол. Основа, 1861 г., X, 48); въ воду для умыванія бросаютъ еще калину и коралы.

вый весенній громъ, трутъ щеки красными вещами: поясомъ, запаской, плахтой, тѣми же красными вещами утираются, омывъ лицо въ рѣчной водѣ, освященной на Крещенье. Для того, чтобы щеки были румяными, ихъ трутъ такъ называемою «краскою», т. е. цвѣточною пылью (pollen) ржи. Въ предохраненіе лица отъ солнца и вѣтра его натираютъ тоненькимъ кусочкомъ освященнаго на свѣтлый праздникъ сала, а отъ мороза—первымъ выпавшимъ снѣгомъ [1]). Перечисленныхъ средствъ достаточно тѣмъ сельскимъ красавицамъ, о которыхъ говорятъ: «Вона сыдыть, якъ незаймется на ейи и шкура гра»; блѣдныя женщины прибѣгаютъ кромѣ того къ искусственнымъ средствамъ: натиранію щекъ перцемъ, цвѣтами «павоніи» (paeonia corollina. Retz.), смоченными каемками платковъ, фуксиномъ, разведеннымъ въ пузырькахъ, пудрой (путрею) даже вокругъ Лубенъ. Брови иногда подводятъ сажей.

По народнымъ представленіямъ умываться можно и должно только по утрамъ. «Якъ не вмыться уранци, то не можна нинащо дывыться и огонь не горитыме у печи, а якъ сонце зайде, тоди не можна умываться: видьма облыже пыку и краса зминыться, змарніе». Быть можетъ это табу вечернихъ обмываній введено обычаемъ въ предупрежденіе возможности увидѣть на ночь свое изображеніе въ водѣ, что также строго запрещено подъ опасеніемъ утратить красоту и увидать дьявола. «Глупои ночи не можна дывыться у воду, або въ люстро: сатана буде вздриваться; винъ выходыть, скушáе. Тоди не на себе, а на нечистого дывляться» [2]). Только по субботамъ вечеромъ и наканунѣ годовыхъ праздниковъ дѣвицы, смывая голову и шею, также волей неволей обмываютъ и лицо. Мыть и чесать голову тоже не разрѣшается обычаемъ, за нѣкоторыми исключеніями: по воскресеньямъ, понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ. «У недилю дивци заплитаться грихъ, а якъ жинка росчисуется у недилю, то въ іи чо-

---

[1]) По Маркевичу (Обыч., повѣр., кухня и нап. малор. Кіевъ. 1860 г., 7) растираютъ еще щеки мартовскимъ снѣгомъ и маленькимъ гусенкомъ.

[2]) То-же запрещеніе встрѣчаетя у Гринченка. Изъ устъ народ. Черниг. 1900 г., 23.

ловика не буде волосъ (ногтоѣда, panaritium). Никому не можна мыться и росчисуваться у середу, бо въ середы сорокъ дочокъ и кожна высмыкне пасму, або хоть и по волосыни, то обирвуть волосся, а то нужа заведется у голови. Дивкамъ и жинкамъ не можна росчисуваться у пьятныцю; дивчатамъ, пиддивочимъ (подросткамъ) и удовамъ можна. Жинци ще не годыться росчисуваться у той день, що винчалась». Такимъ образомъ благопріятны убору женской головы лишь: вторникъ, четвергъ и суббота; но и этими льготными днями пользуются преимущественно дѣвицы, а женщины, обремененныя дѣтьми [1]), смываютъ голову только наканунѣ важнѣйшихъ праздниковъ, да по какому-нибудь случаю, напримѣръ, послѣ чистки трубъ. Смываютъ голову щелокомъ, «лугомъ» [2]), бураковымъ квасомъ или горячей водой, въ которую кладутъ вѣтку освященной вербы, также какую-нибудь изъ слѣдующихъ слизистыхъ и душистыхъ травъ: полевые васильки (galeopsis ladanum. L.), горыцвитъ (adonis wernalis. L., стародубку), калачыкы (malva rotundifolia. L.), копытьки (asarum europeum. L, копытень или подорѣшникъ), пахнущія камфарой или валеріаномъ [3]), сорванныя на Ивана Купала [4]); Иванъ да Марью (viola tricolor. L.), лататя (althaea officinalis. L), которыхъ корни обильны слизистымъ веществомъ [5]), лопухъ (arctium lappa. L.), любыстокъ (levisticum officinale, Koch., зорю), мяту (mentha piperita. L.), петривъ батигъ (cychorium intybus, L.), полынь (artemisia absintum. L.), ромашку (matricaria chamomilla. L.), товстушку (gentiana cruciata. L.) и чепчыкъ (чебрецъ, душицю, thymus serpyllum, L), выдѣляющій, какъ мята и другія губоцвѣтныя душистое эоирное масло [6]), Перечисленныя травы прибавляютъ къ водѣ для того «щобъ голова не болила [7]), щобъ во-

[1]) «Диты! головка бидна заклопочена (или у клопоти)» объясняютъ молодицы, имѣющія 2—3 ребятъ, пренебреженіе своею внѣшностью.

[2]) Нѣмецкое Lauge.

[3]) Григорьевъ. Руков. къ ботан. Ш изд. 1864 г., 262.

[4]) По словарю Ѳ. К. Волкова въ Зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ. I, 169, указаны какъ приворотное зелье.

[5]), [6]) и [7]) Григор. Бот. 166, 243. Перечисленными травами: копыткамы, любисткомъ, мятой моютъ голову и когда заболитъ. См. мою Нар. Медиц. въ Кіев. Ст. 1880 г. II., 373.

лосся було плавке, щобъ не скублось, щобъ волосъ краще рисъ и коса була товста, хороша; а щобъ лупа не заводылась треба змывать голову сырымъ яйцемъ». Воду, въ которой вымыта голова (мытиль), не выносятъ изъ хаты до утра; только утромъ ее сливаютъ въ уединенное мѣсто: глухой конецъ воротъ, узкіе промежутки между строеніями (суткй) или на плетень, для того, чтобы вступившій въ «мытиль» нечаянно не набрался нечисти. Вымытую голову женщины расчесываютъ обыкновенно большой роговой гребенкой, а если волосы выходятъ или сѣкутся, то гребнемъ, которымъ прядутъ. Этимъ же гребнемъ, внесеннымъ въ хату по окончаніи рождественскихъ святокъ, чешутъ женщины голову, чтобы не клонило ко сну за работой. Расчесываясь, дѣвица заплетаетъ волосы, какъ въ одну косу, въ 3—6 прядей (пасомъ) у самой головы, увеличивая далѣе количество пасомъ до 24-хъ [1]), чтобы коса казалась толще, такъ и въ двѣ меньшія коски, въ 3 пасмы каждая, которыя начинаютъ плести возлѣ уха и складываютъ или крестикомъ или вдоль головы вверхъ «у простяжъ». Изрѣдка встрѣчаются и другія прически: напримѣръ, шиньоны въ Черевкахъ; но при всякой прическѣ лобъ дѣвицы открытъ, начесовъ à la viérge нигдѣ въ лубенскомъ уѣздѣ не видѣлъ. Кончивъ плесть косу, дѣвушка иной разъ потянетъ ее за кончикъ и скажетъ: «росты коса одъ пояса до долу», и прячетъ гребешокъ. Послѣдній нельзя класть на дижу, столъ или окно— ангелъ не сядетъ. Вездѣ въ лубенскомъ уѣздѣ для сохраненія и улучшенія волосъ принято на новолунье (на молодыцй) [2]), особенно въ маѣ, подрѣзать кончикъ косы, «щобъ вона ривна була, якъ одрубана, а не кинчаста». Подстригать косу долженъ кто-нибудь изъ родственниковъ: отецъ, крестный, братъ, а не родственницъ. Нельзя также подрѣзывать волосъ самой себѣ. Дѣвицѣ во время стрижки лучше стоять: «Якъ пидризать сыдя, то й косы сыдитымуть». Въ про-

---

[1]) Такіе мелкіе завитки у насъ называютъ дрибушками, а въ подольской губерніи—дрибницами.

[2]) Лишь въ видѣ исключенія на полнолуніи: «На повнимъ мисяци, щобъ косы повни булы».

тивномъ случаѣ дѣвицу садятъ на прядь (повисмо) коноплей. Остатки подрѣзанныхъ или вычесанныхъ волосъ не должно оставлять на полу и выметать, такъ какъ если вихорь подхватитъ такіе волосы или—сорока на гнѣздо, то у женщины часто будетъ болѣть голова; а топчущій женскіе волосы заболѣваетъ ревматизмомъ или ногтоѣдой (волосомъ). Кромѣ того, «якъ кыдатымешъ волосся попидъ ногы, то буде свекруха по тоби топтаться». Во избѣжаніе такихъ непріятныхъ случайностей, дѣвушки закапываютъ остатки волосъ подъ вербой, выросшей изъ освященной вѣтки, такъ чтобы никто не видѣлъ; чаще же бросаютъ въ огонь, какъ и остатки ногтей, а въ предупрежденіе появленія головной боли [1]) приговариваютъ: «Покы горитыме, покы голова болитыме. Якъ перестало волосся горить, хай перестае й голова моя болить» или: «Скилькы горитыме, стилькы й болитыме» [2]). Нѣкоторымъ молодицамъ, пышные волосы которыхъ не умѣщаются подъ очипкомъ, также необходима стрижка, но обрѣзанные волосы нужно сплесть въ косу и спрятать въ скрыню до смерти: они кладутся вмѣстѣ съ женщиной въ гробъ. Женская прическа вообще такъ гладка [3]), что волоса кажутся приклеенными къ головѣ, обнару-

---

[1]) Такъ какъ по другимъ малорусскимъ повѣріямъ волосъ сжигать нельзя—«болитыме голова». Гринченко. Изъ устъ народа. 50.

[2]) Настоящій случай, сходный какъ съ общечеловѣческими обыкновеніями кидать въ огонь пищу, куренія и другіе предметы (Тэйлоръ. Первоб. культ. II, 330), между прочимъ первую спряденную учащейся прясть дѣвочкой пряжу (въ моемъ очеркѣ: Жилье, въ Кіев. Стар. 1902 г. IV, 127), такъ и съ поджиганіемъ кончиковъ волосъ: дѣтямъ на крещенье (Богдановичъ. Сб. свѣдѣн. о Полт. Губ. 185) и новобрачнымъ у бѣлоруссовъ (Зап. Имп. рус. геогр. Общ. V, 142, 149),—слѣдуетъ, кажется, истолковать какъ пережитокъ жертвъ огню, о почитаніи котораго говорится въ Словѣ Христолюбца: «и огневи молятся подъ овин(о)м», и намекается у Кирилла Туровскаго: «уже бо не нарекутся богомъ стихіа ни сонце, ни огнь». У хорутанъ же и теперь дѣвицы поютъ вокругъ костра: sweti se, sweti ogenj, sweti se! (И. Срезневскій. О языч. богослуж. др. слав. въ Финск. Вѣстн. 1847 г., IX, 25, 26).

[3]) «Головка гладенька».

живая ея часто красивую форму, для чего дѣвушки иногда примазываютъ голову коровьимъ масломъ, изрѣдка и оливой, отъ которой, говорятъ, сѣдѣютъ волосы.

Естественнымъ украшеніемъ прически служатъ какъ полевые, такъ и сорванные изъ своего цвѣтника цвѣты, которыми дивчата «заквиччуются, затыкаются», между прочими: гайстры (aster chinensis, L.), гвоздики (tagetes erecta, L.) жоржина (dahlia variabilis, L.) зирки (lychnis chalcedonia, L.), майоры (zinnia elegans, L.), макъ (papaver somniferum, L.), нагидки (calendula officinalis) [1]), настурція (tropaeolum majus) [2]), павонія (paeonia corollina), розы и чорнобривци (tagetes patula, L.) По мѣстнымъ повѣрьямъ дѣвицѣ нельзя передавать изъ головы подругѣ первый расцвѣтшій и сорванный съ куста цвѣтокъ, потому что коса у передавшей выйдетъ, а у принявшей станетъ гуще, да и голова у первой разболится. «Неможна квитку зъ-за головы (що за головою) давать подрузи—голова болитыме»; по Гринченку [3]) же дѣвушкѣ вообще нельзя давать цвѣтовъ изъ головы другимъ дѣвицамъ—«перелюблять женыха». Кромѣ естественныхъ цвѣтовъ, голову украшаютъ еще искусственными, которые соединяютъ иногда въ вѣнокъ, называемый круглою квиткою [4]). Искусственные цвѣты дѣлаютъ изъ воска или изъ цвѣтного коленкора и носятъ по праздникамъ преимущественно въ сѣверной Лубенщинѣ; въ средней же такіе цвѣты носитъ только невѣста да старшая дружка. Здѣсь, въ с. Черевкахъ, молодая отдаетъ бѣлые, восковые подвѣнечные цвѣты въ церковь, гдѣ они украшаютъ образъ Пресвятой Дѣвы.

Въ косу вплетаютъ еще тонкія ленточки (коснúкы): красныя, оранжевыя, голубыя или зеленыя, длиной въ аршинъ, по 1—2 въ будень и 7—10 на свадьбахъ и праздникахъ. Въ южныхъ во-

---

[1]) и [2]) указаны какъ головное украшеніе въ словарѣ Волкова. въ Зап. Ю. З. Отд. Геогр. Общ. I., 172, 173 и у Чуб. Тр. Эксп. I, в. I, 83.

[3]) Изъ устъ нар., 33.

[4]) Цѣна ей 24 коп., отдѣльному цвѣтку 3—8. к.

лостяхъ: Великоселецкой, Оржицкой, Денисовской косныки не въ модѣ; о дѣвицѣ въ коснякахъ отзываются тамъ такъ: «Начипляла мовъ помело зъ-заду, або хвистъ; такъ якъ сорока гниздо намостыла». Широкія ленты носятъ также различно въ разныхъ мѣстахъ лубенскаго уѣзда. Въ сѣверной части уѣзда дѣвицы надѣваютъ лѣтомъ на голову широкую красную ленту (стричку, кушакъ), а сверхъ ея другую—галунъ (галенку), упоминаемую еще Гоголемъ въ «Вечерѣ наканунѣ Ивана Купала», такъ чтобы изъ подъ галенки виднѣлся край кушака. Въ срединѣ уѣзда и на югѣ галенку замѣняютъ узкой голубой или зеленой ленточкой (стёжкою), помѣщаемой также сверхъ кушака. Иногда прикалываютъ еще къ волосамъ 1—3 банта изъ лентъ. По Слѣпороду дѣвушки и въ церковь ходятъ безъ платковъ, съ обнаженной головой, заплетенныя въ одну косу, съ такой широкой лентой или бантомъ [1]). Особенность наряда молодой, выдѣляющую ее изъ ряда подругъ, составляютъ два цвѣтка, собранные изъ красныхъ лентъ, похожіе на полный макъ и приколотые по бокамъ платка; самая же группа мѣстныхъ дивчатъ, поджидавшихъ молодую, изображена мною въ очеркѣ «На свадьбѣ у богача» [2]) такъ: «Подруги молодой столпились на улицѣ и пѣли. Опѣ принарядились къ свадьбѣ. На гладко причесанные волосы надѣты были широкія ленты или шелковые и черные шерстяные платки. Туго стянутыя поясами таліи охватывали разноцвѣтные корсеты. Модные парчевые фартухи спускались на желтые сапоги. Веселыя, загорѣлыя дивчата перекидывались лукавыми замѣчаніями и улыбками, поджидая молодую. Пестрые костюмы, ленты, цвѣты, молодые глаза дивчатъ—все сверкало на майскомъ солнцѣ, и эта оживленная толпа въ тѣсной улицѣ подъ хатами напоминала макъ на огородѣ—любимый образъ малорусской поэзіи». Изъ сказаннаго видно, что лубенцы раздѣляютъ общечеловѣческое пристра-

---

[1]) Цѣна кушака 12—15 коп. аршинъ, галенки 10—20 и коснык въ 4—10 коп.

[2]) См. «По морю и сушѣ», иллюстр. жур. Одесса, 1895 г. № 18, 2, подъ иниц. В. М.

стіе къ красному цвѣту, болѣе поражающему центральную часть сѣтчатой облочки [1]), какъ и другіе малороссіяне, отожествляющіе красное съ красивымъ [2]) и сравнивающіе его съ сладкимъ [3]). Поэтому, напримѣръ, о дѣвицѣ, вышедшей на улицу въ голубыхъ или зеленыхъ лентахъ, говорятъ: «Яка писна дивка выйшла гулять», такъ какъ только въ посту не надѣваютъ краснаго. Не принято также надѣвать цвѣтовъ, лентъ, памиста на первые дни: Рождества, Свѣтлаго праздника и св. Троицы. Рядятся на вторые дни этихъ праздниковъ. Но, во всякомъ случаѣ, нарядъ, имѣющій по мнѣнію малоруссовъ большое значеніе, согласное пословицѣ—«Прыберы хочъ пень, то покраща», не долженъ, однако, переходить извѣстныхъ границъ яркости и пестроты, и о женщинѣ, перешедшей эти границы, отзываются такъ: «Вырядылась, якъ болячка».

Какъ лѣтомъ, такъ и зимой голова дѣвушки охвачена чернымъ съ цвѣтными каемками (смужками) платкомъ; только въ зной, надѣваютъ вмѣсто платка бѣлыя бумажныя хустки съ нашитымъ цвѣткомъ, замѣнившія домашніе холщевые платки, затканные бумагой (заполочью). Черные платки раздѣляются, смотря по матерьялу и величинѣ, на бумажные съ зеленой и красной каймой, цѣной въ 25 коп.; «кашемирови», съ бахрамой изъ плетеныхъ кисточекъ (кытыць)—въ 40 коп.; платки съ стриженными краями, въ 50 коп.; полубумажные, полушерстяные, съ зелеными каймами, въ 50—60 коп.; «тернови»—шерстяные съ бахрамой въ 1 р. 20 коп., и «ящыкови», шерстяные же съ прочмыми (нелипючымы) каймами въ 90—1 р. 20 коп. Осенью и зимой женщины сверхъ этихъ платковъ закрываются (запынаются) еще: «черкасовымы», сѣрыми съ цвѣтными каймами, цѣной въ 40—90 коп., такими же, лучшаго качества—«валеными»,—въ 1—1 р. 20 коп. и клѣтчатыми (картатыми)—отъ 1 р. 20 коп.—до 2-хъ руб. Въ праздничные и торжественные дни женщины

---

[1]) Ш. Летурно. Соціолог. основ. на этногр., в. I. 1895 г. 92, 133.

[2]) Н Ѳ. Сумцовъ. Энтогр. зам. Москва, 1889 г., 19, 20.

[3]) М. Комаровъ. Нова збир. малор. прыказ. Одесса, 1890 г., 88,—«Що солодке, той добре, а що чорвоне—те гарне».

повязываются небольшими шолковыми платками одноцвѣтными, отливающими разными цвѣтами (минеными), дорогими, стоющими 2 руб. 50 коп. и до 5 руб. Въ счетъ платы лѣтнимъ срочнымъ рабочимъ въ лубенскомъ уѣздѣ входятъ непремѣнно два платка (подарки), почему у мѣстныхъ дивчатъ собирается отъ 5—20 платковъ. Платокъ признается важнѣйшимъ украшеніемъ головы. Повязывая первый разъ предъ зеркаломъ новый платокъ, дѣвица приговариваетъ: «Оце красу зъ сёго платка зношу», а бросая изношенный—говоритъ: «Зносыла красу». При всемъ различіи платковъ, повязка ими дѣвичьей головы во всемъ уѣздѣ одинакова. Вездѣ, кромѣ селъ на сѣверовосточной границѣ, платокъ плотно охватываетъ голову въ видѣ небольшой шапки, надвинутой на лобъ 1—3-мя складками—«губамы». Темя закрыто характеристическимъ «клапономъ» или «лысткомъ», въ которомъ и кроется отличіе лубенскихъ повязокъ отъ сосѣднихъ лохвицкихъ и миргородскихъ, гдѣ темя открыто, а платокъ только—обернутъ вокругъ головы (соняшныкомъ, у кружкы, лысо.)

Затѣмъ лубенская повязка различается мѣстами только вышиной и шириной. Въ Волчковской волости дѣвушки носятъ широкія, низкія повязки, надвинутыя на лобъ (салотовкы). Еще ниже и шире повязки с. Крутого Берега, напоминающія чалму. Въ Снѣтинѣ повязки выше и острокопечнѣе. За Лубнами, въ южныхъ частяхъ Лубенской и Великоселецкой волостей повязки высоки, съ рожками. На самомъ югѣ, въ степной Лубенщинѣ дѣвицы чаще совсѣмъ не повязываютъ головы, а закрываютъ ее только платкомъ, какъ мѣщанки (запынаются.) Наблюдая дѣвичью повязку, замѣчаешь, что она, согласуясь повсемѣстно съ женскою, представляется лишь копіей послѣдней, а не наоборотъ, такъ какъ первоначально самое повязываніе, покрываніе головы—римское nubere flammeum—обозначало переходъ отъ дѣвичества къ положенію женщины. Женская же повязка всецѣло зависитъ отъ формы главнаго, отличительнаго головного убора—очипка. Очипки вообще бываютъ двухъ образцовъ. Первый раздѣленъ по срединѣ складкой (перекладомъ), такъ что одна сторона возвышается надъ лбомъ, другая надъ затылкомъ. Такую форму называютъ «очип-

комъ зъ двома кыбалкамы». Она принята лишь на сѣверовосточной окраинѣ уѣзда, по лохвицкой границѣ и для лубенскаго уѣзда не характеристична. Лубенскій очипокъ круглый, нѣсколько конусообразный, съ одной кибалкой и различается мѣстами только вышиной и шириной. Въ м. Снѣтинѣ очипки довольно высокіе, въ формѣ заступа, отчего и повязка платкомъ поверхъ очипка пріострена, съужена кверху. Въ Волчковской волости и коегдѣ за Лубнами очипки широкіе, въ видѣ гребня, такъ что головы выходятъ широкими, какъ макитры. Очипокъ надвинутъ на брови, волосы на затылкѣ (мычка) подобраны такъ, что ихъ не видно. Вокругъ Лубенъ очипки круглые, небольшіе, повязка ровная, высокая, на лбу изъ подъ очипка виднѣются начесы, а мычка опущена низко на шею. Въ Черевковской волости очипки также круглые со сборами, платки повязываются сверхъ нихъ также кругло, концы спрятаны, а прежде торчали въ обѣ стороны какъ роги; начесовъ нѣтъ, но мычка виднѣется. Къ югу отъ Лубенъ въ очипкахъ возлѣ ушей дѣлаются вырѣзы и такой очипокъ называютъ «зъ ушкамы». Очипки вездѣ прикрѣпляютъ къ головѣ, скалывая сзади или иглой обыкновенной или иглой безъ ушка (проторомъ); только въ Лукомьи очипокъ обвязываютъ сверху лентой. За Лубнами недавно появились новые головные уборы: капоры, [1])—невысокія шапочки вродѣ дѣтской, составляющія переходъ отъ очипка къ сборнику горожанокъ, вишневаго цвѣта, сзади завязывающіеся лентой, повязка платка сверхъ нихъ перекладомъ и такъ называемыя «повязки», нѣчто вродѣ сборника, низенькія, охватывающія темя, но очень раскрывающія начесы и мычку. У богачекъ онѣ шелковыя. Очипки же вообще дѣлаютъ изъ ситца, брильянтина, кумача, парчи и золотой парчи (сухозолотни); набиваютъ оческами конопли (клоччямъ), подкладываютъ полотномъ и обшиваютъ по краямъ коленкоромъ или плисомъ. Они бываютъ разноцвѣтные, но предпочитаются красные, какъ римское flammeum—«Молодыця иде у червоному

[1]) Нѣмецкое karpe—шапка.

очипку, якъ макивка цвите». По Номису: [1]) «Удова, що бажае у друге одружыться, надива червоный очипокъ у буддень и въ свято». Какъ извѣстно, очипокъ молодой надѣваетъ въ первую брачную ночь: сваха, молодой, дружко или во избѣжаніе сглаза она сама, [2]) при чемъ «косу ій ростёпують, горилку на голову поляпають, тоди наложять очипокъ и кажуть: «Накладаю я тоби очипокъ, щобъ ты ёго не скыдала и закону не теряла, и поздоровляю тебе велыкою головою и молодымъ чоловикомъ»; або й такъ: «Будь здорова зъ велыкою (червоною, билою) головою». Въ теченіе года нельзя снимать платка, которымъ былъ обвязанъ очипокъ въ первую брачную ночь,—«свитыть очипкомъ»; снимать же самый очипокъ и ходить съ обнаженной головой—«свитыть волосомъ»—малорусской женщинѣ, какъ и римлянкѣ [3]), никогда нельзя:—«Сонце плаче».

Молодымъ женщинамъ до 30-ти лѣтъ и далѣе считается грѣхомъ не носить серегъ, поэтому уши дѣвочекъ со второго года жизни прокалываютъ тонкими, острыми проволочными сережками, которыя и оставляются въ ухѣ до заживленія ранки. Затѣмъ, мѣдныя серьги, въ 3—5 коп., носятъ дѣвочки, дѣвушки же и молодицы надѣваютъ серьги изъ польскаго и обыкновеннаго серебра, изрѣдка золотыя, цѣной 45 к.—3 руб. 50 к. По формѣ серьги дѣлятся на: пьявочкы, состоящія только изъ одного кольца, уточкы—изъ кольца съ изображеніемъ утки, метелыкы—мотылька, ягидкы—изъ тонкаго ободка съ большимъ краснымъ камушкомъ (вичкомъ) и макивкы—въ видѣ цвѣтка циніи съ голубымъ или краснымъ камушкомъ по срединѣ. Къ этимъ серьгамъ привѣшиваютъ

---

[1]) Укр. Пр. 209.

[2]) Сваха можетъ «и свить завъязать и хворобу надать». Отъ сглаза вообще женщина закалываетъ себѣ въ сборы очипка иголку. (См. мою Нар. мед. въ Луб. у., въ Кіев. Ст. 1900 г., П., 380), а у умершей вынимаютъ и ту иголку, которой былъ заколотъ очипокъ.

[3]) Н. Ѳ. Сумцовъ. Къ вопр. о вліян. греческ. и римск. свад. рит. на малор. свад. Кіевъ, 1886 г. 11 и 23.—Прежде сверхъ очипка прикрѣплялась еще кисея—«намитка», теперь ее можно увидѣть только на Матяшовскихъ хуторахъ, гдѣ такой кисеей обернута коса невѣсты.

привѣски: бовты или телипоны [1]). Серегъ у дѣвицъ немного: 1—2 пары, изъ нихъ полезнѣе другихъ серебрянныя: «Якъ носыть срибни свячени сергы, то не буде шуму у голови, буде легше на голову». Есть еще и другія замѣчанія. Въ постъ не носятъ телипоновъ, а одни только колечки безъ камушковъ. Мѣдныя серьги безъ камушковъ же носятъ въ траурѣ по отцу и матери. Мертвую дѣвушку не хоронятъ въ серебряныхъ серьгахъ, «бо ничого срибного не можна класты у труну». Въ первую брачную ночь молодая вынимаетъ серьги изъ ушей [2]). Потеря серьги изъ уха во снѣ предвѣщаетъ молодицѣ смерть ея мужа.

Одновременно съ головой, дѣвицы моютъ и шею: «Щобъ шійка була биленька». На шеѣ дѣвицъ и молодыхъ женщинъ виднѣется разноцвѣтное намисто до 25 нитей (разкивъ), болѣе или менѣе низко опущенное на грудь. Стародавніе кораллы (спражне, добре намысто), величиной въ горошину, очень цѣнно, доступно только богатырямъ и распредѣляется матерью поровну между всѣми дочерьми. Въ настоящее время подъ видомъ кораловъ распространены исскусныя поддѣлки, круглые, большей или меньшей величины, отъ 25 коп. до 1 руб. разокъ. Къ числу коралловъ относится и такъ называемое «колюче» или «локшина», состоящее изъ маленькихъ, изогнутыхъ трубочекъ, цѣной въ 12 коп. разокъ [3]). Кромѣ коралловъ носятъ еще разноцвѣтное стекляное (каминне) намисто: «биле, голубе, зелене, жовте (цвѣта янтаря), червоне, бурякове, вышневе, жучкы, гадюче (черное), въ 2—8 коп. разокъ. Бусы (дунепе) вышли изъ употребленія. Иногда намисто смѣшиваютъ въ такомъ порядкѣ: разокъ бѣлый, разокъ желтый, потомъ красный. Бываетъ и такъ, что на одну и туже пить нанизаны разноцвѣтныя зерна (намыстыны). Мода на намысто неодинакова въ уѣздѣ. Въ Снѣтинской и Тишковской волостяхъ предпочитаютъ бѣлое, голубое, зеленое; въ Волчковской—красное, а бѣлаго совсѣмъ не носятъ. Красному нами-

---

[1]) Отъ «бóвтаться, телипаться»—болтаться.

[2]) Тогда же всю ночь скрыня молодой должна стоять раскрытой.

[3]) Кораллы растираютъ въ порошокъ и пьютъ при менопаузѣ.

сту приписываютъ особое значеніе. Женщина, страдающая падучей, должна попосить красное намисто, затѣмъ уронить его. На поднявшаго переходитъ недугъ. Въ постъ и въ траурѣ не носятъ краснаго намиста, а молодая не должна надѣвать никакого—отъ вѣнца до обрядового наложенія очипка; въ противномъ случаѣ «чоловикъ буде ревнывый и вона надива на слёзы—буде плакать». Съ умершей дѣвушки такъ-же снимаютъ намисто. Нерѣдко и женщины послѣ тридцати лѣтъ отказываются отъ него; нѣкоторыя, впрочемъ, носятъ и до сорока. «Якъ якій добре жыть, то довше носыть намысто». Дальнѣйшаго ношенія намиста не одобряютъ: «Отака стара, а прыбирается». Къ намисту привязываютъ сзади 1—3 цвѣтныхъ ленточки. Женщины всѣхъ возрастовъ носятъ еще на шеѣ крестикъ на черномъ, красномъ или зеленомъ шнуркѣ. Крестики бываютъ деревянные, цѣной въ 5 коп., стеклянные, бѣлые и цвѣтные, отъ 1 копѣйки, мѣдные, въ 3—5 коп. и серебряные, иногда эмалированные. Послѣдніе предохраняютъ отъ болѣзней. «Якъ срибный, свяченый хрестыкъ носыть на грудяхъ, у груди легше буде». Съ мертвой женщины снимается серебряный крестикъ. Кромѣ этихъ обыкновенныхъ уборовъ шеи, въ одномъ только Лукомьи завязываютъ еще ее чернымъ платкомъ. Къ украшеніямъ принадлежатъ и перстни: гладкіе мѣдные въ 5—7 коп. и серебряные—въ 10—12 коп., также съ стеклышкомъ (вичкомъ), разныхъ цвѣтовъ. Только вѣнчальное кольцо имѣетъ значеніе. Его даютъ носить отъ ревматизма (грызи) рукъ и кладутъ въ купель дитяти, страдающаго сухоткой или желтухой (жовтяницямы) [1]).

Рубашку, главную часть бѣлья (плаття), въ лубенскомъ уѣздѣ называютъ сорочкой; другое обще-славянское названіе рубашки—

---

[1]) См. мои Нар. обр. и пѣс. Лубенск. у. 32 и 124.—Въ статьѣ Я. Головацкаго «О костюм. или народн. убр. русиновъ» (Отечеств. Зап. 1867 г. XII, к. I, 484.) приведена этимологія слова сорочки—отъ древненѣмецкаго serk (лат. indusium)—одѣяло, одежда и кошули, отъ кошъ. Рубашка (camisia) зашла къ германцамъ и римлянамъ изъ Галліи (Ю. Липпертъ. Истор. культ., 117). Названія частей малорусской рубашки, приводимыя ниже, вѣроятно, латинскаго корня.

кошуля встрѣчается лишь изрѣдка въ весильномъ ритуалѣ. Такъ, дружко, предъявляя рубашку молодой гостямъ въ свадебномъ домѣ, говоритъ: «Благословить кушиль въ хату унесты» [1]). На женскую сорочку идетъ выбѣленная [2]), широкая, тонкая посконь (плоскинь), называемая по числу прядей (пасомъ): пьятнадцяткою, дванадцяткою, десяткою. Ее мѣрятъ женщинѣ отъ подбородка до пятъ и отрѣзываютъ такой мѣры три полотнища (полы), очень рѣдко два съ половиной (пивтрети). Не всегда можно отрѣзать холстъ на рубашку. «Не можна у понедилокъ одризувать на сорочку—ризачка (диссентерія) буде и сорочка та нападна будѐ (люды нападатымуть); неможна и у середу,—буде вошыва, и чоловикъ зависытся; якъ одризать у пьятницю—колюча буде, тило чесатымытся, а въ субботу—важка буде. И шыть сорочку не можна почынать у субботу, довго шытымешъ. Якъ же почнешъ, то треба й кончыть у субботу». Затѣмъ не запрещается шить рубашки по буднямъ, кромѣ первыхъ дней великаго и петрова постовъ, тогда у шьющаго «пальци пообрыва». Не всякая женщина въ состояніи сшить сорочку. «Таке уродыться, що подывыться мовъ людына, а пошыть сорочкы не вміе. Йе таке, що й замижъ иде, а ума въ неи пошыть сорочкы нема. Нечысто пошые, мовъ кылымъ, на споди хочь смалы. Мережка—тамъ сукъ, а тамъ болячка. Нагрундзюе, мовъ лантухъ. Заборы таки не ривни, мовъ позбирала родычей до купы [3]). Отрѣзанныя полы сшиваютъ вмѣстѣ, прорывая по срединѣ мѣсто для пазухи, и оставляя прорѣхи для рукавовъ. Пазуха женской рубахи ничѣмъ не расширается, а только зарубливается (рубцюеться). Книзу полы расширяются. Подолъ рубашки (пелена) [4]) заканчивается такъ-же рубцомъ, надъ которымъ дѣлаютъ узкую рѣшетку (прутыкъ), вы-

---

[1]) Ibidem.

[2]) Биль, родит. падежъ: бели.

[3]) Надъ такими «швачкамы—невдахамы» подсмѣиваются: «Що ты шыешъ?—Шыткы. Якъ дошыю ныткы, тоди буду пороть». (Вар. у Номиса, Укр. Прык. 204.)

[4]) Быть можетъ слово это латинскаго происхожденія. Pellis, pelles, лат. шкура, шерсть, мѣхъ, итальянское pelle, кожа, pelo, шерсть,

тягивая двѣ нитки. Надъ прутикомъ кверху въ разстояніи 5—10 «чисныць», т. е. 15—30 нитокъ, которыхъ по три въ каждой чисницѣ, вышивается бѣлыми нитками сѣтчатый узоръ—«мережка» [1]), шириной въ палецъ и до ладони. Богатырки м. Лукомья на своихъ тонкихъ рубашкахъ мережокъ не вышиваютъ. Полы на самомъ верху сорочки собираются на двѣ нитки въ узенькіе сборы и къ нимъ пришивается узкій воротничокъ (комиръ) [2]), который иногда прошивается (занызуется) нѣсколькими бѣлыми, красными или черными нитками. Потомъ вшиваются рукава цѣльные (суцильни) или чаще составные изъ разныхъ частей: на плечахъ вшиваются особыя вставки въ видѣ трапеціи—«у́ставкы, перечкы». Рукавъ пришивается къ этимъ вставкамъ или особыми сборками, которыя называются различно: головками, стовбчыками, червячками, пухлыками, до пухливъ или гладко. По срединѣ у́ставки вышиваютъ поперечный узоръ въ 2—3 пальца ширины бѣлью или красной и черной бумагой (заполочью),—«лыштву». На цѣльномъ рукавѣ и лыштва цѣльная, въ поперекъ всего рукава. Каемка по краямъ лыштвы называется «обводкою». Отъ лыштвы внизъ рукавъ расширяется до 1-го аршина и больше. Здѣсь располагается шитье въ видѣ цѣлыхъ вѣтокъ съ цвѣтами (гилёкъ) или только отдѣльныхъ цвѣтковъ (квитокъ). Въ край рукава вставляется узенькая, въ палецъ, какъ и воротникъ, полоска, занизанная красными или бѣлыми крестиками—«чо́хла». Чохлы замѣняютъ иногда оборкой—«манжетой» (manchette). Для того, чтобъ рукавъ не жалъ и не препятствовалъ движеніямъ, подъ мышкой вставляется особая вставка въ видѣ ромба—«ластка». Затѣмъ полы пришиваются къ рукаву и прямо и косо. Въ послѣднемъ случаѣ края загибаются къ спинѣ, образуя треуголь-

---

сукно. Если славяне получили рубашку отъ римлянъ, то этимъ объясняется и самое названіе пелена, такъ какъ римляне долго знали лишь шерстяную одежду, льняную узнали позже. (Reijnier Ackerbau der Alten. 172)

[1]) Мрежа—славянское сѣть, неводъ.

[2]) Бѣлорусское ковнеръ. Можетъ быть отъ латинскаго collum шея.

никъ (куточокъ), выстеганный ободкомъ. Женскія будничныя (буденни) сорочки, изъ грубой поскони и матирки вышиваются бѣлыми нитками (гладью), а парадныя (святни), изъ тонкой поскони, льна и коленкора—красной, черной, синей, въ послѣднее время также и желтой бумагой, различными узорами, извѣстными подъ такими названіями: баранчыкови, баранцеви, барыльчасти, басы (всѣ квадраты), безчысна (крестики), букеты (цвѣты) вербовый лыстъ, вылчасти или вырчасти (вилки), волови очи (круги), выпоградъ (зубцы), гвоздыкови, голубячи или голубы (кресты), гребенчикови (зубья), журавка, зведенчаста (сложная), землювання, зиркы, ключева (ромбы), кнышевый выризъ (крестики), коврынка, колинчаста (спираль), колыскова (колесо), кудрявка или кучерявка (квадраты), лилитка (земляника), овесецъ, овсянка, иначе паслёнъ (зубцы), орлыкови, орлыны крыльця, перцивка (мелкія вилки), ракъ, ракови прутыкы (ромбы), рожа, свыняча стежка, слывкы (овалы), соловыны вичка (черточки и крестики), сосна (вѣтки), споюванный выризъ (сложный), стовпыкы, хмаркы (клинья по обѣ стороны линіи) хмиль, хмелева квитка, хрестатый, човныковый, чорномазый и яблучковый. Вышитыхъ заполочью рубахъ у женщины немного, 3—5, остальныя вышиты гладью; вообще всѣхъ рубахъ 5—25, цѣной отъ 70 коп. до 2-хъ руб. Предъ тѣмъ какъ надѣвать новую рубашку, выполняютъ слѣдующія обыкновенія: въ каждый рукавъ кидаютъ сверху рубашки ножъ трижды, «щобъ сорочка була мисна, якъ зализо» [1]). Затѣмъ, новую сорочку переводятъ еще черезъ огонь на припечкѣ

---

[1]) Тоже обыкновеніе указано у Чубинскаго. Тр. Эксп. I, в, I, 108 и въ Харьк. Сбор. 1890 г., IV, 55. Первоначально ножомъ думали, вѣроятно, ранить, устрашить и изгнать враждебнаго духа, засѣвшаго въ полотнѣ, подобно тому какъ въ вихорь бросаютъ ножъ и вѣрятъ, что на послѣднемъ окажется кровь раненнаго духа. (Манжура Сказ. въ Сборн. Харьк. Истор. Фил. Общества II. 154 и въ моихъ Обр. и пѣс. Луб. у. 22, 23); также у валлоновъ держатъ у рта икающаго человѣка остріе ножа. (E. Monseur. Le Folklore Wallon. 26) или киргизскій знахарь машетъ на больного ножомъ, чтобы испугать духа болѣзни. (Правосл. Благов. 1893 г., II, 9).

для того, чтобы очистить и уничтожить послѣдствія вихря, который могъ крутить полотно во время бѣленія. Тотъ же пріемъ употребляютъ, надѣвая какъ сорочку, такъ и всякую одежду вообще, послѣ мертвеца [1]). Новую сорочку нужно надѣть немытою—будетъ прочнѣе.

Мытье бѣлья также подчинено извѣстнымъ правиламъ. Кромѣ праздниковъ и праздничныхъ недѣлей: рождественской, свѣтлой и зеленой, нельзя еще золить, бучить бѣлья восемь недѣль послѣ Крещенія и шесть недѣль послѣ Свѣтлаго праздника [2]), а только прать (сухоперки). Нельзя также золить: по понедѣльникамъ, средамъ пятницамъ и субботамъ. Желающая золить по понедѣльникамъ, должна, одзоливъ бѣлье въ такъ называемый жылавый понедилокъ, т. е. первый день великаго поста, выпить три ложки золы, бѣгущей изъ подъ рубашекъ, а желающая заниматься тѣмъ-же по средамъ—въ среду на Ѳоминой недѣлѣ; затѣмъ: «Якъ у пьятныцю золыть, то треба тры ложкы золы пыть». Нарушившую эти запрещенія, кромѣ несчастія вообще (напр.: «Жинка у пьятныцю золыла, тай долю свою втопыла») [3]), ждутъ

---

[1]) Какъ въ раньше сдѣланной замѣткѣ указано жертвенное значеніе бросанія волосъ въ огонь, такъ въ настоящемъ случаѣ видно предохраняющее и очищающее значеніе огня, въ силу котораго возлѣ новорожденнаго ставятъ свѣчи и проносятъ его черезъ огонь; также зажигаютъ свѣчи на свадьбахъ и переводятъ молодыхъ черезъ огонь; затѣмъ зажигаютъ свѣчи у мертваго тѣла, а инородцы, возвращаясь съ похоронъ, прыгаютъ черезъ огонь. Сюда же относится римское lustratio и прыганіе чрезъ ивановскіе костры. (Тэйлоръ. Первоб. культ. 253, 466, 468, 470, 472), мои: Нар. обр. и пѣсн. 22, 123 и 166; и Свадеб. пѣс. Луб. у. Кіевъ, 1890 г. 25, 30, 55, Пр. Благов. V. 60.).—Въ мѣстностяхъ, въ которыхъ не переводятъ новой рубашки черезъ огонь, не шьютъ послѣднихъ изъ полотна, покрученнаго вихремъ—«тило крутытыме». (Манжура, 154).

[2]) «Кривъ тектыме зъ жлукта». Въ моей «Нар. Мед. въ Луб. у.» Кіев. Ст. 1900 г. I, 61.

[3]) См. мои: Малор. нар. разск. и повѣр. о пятн. Кіевъ. 1902 г. 10.—Любопытно, что романскіе народы, какъ и малоруссы, выражаются о несоблюденіи пятницы двустишіями.

еще особыя бѣдствія, какъ видно, между прочимъ, изъ слѣдующаго разсказа, записаннаго отъ козачки м. Лукомья Е. Норовой. «На праву середу [1]) золыла жинка полотно и дзолыла, сила спочывать на шаплыци; иде до неи дидъ у хату.—Що ты, каже, дзолыла полотно?—Вона каже: «Одзолыла дидусю».—Що-жъ ты желаешъ соби прынять: чы худобу велыку, чы блызнята годувать?—Вона говорыть: «Желаю блызнята годувать, бо я одынока, та хто въ мене буде робыть?» Винъ каже на тыхъ блызнять:—А йдить, каже, въ хату.—Влизлы дви гадюкы въ хату, упьялыся одна въ ту грудь, а друга—въ другу, навхрестъ и ссуть іи такъ, якъ диты. Начала вона обрикаться, щобъ іи Богъ помылувавъ, повезлы іи до знахаривъ, такъ нихто ничого, повезлы іи по манастыряхъ молебень служыть. Служылы молебень—воны не дпадають. Вона просыть людей, плаче: «Кайтесь, люде добри, по мени». Потимъ того озвавсь священыкъ у церкви: «Хто понедилкуе изъ роду, той озывайтеся?» Озывается дивчына, що я понедилкую одъ роду. Ну, винъ говорыть дивци: «Иды жъ изъ неи гадъ брать». Та дивка боится. Винъ іи прысоглаша: «Не бійсь, беры»! Дивка взяла ихъ одъ неи одирвала обохъ. Тоди вона Богу помолылась».

Самый процессъ мытья такой. Бѣлье намачиваютъ сначала на сутки въ бадьѣ (переризи, шаплыци) съ водой и куринымъ пометомъ [2]) (курякамы). Когда начнется броженіе—«сорочкы сходять», тогда ихъ выкручиваютъ и несутъ на рѣчку прать. Относительно дѣтскаго бѣлья соблюдаютъ слѣдующія правила. «Пелюшокъ (пеленокъ) не можна избывать и крутыть, а узять та здавыть. Не можна зъ пелюшкамы тіи дытыны, що найшлась, иты до ричкы, треба мыть у ночвахъ. Якъ сонце зайде не перуть пелюшокъ. Усяку сорочку треба мыть на лыце, а не на вы-

---

[1]) Преполовеніе.

[2]) Куриный пометъ въ соединеніи съ мочей самый сухой (50% воды) содержитъ въ себѣ: фосфоръ, азотъ, слѣдовательно, и амміакъ, входящій въ составъ нашатырнаго спирта, и зольныя части растеній. (Котельниковъ. Объ удобр. почв. С.-Петерб. 1894 г. 9, 16, 19, 47 и 50).

воротъ; сорочку зъ дытыны до году николы неможна вывертать» [1]). Послѣ перваго мытья на рѣчкѣ (видмокивъ), хозяйка намыливаетъ: воротникъ, чохлы, пазуху и мережку рубашекъ, также пятна, затѣмъ разстилаетъ бѣлье, пересыпаетъ его гречаной золой [2]) и туго набиваетъ въ большой улей безъ дна (жлукто), приговаривая: «Ишовъ четвергъ зъ билого свиту, нисъ виту (цвѣтокъ), щобъ плаття жовте, якъ мидь, а биле, якъ на води лебеди», или: «Золыся й билыся и инеемъ билыся! у жлукто якъ вовкъ, а зъ жлутка якъ шовкъ», или: «Золыся й билыся, якъ лебеди на води», или такъ: «Золысь и былысь и на чорныхъ не дывысь, а на билыхъ», или «Нехай чуже сире, якъ вовкъ, а наше биле, якъ билокъ», или еще такъ: «Цуцу, билко! золыся й билыся и бильшъ не сподивайся». Произнося эти слова, женщина трижды плюетъ въ жлукто: затѣмъ закрываетъ его чѣмъ-нибудь старымъ. По прошествіи извѣстнаго времени, женщина еще присыпаетъ золу и приливаетъ нечетное число чауновъ воды, покуда послѣдняя не наполнитъ бадьи до краевъ (по винця), тогда вытягивается изъ печи такъ называемая булка, т. е. раскаленный камень или желѣзо (зализко) и кладется въ жлутко, послѣ чего послѣднее плотно укутывается ряднами и юбками, покуда остынетъ [3]). По-

---

[1]) О мытьѣ рубашекъ въ періодическихъ очищеніяхъ въ моей «Нар. медиц.» Кіев. Стар. 1900 г., VI, 332.

[2]) Въ древесной золѣ сухопутныхъ растеній заключается углекислое кали, почему изъ нея добывается поташъ. (Григорьевъ. Руков. къ ботан. Из. Ш. Москва, 1864 г., 381 и 440). Лучшая зола гречишная; ее употребляютъ для полученія щелока при стиркѣ. (Котельниковъ. 53, 54). Золить бѣлье необходимо для устраненія щелочью выдѣляемаго человѣкомъ жира.

[3]) Таково же и бѣленіе полотна. Получивъ отъ ткача, его несутъ домой закрытымъ, иначе у встрѣтившейся беременной женщины «дытына изосхне». Такимъ же порядкомъ несутъ холстъ послѣ Вознесенія первый разъ на рѣчку. Послѣ того золятъ въ жлуткѣ. Пока не одзолено полотно, его нельзя бить «праныкомъ». Черезъ два дня полотно моютъ и разстилаютъ на воду. По утрамъ кладутъ на росу, днемъ развѣшиваютъ на плетень ежедневно отъ 2 недѣль до мѣсяца, покуда не убѣлится.

томъ хозяйка выкручиваетъ бѣлье и вторично («зъ золы») несетъ его на рѣчку [1]). Выполоскавъ, крахмалитъ бѣлье въ процѣженныхъ высивкахъ или пшенномъ кулишѣ и развѣшиваетъ для просушки. Нельзя развѣшивать рубашекъ противъ воскресенья. «Якъ поперешъ, то сорочкы щобъ не висылы проты недили, бо нечыстый имы радіе и болизнь прыключается».

Перемѣна бѣлья, по народнымъ воззрѣніямъ, также не всегда возможна. Нужно надѣвать бѣлье однажды въ недѣлю: въ воскресенье утромъ. «Якъ у недилю уранци надивать сорочку, до то для Бога, а у день—для людей, а въ ночи, по заходи сонця—для нечыстого. Малимъ же дитямъ до году годыться надивать сорочку билу у субботу—ростыме лучче». Запрещена перемѣна бѣлья по понедѣльникамъ. «Якъ жинка надине сорочку у понедилокъ, то чоловикъ умре [2]), або буде цилый тыждень клопитъ у хати [3]). Среди недѣли надѣваютъ чистое бѣлье только въ годовые праздники, къ церкви, исповѣди, причастію или по случаю родинъ, свадьбъ, похоронъ, званныхъ обѣдовъ и т. п.

На сорочку во всякое время года надѣваютъ «керсетку», короткую, немного болѣе аршина одежду, черную, рѣже цвѣтную, шерстяную или бумажную, открывающую всю шею и верхъ груди, и плотно охватывающую талію. Воротничекъ (комирець) замѣ-

---

[1]) По Чубинскому (Тр. I, в. I, 108) дѣвушка, правшая бѣлье и замочившая при этомъ свою рубашку, будетъ имѣть мужа пьяницу, а у насъ: «Якъ у дивкы разъ позъ разъ мокро пидъ плечыма, буде то въ неи мужъ пьяныця».

[2]) И наоборотъ: можетъ умереть жена, если надѣнетъ мужъ.

[3]) По Гринченку (Изъ устъ народа, 33) «не буде нивчимъ удачи».—Въ предупрежденіе сглаза и испуга надѣваютъ сорочку задомъ напередъ и на выворотъ. (Чуб. Тр. I, в. I, 108 и Гринченко Этногр. матер. Черниговъ. 1895 г., I, 31). У насъ, между прочимъ, отъ лихорадки надѣваютъ наканунѣ большого праздника рубашку навыворотъ и задомъ на передъ и, проносивъ такимъ образомъ весь праздничный день, бросаютъ къ вечеру эту рубашку на чердакъ. См. также мою «Народ. Мед.» въ Кіевск. Стар. 1900 г., Ш, 395 и V, 168.

няютъ двѣ узенькія полоски плиса; такія же полоски на груди. Самый большой вырѣзъ корсета на груди въ м. Лукомьи. Полы обложены (облямовани) плисомъ. Мѣстныя отличія корсетовъ заключаются у таліи. Въ м. Лукомьи и Снѣтинѣ, вокругъ Лубенъ и въ сѣверныхъ волостяхъ корсеты дѣлаются съ прямыми сборами (фантами) сзади, числомъ 5—7, торчащими колесомъ, особенно пышнымъ въ Лукомьи. Въ другихъ мѣстахъ уѣзда фанты замѣняются плоскими клиньями и складками (до усивъ, пидъ дощечки, пидъ клепки). Корсеты подбиваютъ полотномъ. Они обходятся въ 1—2 руб., носятся до 2-хъ лѣтъ. Обыкновенный корсетъ всегда безъ рукавовъ (зъ выкотамы), корсетъ же съ рукавами, сдѣланный «до усивъ», называютъ кофтой. Просторный, удлиненный до колѣнъ корсетъ съ рукавами, черный или цвѣтной, составитъ верхнюю легкую одежду—литнячку. Рукава ея нешырокіе, обшиты внизу двумя полосками плиса, въ с. Черевкахъ зубцами. Тамъ же грудь разшита цвѣтными или черными нитками иногда до самаго края. Сзади на таліи нашиваютъ полоску плиса съ зеленымъ кантомъ. Въ остальномъ литнячка такого же фасона, какъ и корсеты: до фантивъ, до клепокъ и т. д. Они обходятся отъ 1 р. 50 коп. до 2 руб. 50 к., имѣются у женщины въ количествѣ 1—3 и носятся 1—2 года. Литнячка, подложенная ватой, составитъ верхній осенній костюмъ—ватянку. На груди ея—родъ узкаго параллелограмма, расшитаго черными нитками, рукава—или съ двумя черными, плисовыми полосками или съ такими же обшлагами (закаврашамы). Ватянка обходится 3—6 руб. и носится до 4-хъ лѣтъ. Такимъ же фасономъ шьется одежда, такъ называемая «юпка». Она дѣлается изъ толстаго домашняго сукна, длиною за колѣни, обшивается плисомъ, краснымъ или зеленымъ сукномъ, на обшлагахъ зубчиками. Цвѣтъ сукна къ сѣверу отъ Лубенъ исключительно черный; на новой юбкѣ съ коричневымъ, на поношенной—съ рыжимъ оттѣнкомъ. Бѣлыя юбки изрѣдка встрѣчаются еще на сѣверной границѣ уѣзда, гораздо же чаще на лохвицкихъ и пирятинскихъ женщинахъ. Къ югу отъ Лубенъ есть еще сѣрыя юбки. Обыкновенныя юбки стоятъ 3—5 руб.; лучшія «ягнячого» сукна 6—9 руб.; но-

сятся онѣ долго, лѣтъ пять или болѣе [1]). Женскія шубы (кожушанкы) дѣлаются, какъ и юбки, съ таліей. Онѣ бываютъ нагольными, цѣной въ 12 руб., дублеными, красноватаго цвѣта, въ 15 руб. и крытыми: чернымъ, сѣрымъ полусукномъ, черкасиномъ или ластикомъ, цѣной въ 10—20 руб. Воротники къ нимъ придѣлываются изъ мѣха (футра) чернаго или сѣраго барашка, троякаго образца: «закачисти»—откидные, «лежачи», пелериной, пашитой на кожухъ, «стоячи», пальца въ три ширйной. Женскій кожухъ во всемъ подобенъ мужскому: безъ таліи, съ большимъ откидпымъ воротникомъ, нагольный или крытый, въ 10—12 руб. Случаевъ общаго кожуха для мужа и жены [2]) теперь не встрѣчается.

Женскій станъ оберпуть отъ таліи внизъ запасками: спереди «попередныцею», сзади собственно запаской. Запаски, сотканныя изъ шерсти хозяйками, красятся затѣмъ особыми, иногда наслѣдственными мастерицами—«синыльныцямы» въ черный съ синимъ отливомъ цвѣтъ «каліею» [3]). Искусству окраски синильница учится съ дѣтства, «покы ще не мылась». Если зрѣлая дѣвушка или женщина вздумаетъ впервые разводить калію, то можетъ умереть сама или вызвать смерть мужа. Развратницѣ нечего и браться за калію: могутъ отгнить пальцы. При окраскѣ нужна сдержанность: «На калію не можна лыхословыть». Она обидчива. Если, напримѣръ, сторонній человѣкъ, услышавъ запахъ каліи, разводимой водой, въ которой мылась шерсть съ сѣрой, спроситъ: «Що се за

---

[1]) Теперь совсѣмъ вышли изъ моды и попадаются только въ складахъ у богатырокъ, слѣдующія старинныя одежды: «кунтуси», съ отложнымъ (лежачымъ) воротникомъ, рукавами, и двумя усиками сзади изъ парчи; короткія «байкови», зеленыя съ красными хвостиками или кистями, юбки съ пелериной; длинные, широкіе халаты изъ голубой китайки, со сборами отъ воротника, дѣлавшагося отложнымъ, описаннаго у Арендаренка (Зап. о Полт. губ. II, 253—255) подъ именемъ шушпана, въ сороковыхъ годахъ, но опущеннаго уже въ Сборн свѣд. о Полт. губ. Богдановича, 1877 года. (162—166) при описаніи одеждъ.

[2]) Чуб. Тр. VII, ч. III, 433.

[3]) Кали—санскритское, черный.

смрадъ?» то калія спротывыться и не пиде краска на запаску. Таку калію вылывають и заводять задруге». Выгоднѣе поэтому красить запаски, заперевъ двери. За окраску мастерица получаетъ 10 коп. поштучной платы и сколько необходимо краски. «Скилькы напьется запаска». Цѣна пары запасокъ $1^1/_2$—$2^1/_2$ руб., у женщины ихъ 2—5 паръ. Запаски носятъ только буднями, по праздникамъ ихъ замѣняютъ плахтами. Послѣднія были прежде дорогими: основанными и затканными шелкомъ, «ажъ сялы»; потомъ только затканными (потыканымы) шовкомъ; затѣмъ стали шерстяныя. Плахты бываютъ разноцвѣтныя: на красномъ или синемъ [1]) фонѣ затканы бѣлые, желтые, зеленые квадраты, четырехугольники и узоры, подъ такими названіями: дрибнечкы, зиркови, зиркы, зирочкы, картати (клѣтчатыя), ковреви, коропова луска, лилиткови, лыштовкови, накладани, перцивки, рожеви, яблучкови. Внизу плахты обшиваются бахрамой (грывою). За выдѣлку прежде платилось 1 руб. 50 коп. и «пивмитка пряжи» (30 коп.), теперь же плахтъ болѣе не выдѣлываютъ; этотъ живописный уборъ отжилъ свой вѣкъ. «Теперъ жинкы не хочуть плахотъ и на хребетъ брать». Юбки (спидныци) вытѣснили плахты и запаски отовсюду, особенно же съ середины и съ юга уѣзда. Сподницы дѣлаются изъ бумазеи съ черными цвѣтами, въ родѣ мебельнаго ситца, также шерстяныя, поплиновыя, ситцевыя, цѣной отъ 80 коп. до 2 руб., носятся до года; обшиваются 1—2 плисовыми полосками. Самыя длинныя въ Черевкахъ, гдѣ ходятъ иногда и въ обыкновенномъ платьѣ съ таліей [2]). Фартухи [3]) встрѣчаются въ Лубенскомъ уѣздѣ только вблизи города да въ мѣстечкахъ. Въ Лукомьи ихъ называютъ нѣмецкими (нимськи). По селамъ они замѣнялись прежде красными или зелеными «кашмировымы» запасками, цѣной въ 40—50 коп., потомъ парчевыми, цѣной въ 1—$2^1/_2$ руб., надѣвавшимися только по праздникамъ

---

[1]) Сыняткы—синія съ желтымъ, самыя дешевыя.

[2]) Прежде дѣвочки до 15 лѣтъ не носили сподницъ, а подпоясывались только у таліи и ходили въ однѣхъ рубашкахъ.

[3]) Историчное Vortuch.

на плахты. Запаски держатся у таліи краснымъ широкимъ поясомъ [1]) различныхъ рисунковъ: гречковымъ, качалочкамы, ключевымъ, слывкамы; такіе пояса называютъ «окатымы»; стоятъ они 50 коп. Кромѣ того носятъ еще узкіе, дешевые, коп. въ 25—30, пояса—«крайкы», одного или нѣсколькихъ цвѣтовъ.

Женщины обуваются лѣтомъ иногда въ башмаки на высокихъ каблукахъ (черевыкы), изъ черной кожи, подкованные гвоздями или подковами, цѣной отъ 1 руб. до 1 руб. 60 коп., а зимой въ черные сапоги, цѣльные (вытяжкы) или сшитые (прышвы), цѣной въ 3—4 руб. Подошвы подбиваются деревянными гвоздиками, а каблуки—желѣзными или подковками. Къ сѣверу отъ Лубенъ носятъ цвѣтные сапоги или двухъ цвѣтовъ: передки черные, а голенища желтыя (чорнобрывци, чорнохалявци) или одноцвѣтные: зеленые, желтые (жовтынци), красные (червонынци), цѣной $2^1/_2$—4 руб. Цвѣтные сапоги непрочны и очень оберегаются. Въ ненастье женщина идетъ босая, а сапоги несетъ въ рукахъ. О разныхъ суевѣріяхъ, соединенныхъ съ сапогами, о гаданьяхъ, напр., писалось мною раньше [2]); слѣдуетъ еще добавить, что молодой предъ отъѣздомъ къ жениху бросаютъ въ сапоги зерна ржи, выдернутыя изъ четырехъ угловъ крыши отцовскаго дома.

Мальчиковъ на пространствѣ всего лубенскаго уѣзда стригутъ при головѣ, «гладко». Также стригутся и парни лѣтомъ, а зимой оставляютъ волосъ пальца на три. Нейдетъ коротко стричься тѣмъ парнямъ, «у которыхъ якъ на ижакови стоить волосся». Имъ больше къ лицу прическа «пидъ чубъ». Люди средняго возраста въ лѣсномъ участкѣ и старики во всемъ уѣздѣ стригутся

---

[1]) Женщинъ сѣверныхъ волостей, носящихъ бѣлыя рубашки, черныя сподницы и посединѣ пояса, называютъ сосѣдки миргородскаго уѣзда «чорногузами» (ciconia alba), а тѣмъ за ношеніе по будняхъ плахтъ говорятъ при встрѣчѣ: «великдень».

[2]) См. Рожд. Свят. 20, «Жилье» въ. Кіев. Ст. 1902, IV, 118.

«пидъ чубъ, кружкомъ», т. е. кругло, ровно по всей головѣ, простригая больше на лбу, надъ бровями и сзади. Бородъ почти никто не брѣетъ, а только подстригаютъ. Подстричь бороду и волоса на головѣ, «прычепурыться» слѣдуетъ предъ праздниками. Живую картинку стрижки наканунѣ Рождества находимъ въ извѣстныхъ письмахъ М. Т. Симонова въ Основѣ 1861 г. Голову крестьянина защищаетъ отъ холода и непогоды барашковая шапка, круглая цилиндрическая или нѣсколько суженная кверху, вышиной въ 1/4 арш. У парней она выше и уже. Верхъ шапки у молодежи и щеголей изъ барашка, у пожилыхъ изъ овецъ (перестригъ), у дѣтей поддѣльныя изъ плетенки, цѣной въ 35—50 к. Шапка подбивается черпымъ, голубымъ или краснымъ коленкоромъ, иногда овчиннымъ мѣхомъ. Общепринятый цвѣтъ шапки черный, рѣдко сѣрый. Большею частью шапки покупаютъ готовыми на ярмаркахъ у евреевъ за 1—4 руб., рѣже заказываютъ сельскимъ портнымъ, берущимъ за работу 20—50 коп. Шапки носятъ постоянно, прикрывая хусткой во время дождя, а въ жатву, когда пригрѣетъ солнце, замѣняя совсѣмъ хусткой. Картузы носятъ преимущественно лѣтомъ, изъ чернаго новаго или лицеваннаго сукна, подбитые коленкоромъ, цѣной въ 20—80 коп. Только въ Денисовской волости сохранились еще лѣтнія шляпы—брыли, плетеные изъ соломы, въ 9 соломинъ, вершковъ 6—7 вышины, поля въ 3 вершка ширины. Брыли повязываютъ черной лентой. Вокругъ Лубенъ носятъ старыя фуражки разныхъ вѣдомствъ и старыя шляпы, покупаемыя на базарѣ за 10—15 коп. Обычай запрещаетъ какъ хозяину, такъ и гостю класть шапку на столъ [1]). Гость, прійдя на короткое время, долженъ держать шапку въ рукахъ, а на долго—положить ее на лаву или повѣсить на гвоздь.

Мужская сорочка отличается отъ описанной женской короткостью. Она кроется отъ бороды до колѣнъ такъ же, какъ и женская въ три полы. Уставки, рукава и ластки вшиваются. Воротникъ рубашекъ различенъ по разнымъ мѣстамъ. Къ югу отъ Лубенъ носятъ узенькіе, стоячіе воротники, простроченные или вы-

[1]) Тоже у Чуб. Тр. эксп. 1., в. 1., 107.

шитые бѣлыми крестиками у пожилыхъ людей. У молодежи комиръ, пазуха и чохлы расшиты красной и черной заполочью. Узоры мужской рубахи называются: лучка, ретяжекъ, свыняча стежка, хрестыкы. Молодежъ къ сѣверу отъ Лубенъ приняла эту же моду. Не всѣ, впрочемъ, любятъ расшитыя цвѣтной бумагой рубашки; нѣкоторые избѣгаютъ ихъ, говоря: «мовъ заризаный чоловикъ». Люди среднихъ лѣтъ и пожилые въ сѣверной Лубенщинѣ носятъ больше отложные (заворочысти, заворотни) воротники, иногда вышитые, какъ и чохлы также, бѣлью. Сорочки застегиваются красной, зеленой лентой или обрывкомъ матеріи. Сорочекъ у мужчины немного 3—10, цѣной отъ 50 коп. до 1 руб. За пошитье берется 20—30 коп., но больше шьютъ рубашки матери, сестры, жены. Особенно красивыя рубашки вышиваетъ въ первое время брачной жизни молодая своему молодому.

У стариковъ, особенно у богатырей, сохранилось еще обыкновеніе носить широкія полотняныя бѣлыя или выбойчатыя шаровары «до очкурни», стоющія 45—55 коп.; но люди средняго возраста и молодежь не довольствуются уже такими домашними штанами, а дѣлаютъ ихъ изъ легкихъ сѣрыхъ, клѣтчатыхъ покупныхъ (крамныхъ) матерій и сѣраго двойного сукна, цѣной въ 1 р. 20—1 р. 60 коп. Прежде ношеніе штановъ считалось признакомъ зрѣлости, какъ видно изъ слѣдующихъ народныхъ разсказовъ. «У Хитцяхъ бувъ Сегеда. Его батько косывъ, а маты послала ёго безъ штанивъ обидать несты батькови. Симнадцять литъ ёму було одъ роду. Прынисъ батькови обидать. Батько пообидавъ, лигъ оддыхать. А винъ дывывсь, дывывсь, шо коса лежыть батькова, да—за косу, да начавъ косыть. Невмивъ косыть, то де й землю ризавъ. Колы вставъ батько, ажъ винъ не то покосывъ, а й землю поризавъ. Прыйшовъ батько до дому: «шый, каже, стара, сынови штаны, бо траву косывъ такъ, шо й я не выкошу». Удруге погнавъ той Сегеда скотъ пасты безъ штанивъ. «Гоню, каже,—бижыть собака, и несе пидсвынка». Сегеда за нымъ услидъ и гнався версту. Собака та у лисъ. Сегеда за нымъ. Собака положывъ кабана, та держыть лапамы. Сегеда узявъ пид-

свынка, укынувъ у пелену, прынисъ до дому, ставъ казать батькови. Батько та маты сказалы: «То ты у вовка однявъ». (Отъ кр. с. Хитцовъ И. Нагорянскаго).

«Теперь надивають изъ пьяты литъ хлопцю штаны, а давнійшъ воны до 15 литъ и дальше ходылы безъ штанивъ. Йиде чоловикъ изъ снопамы, колы парубокъ выскочывъ зъ огорода, де винъ бигавъ, пидскочывъ пидъ визъ, взявъ и перекынувъ. Батько каже: «Э, стара! треба сынови штаны шыть, бо вже перекынувъ визъ изъ снопамы». (Отъ коз. с. Литвяковъ, С. Мартыщенка).

Сверхъ рубашки носятъ сѣрый шерстяной или бумажной матеріи жилетъ, однобортный, съ узенькимъ, стоячимъ воротничкомъ, безъ вырѣза и съ двумя карманами, обходящійся въ 50—65 коп. Послѣ войны 1877—1878 гг. вошли въ моду и нѣсколько лѣтъ продержались особыя куртки (кухвайки) въ родѣ жилета изъ шерстяной матеріи съ рукавами изъ фланели, стоившія 1 р. 20—1 р. 30 коп. Сверхъ жилета носится черная [1]) суконная или сѣрая шерстяная чумарка, длиною до колѣнъ, однобортная, застегивающаяся на крючки, съ таліей. Карманы чумарки продольные, обшитые тесьмой. Чумарка обходится въ 3—7 руб., подбитая ватой служитъ верхней одеждой. Чумарку, какъ и другія верхнія одежды, мужчины подвязываютъ поясами: въ сѣверной части уѣзда синими, зелеными, красными, полосатыми, покупными, цѣной 20—80 коп. Къ югу отъ Лубенъ, сохранились еще домашніе пояса—сѣтчатые, (ситкови) изъ крашеной и затѣмъ сплетенной палочками въ 6—8 пасомъ шерсти. Такой поясъ цѣнится 1—2 руб.

Къ числу верхнихъ одеждъ принадлежитъ такъ называемая юбка. Прежде онѣ дѣлались изъ бѣлаго сукна, длиною до 2-хъ аршинъ. Узенькій, стоячій воротникъ и клинья (усы) сзади у таліи обшивались черными нитками; застегивалась юбка кожанными пуговками (дидыкамы, гудзямы). Затѣмъ съ 60-хъ годовъ прошлаго вѣка юбки измѣнились: вмѣсто бѣлаго сукна появляется черное предъ Лубнами, черное и сѣрое за ними. Гудзи замѣняются

---

[1]) Синій цвѣтъ одеждъ предпочитается цыганами.

крючками, усы сборами. Юбки укорачиваются до $1^1/_2$ аршина. Воротникъ, грудь, обшлага обшиваются черной тесьмой къ сѣверу, зеленымъ сукномъ къ югу отъ Лубенъ. Тамъ обшлага обшиты зубчиками или въ видѣ шеврона, и укороченную юбку называютъ «каптанкомъ». Осеннюю верхнюю одежду: свиту (иначе сирякъ, кобенякъ, керею) дѣлаютъ изъ чернаго, рѣже сѣраго сукна въ 4 полы съ кобкой или видлогой, круглой, обрубленной черными нитками, замѣняемой въ послѣднее время широкимъ, отложнымъ, ямщицкимъ воротникомъ. Свита стоитъ 4—8 руб. Зимнюю одежду—кожухъ дѣлаютъ изъ 7—9 овчинъ, а обкладываютъ мѣхомъ ягнятъ (смушкомъ). Воротникъ кожуха стоячій, прямой или скошенный въ 3—4 вершка ширины, замѣняемый въ послѣднее время отложнымъ, какъ въ шубѣ. Усы, на которые въ старину нашивались три треугольника, обшитые черными нитками (ластки), замѣнены теперь, какъ и въ юбкахъ, сборами, гудзи—крючками. Кожухъ лѣтъ 15 носятъ нагольнымъ, затѣмъ, перебравъ мѣхъ, кроютъ чернымъ сукномъ или черкасиномъ. Носятъ и дубленые кожухи. Кожухи обходятся въ 8—15 руб. Ихъ предохраняютъ отъ порчи въ дорогѣ, накрывая въ дождливую или снѣжную погоду свитой или рядномъ, а измокшій кожухъ, по пріѣздѣ домой, складываютъ, туго перевязываютъ и прячутъ въ темное, холодное помѣщеніе до просушки. По народнымъ понятіямъ отъ сырости же и отъ пыли, особенно мучной, заводится въ одеждѣ моль [1]). Послѣдняя можетъ завестись и отъ неправильнаго вывѣтриванія одежды на третьей лунной четверти. «Якъ перетрушувать футро на третій квадри, то миль укынется». Моль заводится и тогда, когда овцы, изъ которыхъ пошиты шубы, зарѣзаны на третьей четверти. Вывѣтривать одежду нужно въ извѣстное время. «На русавчынъ великдень [2]) треба одежу сушыть, щобъ била миль не заводылась». Также пользуются событіями

---

[1]) Миль, (родит. падежъ: мели), бываетъ: Tinea pellionella и tapetzella, портящая мѣха, и T. sarcitella,—шерстяныя матеріи. Пропадаетъ отъ пахучихъ травъ.

[2]) Т. е. четвергъ зеленой недѣли.

свадебъ и похоронъ для предохраненія одеждъ отъ моли. Молодая предъ вѣнцомъ должна взять въ церковь чужую юбку или кожушанку,—такую не тронетъ ни моль, ни мышь; и подъ голову мертвеца подкладываютъ кожухъ, чтобъ моль не ѣла. Къ болѣе дѣйствительнымъ способамъ уничтоженія моли принадлежатъ: помѣщеніе одежды въ бочку или дижку, въ которой квасились бураки, пересыпаніе одеждъ сѣрой, мятой и табакомъ; также окуриваніе послѣднимъ, еще зернами, которыя посыпали мальчики—посыпальники, поздравляя съ новымъ годомъ, и смолой. Порча одежды крысой или мышью вдвойнѣ непріятна, потому что кромѣ убытка, предвѣщаетъ еще смерть хозяину вещи. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и вообще всегда грѣшно зашивать дырявую одежду на человѣкѣ—«розумъ зашьешь» [1]); въ крайности нужно, по крайней мѣрѣ, зашивая держать нитку въ зубахъ во время починки.

Въ большей части лубенскаго уѣзда мужская обувь, заключается въ однихъ только сапогахъ (чобо́тяхъ). Чоботы дѣлаются изъ юхты, иногда изъ тонкаго ремня и «шкапыны» (лошадиной кожи), теперь на деревянныхъ шпилькахъ, а прежде сшивались дратвой (до за́вити) и «пидъ рантъ, ранто́ви». Голенища вышиной $^3/_4$, шириной болѣе $^1/_4$ аршина; подошва сапогъ—изъ толстаго ремня, каблуки подбиты гвоздями или подковами. Цѣна сапогъ отъ 2—12 руб. Кромѣ сапогъ къ югу отъ Лубенъ носятъ еще черевики, вродѣ женскихъ, «постолы»,—кожаные лапти, а въ с. Хитцахъ, изрѣдка въ Калайденцахъ, «лычакы», т. е. обыкновенные лапти изъ липовой и вязовой коры, которымъ приписываютъ слѣдующее происхожденіе. «Бувъ чоловикъ бидный. Литнёго времени нивищо обуться було. Пишовъ у лисъ и винъ босый бувъ и якось сколовъ ногу соби. Сколовъ ногу и дійты неможна; та взявъ лыпы шматокъ и муцювавъ, муцювавъ: якъ бы ёго дійты до дому. Явывсь до его незвисно якый чоловикъ, каже: «Що ты робышъ»?—Уколовъ ногу, не можна дійты.—«Постій, я тоби зроблю». И выплывъ ёму лапоть и обучывъ якъ обуться, и

[1]) Гринченко. Изъ устъ нар. 381.

научывъ ёго якъ плесты. Вбувся винъ и недовго бувъ, недовго здалось,—колы винъ тамъ бувъ тры дни. Прыходыть чоловикъ у одному лычаку и хвалыться жинци. Жинка сказала: «ты тры дни проходывъ уже». И потимъ ставъ той чоловикъ дома жыть, ставъ ти лыка драть и плесты соби и людямъ. Сталы ёго хвалыть. Отъ съ чого лапти пишлы въ Хитцяхъ». (Отъ И. Нагорянскаго).

Оканчивая настоящей статьей первый отдѣлъ очерковъ быта лубенскаго крестьянина, посвященный его потребностямъ: защитѣ отъ климата и пищѣ, считаю нелишнимъ замѣтить, что движеніе жизни со второй половины прошедшаго вѣка до нашихъ дней выразилось по отношенію къ крестьянскому жилищу увеличеніемъ размѣра и свѣтлости его, и прибавкой особаго теплаго помѣщенія—хатыны, но въ ущербъ качеству строительнаго матерьяла. Въ пищѣ не произошло никакихъ перемѣнъ, кромѣ сокращенія пировъ на праздникахъ и оскудѣнія вообще. Напротивъ, одежда претерпѣла найболѣе измѣненій. Движеніе моды выразилось здѣсь: въ утратѣ нѣкоторыхъ прежнихъ формъ одеждъ, въ укороченіи пережившихъ и замѣнѣ бѣлаго сукна темнымъ, домашнихъ тканей—фабричными матеріями; также въ появленіи новыхъ формъ, но въ ущербъ добротности матерій и живописности наряда.

В. Милорадовичъ.

(Продолженіе слѣдуетъ)

Въ затышку.

(Малюнокъ).

Далеко геть роскынувся старый панськый садъ и по долыни й по узгирри. Не на одни гоны простягся винъ по-надъ глыбокою та спокійною ричкою. А биля саду стоить старый панськый будынокъ. Непаче скырта по-мижъ копыць, вызначается винъ зпомижъ убогыхъ мужычыхъ хатъ, що роскынулысь геть по-пидъ горою, або немовъ горда, била лебедыня прыбылась до сирыхъ гусей, тай стала поодаль.

Збудованый у старовыну, колы давни запорожськи займанщыны оддавалысь пидъ селытьбы сербамъ та волохамъ, винъ здается справжнимъ палацомъ передъ будивлямы нашого часу. Высоко винъ стоить на камяному фундаменти, зъ мезоныномъ и двома кганкамы, що пышаются рядамы билыхъ мурованыхъ колонъ. Але на всій будивли уже помитна печать занепаду. Зализна покривля красылась невидомо колы, быльця кганкивъ на мезонынi порозхытувалысь и ввесь будынокъ давно вже дожыдае повапленнія. Велычезный табунъ дыкыхъ голубивъ, подибныхъ до горлыць, оселывся пидъ покривлею мезоныну й цили дни крутытся надъ будынкомъ. Гоминъ крылатыхъ жыльцивъ ввесь день стоить надъ камяныцею и повывае будынокъ якоюсь тыхою, стародавнею поэзіею. Шырокый панськый двиръ густо зарисъ высокымъ буръяномъ. Тутъ вильно росте и полынь и деревій и пануе похожа на резеду, опорошена своимъ цвитомъ, мовъ борошномъ,

лобода. Де-не-де гордо стоять колючи, широколисти, червоноголови будякы, и часомъ трапляется блакитна зирка петрового батога.

Скризь, и на панськимъ садови, и на будынкови и на всёму двори ясно вызначаются и достатки старого часу, и занедбанність, а може й убогість—теперишнёго. Велыкый садъ, велыкый будынокъ, камяни стайни, базы, возивни и иншe,—все те занехаяне и занедбане, стоить и валыться безъ ніякого догляду й порятунку. На шырокому двори не помитно ніякого жыття. Стара вербова колода, що лежала биля колодязя ще десять литъ назадъ, и теперъ лежыть на тимъ самимъ мисци, обгорнута буйною лободою. Стежкы черезъ двиръ тежъ заростають: мисце пидъ имы бильше потрибне тій самій лободи, пижъ людямъ. Бо никому ходыты по тыхъ дорижкахъ... Жыви истоты тилькы й вештаются побиля пекарни. Тамъ осередокъ жыття сёго велыкого, напивъ-замерлого двору. Але и въ тому вештанни выразно вызначается рыса байдужосты й линощивъ. Никуды поспишатысь, нічого хапатысь. Тилькы у обидъ молода слугивныця Пашка хутко-хутко перебигае босымы ногамы зъ горныць до пекарни, и тако-жъ хутко повертается до горныць, несучы, вся залыта сяевомъ сонця, страву на обидъ старій пани. Пани любыть за обидомъ порядокъ и не любыть дожыдатысь змины стравъ.

Линощи оповывають увесь панськый двиръ. Навить два двирськи псы и ти жывуть цилкомъ у ихъ обіймахъ. Що-дня лежать воны нерухомо биля пекарни и дримають, зовсимъ такъ, якъ колысь у блаженни стари часы дримало наше родовыте та гоноровыте, напоене й нагодоване старе панство. Иноди тилькы наймытъ, визныкъ Остапъ, заспаный и зкуёванный, вештается биля стайни, чухае свою дебелу потылыцю й лается, докоряючы, «каторжну роботу», що за нею николы бидному чоловикови й выспатысь добре. Але, знаючы ёго звычай, треба тилькы дывуватысь,—якъ може чоловикъ такъ багато спаты?—Хропе винъ всю ничъ и потимъ куняе до обидъ й спыть, зарывшыся въ сино й скынувшы чоботы на половыну—щобъ и душно не було, и мухы не кусалы голыхъ нигъ—ажъ до полудня.

Любыть добре выспатысь и клюшныця, Олексіевна. Та й хто такы, справди, не любыть поспаты? И яка була бъ цина нашого жыття, колы бъ не можна було хочъ половыну ёго проспаты?..

Такъ думае и сама пани, Тытяна Ахрыканивна Кушырева. И що-дня писля обидъ забываются щильно виконныци ій опочывальни, затыкаются вси щилыны, куды бъ ухытрывсь проскочыты денный свитъ, выгонятся вси, до одніеи мухы, и Тытяна Ахрыканивна, попойившы за обидомъ сама соби,—бо вона одынока вдова,—доброго борщу, чого-небудь печеного, закусывшы холоднымъ, червоно-сахарыстымъ, що, бувае, ажъ репне пидъ ножемъ, кавуномъ та пахучою жовто-мнясою дынею, лягае спочываты. Ляже и засыпае безтурботнымъ, солодкымъ сномъ.

И все ій жыття було такымъ солодкымъ сномъ. Тилькы й горя вона зазнала, якъ умеръ ій чоловикъ. Але й те лыхо пролынуло надъ нею, якъ якый велыкый чорный птахъ, війнуло надъ ій головою чорнымъ холоднымъ крыломъ и поплывло геть по сынёму неби, утопаючы десь у блакитному сяеви...

Такъ мыналы рокы, однакови, ривни й певни, якъ и самъ ій спокій. Сонце вставало що-дня надъ стайнею и день-у-день погасало за садомъ. И сама пани, лягаючы у постиль писля обидъ, була упевнена, що, заснувшы, прокынется черезъ дви годыны.

Такъ було й сёгодня.

Тытяна Ахрыканивна прокынулась годыны за дви передъ заходомъ сонця, напылась холоднои воды зъ лёдомъ, выйшла на кганокъ и сила на своёму звычайному крисли, на звычайному своёму мисци. Въ рукахъ у неи якесь плетиння—плете вона комусь на подарунокъ,—а биля нигъ уже сыдыть вирна клюшныця, Олексіевна.

Олексіевна служыла своій пани ще за панського права. Правда, тоди пани Тытяна Ахрыканивна не була панією, а була струнокою, вродлывою, веселою панночкою, а сама Олексіевна була тилькы палко-чорноокою, смуглявою Катькою. Вона була молодша одъ пани. И все ій жыття мынуло биля пани. Безъ пани не

було бъ и Олексіевны, а може безъ Олексіевны не було бъ и пани—такои, якъ вона есть. Ихъ жыття непомитно, але мицно було звъязане. Такъ блидолыцый мисяць навикы звъязаный зъ гордою землею и ввесь свій викъ ходыть навколо неи, а вона буцимъ и не помичае ёго... Але й земля безъ мисяця була бъ не та.

И ось воны, якъ и що-дня, сыдять удвохъ на кганкови. Пани на крисли, Олексіевна на камъяныхъ схидцяхъ кганку. Передъ нымы роскынулось усе село. Теперъ саме гарманъ. Люде молотять хлибъ. Все село покрыте стогамы, стижкамы й скыртамы пшеныци, жыта й инчихъ хлибивъ. Молотьба саме у роспали. Торохтять по твердыхъ токахъ важки камъяни коткы, ривно-гучно лопотять ципы й гудуть віялкы, выкыдаючы зъ своихъ пелёкъ цили хмары половы й пылу...

Чудова картына велыкои народнёи праци!..

Але ся картына така звычайна для Тытяны Ахрыканивны и Олексіевны, що воны іи мовъ и не помичають. Всю свою землю пани виддае здавенъ мужыкамъ за грошы, цилкомъ всій громади, и зовсимъ не цикавыться тымъ, якъ люде добувають соби хлибъ.

— Душно сёгодня,—каже Олексіевна.

Пани мовчыть, затопывшы очи у свое плетиння й одноманитно перебираючы голкамы. А сонце спускается все блыжче до саду. Теля, що забрело у панськый двиръ, безпечно пасется соби у буръяни. Голубы кружляють по-надъ будынкомъ и голосно буркочуть надъ викномъ на выступи.

— А що,—чы не чуть чого нового?—пытае перегодя пани.

— Ни, не чуть ничого,—одмовляе Олексіевна.—Казала Приська, що неначе у Кошиля теля сказылось,—Хаврощенкова собака покачала... Та не знаю, чы правда, чы такъ люде балакають.

— Ну? Оце лыхо!.. Се не гараздъ. Ты нашыхъ, гляды, не велы пускаты у череду. Краще ихъ у садъ пустыты. Та прыглядайся, чы не сказывсь, бува, нашъ Бровко?... Бо щось винъ цили дни все спыть, а въ-ночи вые,—каже, злякавшысь, пани.

— Ни, то винъ, мабуть, задень пересыпае... Не визьме ёго мара!..

А Бровко зъ Терзаемъ тымъ часомъ порозкыдалысь соби й сплять мовъ убыти. Имъ байдуже, що уже скоро й вечиръ на двори, и що треба бъ такы хочь трохы й похазяйнуваты,—чуже теля зъ якого часу пасется у буръяни... Але ось Бровко й прокынувся, блымнувъ своимы рудымы очыма, ухопывъ зубамы себе за хвоста и почавъ завдаваты трусу якымсь своимъ ворогамъ, що, не вважаючы на ёго похыли лита и зовсимъ невоёвнычу вдачу, не давалы ёму спокою. Попокла̀цавшы зубамы и завдавшы страху кому треба, винъ важко позихнувъ, мовъ неначе й справди що велыке зробывъ, або було у ёго на собачимъ серци яке важке лыхо, и винъ ёго збувся. Позихнувъ, блымнувъ очыма и зновъ скорывся непереможному наплывови собачыхъ снивъ и мрій.

Але теперъ недовгый бувъ ёго сонъ и непрыемный просыпъ.

Сонце сидало ныжче й ныжче. Пани сыдила й копырсала голкамы, Олексіевна прыгадувала ще якои новыны, якъ изъ стайни, хытаючысь зъ просонку, выйшовъ Остапъ. Зупынывся винъ на дверяхъ, почухавъ ногу выще колинъ, трусонувъ чупрыною и тилькы що хотивъ бувъ пустыты пъятерыцю въ потылыцю, якъ очи ёго побачылы прыблудне теля. Винъ одразу ожывъ. Схопывъ у рукы дви каминюкы й гукнувъ хрыпкымъ зъ-просоння голосомъ:

— Цю—цю! Бровко! Терзай!.. Туй-во!..

Але собакы не озвалысь на ёго поклыкъ. Гаряча душа Остапова не стерпила такои зневагы и винъ, шыроко розмахнувшыся, шпурнувъ каминюкою въ собакъ. Каминюка влучыла въ Терзая. Той зъ просонку залементувавъ на ввесь двиръ и, пидгорнувшы хвоста, кынувся не до теляты, а геть за очи.

— А, кляти, туй-во!.. туй-во!.. куси!..—крычавъ Остапъ, шпурляючы каминнямъ въ теля и побигъ за нымъ ажъ до ворить.

— И чого винъ дурный ганяется?—каже пани.

— Та такъ, мабудь переспавъ, то сердытый.

— А чые то теля?

— Здается—Лепетюкове.

— Ну, й нехай бы попаслось...

— Отъ пиды жъ зъ нымъ!.. То слова видъ ёго не допытаешся, ледви языка повертае, а то бачь, якъ росходывся!..

Розмова зновъ порывается. Остапъ, выгнавшы теля, вертается до стайни и почынае выводыты коней, щобъ весты ихъ до воды. Развивъ зо-тры наважуется винъ систы верхы на гнидого, высокого коня, але той не дается. Остапъ лается! й смыкае за поводы. Зализни удыла бряжчать и бьють коня по щелепахъ. Винъ высоко задырае голову и одступае назадъ. Поповозывшысь килькы часу зъ непокирнымъ гнидымъ, Остапъ такы сидае на ёго и почынае настёбуваты ёму кинцемъ повода бокы. Кинь стае на дыбкы, потимъ раптомъ кыдается впередъ. Дви другыхъ конякы, жахаючысь, тягнуться на поводахъ и трохы-трохы не стягають Остапа не землю. Винъ лютуе й лается. Нарешти выйиздыть зъ двору.

Теперъ у двори зновъ тыхо. И пани такъ саме сыдыть зъ Олексіевною на кганку, такъ саме, на тимъ самимъ мисци, де вона сыдила що-лита уже килькы десяткивъ рокивъ. И теперъ, якъ и що-року, та половына ій облыччя, якою вона сыдытъ до сонця, и та рука, що пры плетинни бувае зверху, загорилы далеко биільше того боку облыччя й тіеи рукы, що бувають у холодку.

— Попенята уже йдуть купатысь—каже згодомъ Олексіевна.

—Нехай бы самоварь ставылы,—одмовляе пани й пидводыть видъ роботы очи, щобъ подывытысь на попенятъ.

Ій выдно, якъ зъ попового двору выйшло трое хлопцивъ; старшый—худый и довготелесый, двое меншыхъ—одутлувати й крывоноги. Шкутыльгаючы крывымы ногамы, воны плентаются черезъ майданъ до ричкы.

— Учаться вже вси,—промовляе Олексіевна и, пидпершы щоку, хытае головою.

Сонце зовсимъ спустылось до саду. Чуты, якъ до села наблыжается череда. Зъ другого краю села чуты отару. Робота на сели трохы прытыхла.

Пани й клюшныця мовчать.

Кожна зъ ихъ мае свои думкы, але воны ридко имы подиляются. И ти думкы ридко колы выходять поза межи свого села.

А попенята спустылыся зъ кручи до ричкы, пройшлы геть берегомъ по-пидъ нею й выйшлы на шыроку писчану косу, що мовъ на долони выдко зъ панського кганку. Тры ихъ постати чудово видбываются на билому писку. Ось двое малыхъ побиглы наввыпередкы... Ось одынъ выпередывъ другого... Той сылкуется наздогнаты попереднёго... простягае руку, щобъ ухопыты ёго за сорочку. Колы попередній разомъ ухыльнувся въ бикъ, пидставывшы ногу заднёму, и той зъ розгону врывается головою въ билый, сыпкый писокъ... А старшый, не хапаючысь, одноманитно махаючы й рукамы й ногамы, йде до берега. Роздягается и зъ розгону кыдается въ воду. Уже вси трое въ води... Воны плавають и пурнають, мовъ вутята. Брызкаются й крычать... А на другому берези ричкы сыдыть якый-ся дидокъ, мабуть безридный дидъ Пылыпъ, и надыть рыбу. А ныжче мисця купання шумлять и выблыскують своимы чорно-едвабнымы крыламы водяни млыны—байдакы. На берези стоить повозка...

Все те бачыть Тытяна Ахрыканивна и згадуе,—якъ-то гарно колысь, колы вона була молодою, було купатысь! Оттакó, якъ и попенята, и воны колысь зъ Катерыною плескалысь й хлюпалысь оттамъ у прозорій, теплій води, на чистому, билому писочку... Плескалысь...

— Самоварь поданый,—несподивано каже, зъявывшысь у дверяхъ зъ кимнаты, босонога слугивныця Пашка.

И пани бере свое плетиння, важко пидводыться зъ свого важкого старосвитського крисла и тыхою старечою ходою йде до кимнаты.

Въ зали, на круглому, червоного дерева, столи стоить самоварь, сущыкы и все инше, однакове що-дня: пани такъ любе; се іи завычка. Вона повагомъ налывае сама соби чаю у свою чашку, що куплена була колысь у Парыжи, на выстави, ще за жыття іи чоловика, и не поспишаючысь пье ёго.

День скинчывся. Надходыть вечиръ. Потимъ нечутно заступе ничъ, а тамъ зновъ—день... И такъ багато рокивъ живе стара

пани. Вси ій поважають. И вона никому и николы не зробыла свидомо зла. Диты ій, яки булы у неи, уже давно повыходылы въ люде й жывуть своимы семьямы по иншыхъ краяхъ. Вже й воны повбиралысь въ лита, а вона, яка була десять литъ назадъ, така и теперъ: спокійна, ривноважна й незлослыва. Селяне стрічаючысь зъ нею въ цвынтари, бо вона бильше ниде не бувае, скыдають шапкы и нызько ій кланяются. Батюшка кожнус лужбу выносе ій самъ на таци проскурку и выявляе ій всяку пошану, але мовыты—робе винъ се соби не безъ корысти: ёму незридка де-що перепадае...

Тилькы одынъ довготелесый поповычъ, одынъ на все село, и то треба думаты що ніякъ, а едыно тилькы, якъ каже ёго батько, «по своій дуросты бурсацькій»—насмилюется глузуваты зъ старои пани.

— Дывиться,—иноди каже винъ братамъ писля обидъ,—уже выповзла на свитъ «божа коровка»,—можна йты купатысь. Шукайте рушныка та мыла...

— Дурню!—осикъ ёго разъ, почувшы ти слова, батько:—сміешся ты зъ Тытяны Ахрыкапивны, а чыя на тоби, бовдуряци, сорочка?.. Того не знаешъ!

Сынъ перемовчавъ. Але въ души винъ дывуется батькивській логыци: «Божа коровка й есть, бильшъ ничого; що тутъ такого, щобъ лаятысь? А що сытцю подарувала на сорочкы, то то ій дило... не прохано!..»

И такъ жыве на свити, у теплому затышку, стара пани,—тыхо, смырно, не роблючы ніякыхъ голосныхъ дилъ, а якъ умре, то не кыне на свити а ни якого слиду. Тилькы, мабуть, селяне не забудуть ій, бо прыйдуть за нею люде, що будуть выбываты зъ ныхъ кожну копійчыну, будуть выраховуваты кожне зернятко, що зародыть имъ доля на панській земли...

М. Чернявськый.

Въ поискахъ новой красоты.

(Замѣтки читателя).

I.

Въ высшей степени любопытное и поучительное явленіе въ исторіи духовной жизни человѣчества представляетъ собою смѣна и чередованіе различнаго рода общественныхъ и, въ частности, литературныхъ направленій. Зарождаясь часто изъ самыхъ, на первый взглядъ, незамѣтныхъ источниковъ, будучи слѣдствіемъ самыхъ, повидимому, незначительныхъ причинъ, эти направленія, тѣмъ не менѣе, пріобрѣтаютъ иногда могущественную силу, держатъ въ своей власти умы современниковъ и на всю жизнь ихъ накладываютъ свой болѣе или менѣе сильный отпечатокъ,—то бодрящій, призывающій къ жизни, дѣятельности и борьбѣ, то мертвящій, окутывающій и безъ того неприглядную жизнь современнаго человѣчества непроглядымъ мракомъ отчаянія и сомнѣній въ самыхъ высокихъ и дорогихъ идеалахъ. Эта смѣна направленій, этотъ приливъ и отливъ человѣческой мысли и жизнедѣятельности особенно характерны бываютъ для такихъ эпохъ, какую, между прочимъ, переживаемъ и мы,—эпохъ съ ускореннымъ темпомъ жизни, съ повышеннымъ біеніемъ общественнаго пульса. Современный человѣкъ то возносится успѣхами мысли и техники на высоту самыхъ головокружительныхъ надеждъ и создаетъ широ-

кія перспективы будущей жизни человѣчества; то устаетъ въ этой вѣчно обновляющейся, непрерывной сутолокѣ впечатлѣній, не успѣваетъ идти за жизнью, падаетъ духомъ, и въ результатѣ смятенный духъ его производитъ какія-то кладбищенскія теоріи насчетъ будущаго, выражающіяся и въ настоящемъ странными и не вполнѣ понятными явленіями въ области общественныхъ и художественныхъ направленій. Эта смѣна направленій и чередованіе настроеній, этотъ приливъ и отливъ человѣческой бодрости и жизнедѣятельности, какъ въ зеркалѣ отражающіе современность, есть лучшій для даннаго времени показатель состоянія человѣческаго духа. Пользуясь этимъ показателемъ, будущій историкъ общественной жизни создастъ яркую характеристику времени и людей, въ данное время дающихъ тонъ жизни. Какъ геологъ по напластованіямъ земной коры до мельчайшихъ подробностей возстановляетъ исторію нашей планеты, смѣну періодовъ, жизнь живыхъ существъ, въ то или иное время ее населявшихъ, такъ и будущій историкъ общественной жизни по этимъ, такъ сказать, общественнымъ напластованіямъ будетъ въ состояніи лучше всего охарактеризовать прошлое человѣчества, возстановить предъ болѣе или менѣе отдаленнымъ потомствомъ картину нашихъ общественныхъ отношеній и направленій. Такой будущій историкъ, дѣйствуя на разстояніи, несомнѣнно будетъ имѣть передъ нами, современниками, то преимущество, что въ меньшей степени будетъ отражать на себѣ вліяніе минуты, часто для современниковъ непреодолимое; онъ не будетъ ослѣпляться личными и общественными симпатіями и антипатіями, подвергая разсмотрѣнію дѣла давно минувшихъ дней; его вниманіе, наконецъ, не будетъ растекаться между различными мелочами и деталями, часто не существенными, но тѣмъ не менѣе осложняющими и затрудняющими наблюдательную работу современника. Благодаря этимъ условіямъ, онъ сумѣетъ схватить болѣе существенныя черты, характерныя для даннаго времени, выдѣлить ихъ изъ массы мелочей и создать болѣе или менѣе правдивую картину нашей общественной жизни. Но въ ожиданіи этого спокойнаго и безпристрастнаго изображенія было бы непростительно намъ, современникамъ, радующимся

радостями своего времени и болѣющимъ его болями, сидѣть, сложа руки и не дѣлая даже попытки по мѣрѣ силъ и возможности разобраться въ нашихъ печаляхъ и радостяхъ,—вѣдь они наши, эти печали и радости, продуктъ до нѣкоторой степени нашихъ собственныхъ усилій и ошибокъ и мы сами, съ другой стороны, во многомъ являемся воплощеніемъ этихъ радостей и горестей, подчиняемся имъ и на себѣ носимъ ихъ отпечатокъ. Для нашихъ потомковъ, которые будутъ имѣть возможность читать безпристрастную исторію нашей жизни, она во многомъ будетъ представлять лишь академическій интересъ; многое, можетъ быть, покажется имъ чужимъ, тогда какъ для современника, участвующаго въ жизни своего времени, часто даже самыя незначительныя событія полны огромной практической важности и самого непосредственнаго значенія. Добросовѣстное и по возможности безпристрастное изученіе и обсужденіе нашихъ ошибокъ, можетъ быть, предотвратитъ наступленіе еще горшихъ ошибокъ и отвлечетъ наши и безъ того не богатыя силы въ ту сторону, гдѣ онѣ будутъ наилучше утилизированы и съ наибольшею экономіей и пользой употреблены въ дѣло.

Будущему историку нашихъ общественныхъ отношеній придется съ изумленіемъ и недоумѣніемъ остановиться предъ нѣкоторыми явленіями изъ области современныхъ художественныхъ направленій. Встрѣчая, напр., умышленное и настойчивое удаленіе отъ жизни въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ писателей, подмалевыванье жизненныхъ явленій какими-то нелѣпыми тонами, погоню за вычурной формой въ ущербъ содержанію, всѣ эти «ужимки и прыжки» расшатанной мысли, въ которыхъ часто не добьешься того, что называется человѣческимъ смысломъ,—будущій историкъ несомнѣнно придетъ къ неособенно лестнымъ заключеніямъ на счетъ времени, создавшаго и выдвинувшаго это странное направленіе, и людей, такъ или иначе участвовавшихъ въ его выработкѣ. Можетъ быть, ему на разстояніи и виднѣе будетъ, какъ и почему оно возродилось къ жизни и пріобрѣло вліяніе на современниковъ, но непосредственнаго, практическаго интереса это направленіе имѣть для него не будетъ: онъ объяснитъ его, запечатлѣетъ

болѣе или менѣе выразительнымъ терминомъ и перейдетъ къ другимъ явленіямъ. Совсѣмъ иное отношеніе должно возникнуть у современниковъ: символизмъ или декаденство,—такъ какъ объ этомъ именно направленіи у насъ идетъ рѣчь,—стало въ послѣднее время самымъ моднымъ направленіемъ, ревностно и открыто проповѣдуется, выступаетъ необыкновенно воинственно противъ того, что считалось до сихъ поръ лучшимъ пріобрѣтеніемъ человѣчества, находитъ поклонниковъ и послѣдователей, проникаетъ въ мелочи повседневной жизни и выдвигаетъ себя вездѣ и всюду—въ поэзіи, критикѣ, живописи и во всѣхъ смежныхъ отрасляхъ искусства. Различные предпріимчивые, съ практическимъ чутьемъ, люди постарались кромѣ того въ своихъ видахъ практически использовать направленіе,—появились декадентскія матеріи, декадентскія прически, декадентскіе цвѣта, папиросы,—словомъ все то, что ищетъ рекламы, постаралось прибѣгнуть подъ сѣнь моднаго направленія. Для насъ, конечно, не важны меркантильныя проявленія декадентства—всѣ эти матеріи, цвѣта и т. п., но декаденство въ искусствѣ, въ литературѣ—это вопросъ настолько важный и прежде всего практически важный, что современникъ не имѣетъ нравственнаго права относиться къ нему равнодушно, ограничиваясь однимъ лишь недоумѣннымъ восклицаніемъ,—гдѣ, молъ, авторы декадентскихъ произведеній разговоры эти слышатъ, съ кого портреты эти пишутъ? Уже одно распространеніе этого направленія, носящее явно эпидемическій характеръ и потому обѣщающее принять грозные размѣры и формы, указываетъ на то, что съ нимъ должны быть произведены серьезные счеты, тѣмъ болѣе, если это связано въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ съ судьбами родной намъ украинской литературы.

Родиной занимающаго насъ въ настоящее время направленія была Франція. Въ началѣ 80-хъ годовъ прошлаго столѣтія въ одномъ изъ кабачковъ Латинскаго квартала въ Парижѣ происходили собранія молодыхъ людей, неизвѣстно почему именовавшихъ себя «гидропатами»; ихъ объединялъ журнальчикъ «Lutèce», просуществовавшій, впрочемъ, очень недолго и на первыхъ же выпускахъ прекратившійся, причемъ прекратились и самыя соб-

ранія гидропатовъ. Но вскорѣ изъ обломковъ кружка возникъ новый, получившій на этотъ разъ отъ одного изъ критиковъ насмѣшливое названіе «декадентовъ», первоначально ими принятое для выраженія презрѣнія къ критикѣ, но впослѣдствіи замѣненное новымъ—«символисты». По отзывамъ людей, принимавшихъ участіе въ собраніяхъ гидропатовъ и декадентовъ, кружки ихъ состояли изъ молодыхъ людей, очень мало свѣдущихъ въ вопросахъ литературы и жизни, совершенно индифферентныхъ къ задачамъ общественно-политическаго характера и взамѣнъ всего этого интересовавшихся исключительно вопросами художественной техники и въ частности—поэтической формы. Насколько собранія эти отличались легкомысленнымъ характеромъ и насколько вообще не серьезно было отношеніе къ нимъ нѣкоторыхъ изъ постоянныхъ участниковъ и даже руководителей, показываетъ признаніе нѣкоего Лорана Тальяда, считающагося однимъ изъ основателей новаго направленія. «Я,—говоритъ онъ,—никогда не былъ символистомъ. Въ 1884 г. Жанъ Мореасъ, Шарль Винье, Верленъ и я, не придававшій этимъ бесѣдамъ иного значенія, кромѣ *легкой забавы*, пробовали мистифицировать *податливые умы* нѣсколькихъ дебютантовъ литературы «цвѣтными гласными», ивановскою любовью, шопенгауеризмомъ и разными другими *пустяками*, которые потомъ пошли въ ходъ». Еще выразительнѣе высказался на этотъ счетъ упоминаемый Тальядомъ Жанъ Мореасъ, по словамъ котораго символизмъ являлся для него «лишь шуткой и средствомъ водить за носъ дураковъ». Тѣмъ не менѣе прошло нѣсколько лѣтъ и литературныя лѣтописи обогатились новымъ направленіемъ, возникшимъ изъ этихъ собраній податливыхъ умовъ, равно несвѣдущихъ ни въ вопросахъ жизни, ни въ вопросахъ литературы, и водимыхъ за носъ шутливо настроенными руководителями. Направленіе это въ свою очередь разбилось на нѣсколько большею частью враждебныхъ другъ другу теченій (собственно символисты, декаденты, эстеты, маньифицисты, инструментисты, маги и проч.), и образованному міру пришлось сдѣлаться свидѣтелемъ многихъ изумительныхъ, прямо-таки невѣроятныхъ происшествій, творящихся

въ средѣ представителей новаго направленія. Въ числѣ этихъ происшествій фигурируютъ и убійства (въ буквальномъ смыслѣ) однихъ декадентовъ другими на разстояніи изъ Парижа въ Ліонъ, и избіенія ударами кулаковъ по черепу, претерпѣваемыя какимъ-то декадентомъ отъ черныхъ маговъ, раздразненныхъ нескромными разоблаченіями этого писателя, и присутствіе въ шкафахъ у нѣкоторыхъ декадентовъ домашнихъ духовъ, появляющихся по приказанію своихъ счастливыхъ обладателей и т. п. Но и помимо даже всей этой чертовщины, очевидно прямо относящейся къ области психіатріи, образованный міръ познакомился и съ произведеніями этихъ обладателей духовъ, терпящихъ избіенія отъ маговъ и т. п., и убѣдился, что нѣтъ предѣла человѣческой глупости и нѣтъ такой глупости, съ другой стороны, которая бы не нашла пылкихъ поклонниковъ и ревностныхъ послѣдователей и не вызвала бы подражанія. Въ нашу задачу не входитъ подробное изложеніе исторіи французскаго декадентства, которое интересуетъ насъ лишь настолько, насколько съ нимъ имѣютъ связь нѣкоторыя болѣе близко насъ касающіяся явленія. Поэтому, отсылая интересующихся подробностями къ спеціальнымъ сочиненіямъ по этому вопросу [1]), мы лишь кратко остановимся на причинахъ, вызвавшихъ появленіе декадентства, и на основныхъ особенностяхъ его, какъ литературнаго направленія.

Несмотря на каррикатурныя формы проявленія и на свое, повидимому, случайное возникновеніе изъ не менѣе случайныхъ собраній молодыхъ, несвѣдущихъ людей, обладающихъ къ тому же черезъ чуръ податливыми умами, новое направленіе имѣло тѣмъ не менѣе болѣе глубокія причины для своего возникновенія. Какъ извѣстно, во Франціи лѣтъ двадцать тому назадъ наиболѣе популярнымъ направленіемъ въ литературѣ былъ натурализмъ, съ его крайнимъ протоколизмомъ, квази-научнымъ методомъ примѣненія къ искусству естественныхъ наукъ, съ его индифферентностью

1) Михайловскій Н. К.—Литературныя воспоминанія и современная смута, т. II; Максъ Нордау—Вырожденіе. Венгерова З.—Поэты символисты во Франціи (Вѣстникъ Европы, 1892, IX). Гиляровъ, проф.—Предсмертныя мысли XIX в. во Франціи.

къ вопросамъ общественно-политической жизни и безпринципностью въ вопросахъ личной и общественной морали. Протоколъ, голый фактъ, неприкрашенная фотографія, копія съ натуры—вотъ тѣ средства, которыми обладалъ натурализмъ и которыя онъ примѣнялъ къ искусству, усваивая всему этому громкое названіе производства «экспериментовъ» и собиранія «человѣческихъ документовъ». Нечего и упоминать, что этихъ средствъ слишкомъ не достаточно для полнаго удовлетворенія эстетическихъ потребностей человѣка, стремящагося найти въ искусствѣ художественную правду, а не протоколъ дѣйствительности. Недостаточность эту сознаютъ даже и сами представители натурализма, равно какъ и то, что ихъ дѣятельность вызвала потребность нѣкоторой реакціи господствовавшему направленію. Вотъ съ какимъ, напр., упрекомъ, по словамъ Зола, можно бы обратиться къ представителямъ натурализма: «вы злоупотребили положительнымъ фактомъ, внѣшнею дѣйствительностью вещей, осязаемымъ документомъ; въ сообществѣ съ наукой и философіей вы обѣщали людямъ счастье въ осязаемой истинѣ, въ анатоміи, въ отрицаніи идеала,—и вы ихъ обманули». Если ужъ самъ основатель натурализма откровенно сознается въ грѣхахъ и ошибкахъ своего направленія, то что говорить о людяхъ, для которыхъ натурализмъ никогда не былъ откровеніемъ свыше, которые и раньше видѣли его недостатки. Поэтому, новое направленіе, возникшее какъ реакція натурализму, попало, что называется, въ самую больную точку современнаго общества и, по закону реакціи, завладѣло общимъ вниманіемъ. Съ этой точки зрѣнія, какъ реакція крайностямъ натурализма, символизмъ вовсе не является такимъ безсмысленнымъ явленіемъ, какимъ можетъ казаться съ перваго взгляда, благодаря своимъ безсмысленнымъ и каррикатурнымъ проявленіямъ. Бѣда лишь въ томъ, что реакція противъ натурализма «толкнула, говоря словами г. Михайловскаго, кучку молодыхъ, не дисциплинированныхъ умовъ въ противоположную, еще болѣе нелѣпую и нехудожественную крайность: безъидейной, безмысленной обнаженности и протокольной точности они противопоставили столь же безмысленную прикровенность и символическую темноту». Но-

вое направленіе, къ слову сказать, выступившее необыкновенно шумно, съ опущеннымъ забраломъ и непомѣрно воинственнымъ пыломъ, воюя противъ всѣхъ несогласно мыслящихъ, пыталось выставить и своихъ теоретиковъ, возводившихъ на степень законовъ искусства тѣ странные пріемы, которые сознательно или безсознательно примѣняютъ его жрецы. Главнѣйшія требованія новаго искусства, по опредѣленію одного изъ русскихъ его представителей (г. Мережковскаго), состоятъ въ мистическомъ содержаніи, употребленіи символовъ и расширеніи художественной впечатлительности. Повидимому, въ этой программѣ не имѣется ничего новаго: и мистическій элементъ въ извѣстныхъ границахъ всегда имѣлъ право гражданства въ искусствѣ, и символы примѣнялись въ немъ съ первыхъ же шаговъ, и расширеніе художественной впечатлительности производится каждымъ дѣйствительно выдающимся художественнымъ талантомъ. Но эту программу нужно понимать тоже нѣсколько символистически. Дѣло не въ самихъ требованіяхъ, а въ томъ смыслѣ, который въ нихъ влагается символистами теоретиками и практиками, и который предписываетъ примѣненіе ихъ къ искусству въ такомъ огромномъ размѣрѣ, въ такихъ громадныхъ дозахъ, что, подобно тощимъ фараоновымъ коровамъ, пріемы искусства поглотили и самое искусство, свели его къ абсурду и уничтожили весь смыслъ его и право на существованіе. Погоня за мистическимъ содержаніемъ завела символистовъ въ непроходимыя дебри средневѣковья съ его наивной чертовщиной, а затѣмъ, черезъ голову классической древности, окунула въ тайны древней ассирійской мудрости,—не даромъ нѣкоторые изъ символистовъ гордо именуютъ себя магами,—и въ этой области сосредоточила всѣ ихъ помыслы. Исканіе символовъ во что-бы то ни стало, нашло выраженіе въ противной всякому смыслу теоріи Стефана Малларме: «Назвать предметъ значитъ уничтожить три четверти наслажденія, даваемаго постепеннымъ отгадываніемъ; надо *наводить* на него, *внушать* его. Символъ и состоитъ въ такомъ употребленіи тайны. Въ поэзіи всегда должна быть загадка». Наконецъ, расширеніе художественной впечатлительности породило стремленіе

создать посредствомъ новаго сочетанія элементовъ различныхъ искусствъ какое-то всеобъемлющее, универсальное искусство, имѣщее своей задачей—одновременное воздѣйствіе на всѣ чувства человѣка, но на самомъ дѣлѣ ведущее къ пониженію художественной воспріимчивости и отнимающее у искусства твердую почву здраваго смысла. Говоря вообще, выставленныя глашатаями новаго искусства требованія, даже освобожденныя отъ ихъ обычныхъ кувырканій, даже въ очищенномъ, такъ сказать, видѣ, на столько противорѣчивы, сбивчивы, спутаны и не ясны, что говорить серьезно о новомъ словѣ въ искусствѣ, превозглашенномъ будто бы декадентами, можно только по недоразумѣнію. И нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что дѣтище вышло такимъ худымъ и болѣзненнымъ изъ рукъ своихъ творцовъ. Зародившись, какъ мы знаемъ, среди молодыхъ несвѣдущихъ людей, въ шутку и для забавы мистифицируемыхъ нѣкоторыми, не особенно разборчивыми въ нравственномъ смыслѣ господами, символизмъ получилъ свое дальнѣйшее теоретическое и практическое обоснованіе отъ людей, частью ненормальныхъ въ буквальномъ смыслѣ слова, которые свои болѣзненныя представленія возводили на степень законовъ искусства; частью же отъ изнывавшихъ необузданнымъ самолюбіемъ бездарностей, пожелавшихъ выдвинуться хоть такимъ мало оригинальнымъ способомъ, благо для этого не требуется ни знаній, ни таланта, а только извѣстная доза низшаго сорта смѣлости. А затѣмъ реклама и всемогущая мода подхватила созданный ими бредъ больного самолюбія и подъ видомъ «новаго слова» въ искусствѣ разнесла, придавая все болѣе и болѣе каррикатурныя формы, по всѣмъ культурнымъ уголкамъ, даже и туда, гдѣ вовсе не существовало причинъ, вызвавшихъ и хоть сколько-нибудь оправдывавшихъ его появленіе на родинѣ. Мы будемъ еще имѣть случай подробнѣе остановиться на причинахъ распространенія декадентства, а здѣсь скажемъ лишь, что оно сыграло въ этомъ случаѣ роль камня, брошеннаго въ воду и возмутившаго ея спокойную поверхность: камень давно уже покоится на днѣ, среди мутнаго ила и грязи, а вызванные его паденіемъ круги все еще расходятся по водѣ, захватываютъ пространство

все шире и шире и легкою рябью отзываются даже въ самыхъ отдаленныхъ, въ самыхъ тихихъ уголкахъ пруда.

Говоря въ началѣ настоящей статьи о смѣнѣ общественныхъ и въ частности литературныхъ направленій, мы имѣли въ виду нормальный или приближающійся къ нормальному порядокъ развитія,—такой порядокъ, при которомъ внѣшнія обстоятельства, если оказываютъ болѣе или менѣе замѣтное воздѣйствіе на литературу, то все же оставляютъ и ей достаточно простора для обсужденія хотя бы чисто литературныхъ и тѣсно съ ними связанныхъ вопросовъ. При этомъ подъ флагомъ литературныхъ вопросовъ обыкновенно происходитъ обсужденіе и другихъ, касаться которыхъ въ чистомъ видѣ по тѣмъ или другимъ причинамъ не всегда бываетъ удобно. Послѣднимъ путемъ развивалась, напримѣръ, русская литература. Можно съ увѣренностью сказать, что только при нормальномъ или, въ крайнемъ случаѣ, не особенно уклоняющемся отъ него порядкѣ развитія, различныя литературныя школы и направленія могутъ получить свое полное выраженіе какъ въ образцахъ, такъ и теоретически. Болѣе или менѣе независимая пресса играетъ при этомъ роль клапановъ, чрезъ которые направленія проходятъ въ жизнь, пропагандируются, находятъ то или иное выраженіе и затѣмъ, прошедши сквозь призму общественнаго мнѣнія, возвращаются обратно, часто уже измѣненными, исправленными отъ недостатковъ, очищенными отъ крайностей и дополненными. Болѣе или менѣе свободная критика подвергаетъ эти теченія оцѣнкѣ, отдѣляетъ въ нихъ шелуху отъ полновѣснаго зерна, сортируетъ, производитъ расцѣнку и такъ или иначе содѣйствуетъ формировкѣ направленій, то обосновывая и укрѣпляя правильныя, то ниспровергая получившія по тѣмъ или другимъ причинамъ временный перевѣсъ, но не заслуживающія его, ложныя воззрѣнія. Безъ прессы, безъ критики мы не въ состояніи представить себѣ сколько-нибудь нормальнаго развитія какой угодно литературы. Это тѣ элементарно-необходимыя условія, безъ которыхъ литература всегда осуждена на нѣкоторый хаосъ направленій, на невысказанность и неясность стремленій, неразработанность основныхъ точекъ зрѣнія.

Украинская литература въ Россіи никогда не пользовалась такими элементарно-необходимыми условіями развитія. Первоначально, въ силу своей слабости, затѣмъ подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, она до сихъ поръ не создала никакой прессы. Вслѣдствіе полнаго отсутствія прессы, не существуетъ вовсе и литературной критики. Можно, конечно, пользоваться, что отчасти и дѣлается, прессой сосѣдей, но съ одной стороны вопросы, почему-либо для насъ важные и интересные, составляющіе у насъ жгучую злобу дня, не всегда представляются такими для сосѣдей,—вотъ почему сосѣдская пресса, напр., русская, нельзя сказать, чтобы очень охотно отводила мѣсто для обсужденія нашихъ потребностей, для разрѣшенія волнующихъ насъ вопросовъ, даже въ границахъ терпимости такъ называемыхъ независящихъ обстоятельствъ. Съ другой стороны, не со всякимъ вѣдь вопросомъ и пойдешь къ сосѣдямъ,—есть вопросы чисто, такъ сказать, домашняго свойства, разбираться въ которыхъ только и можно въ своей хатѣ, въ средѣ непосредственно заинтересованныхъ лицъ, не выносся, что называется, сора изъ избы. О Галичинѣ, обладающей своими собственными журналами и газетами, пойдетъ, конечно, другой разговоръ, но и тамъ, вслѣдствіе нѣкоторыхъ обстоятельствъ политическаго и общественнаго характера, до послѣдняго, можно сказать, времени литературѣ и литературной критикѣ отводилось настолько второстепенное мѣсто, что нечего было даже и думать о созданіи и правильномъ чередованіи литературныхъ направленій и о выработкѣ критическихъ пріемовъ. Поглощенной почти исключительно текущими вопросами дня, выдерживающей ожесточенную борьбу на два фронта, украинской печати въ Галичинѣ было вовсе не до «звуковъ сладкихъ» литературы: таланты, силы и энергія направлялись въ совершенно другую сторону и для литературы, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, пропадали безслѣдно. Впрочемъ, если бы даже положеніе вещей въ Галичинѣ въ этомъ отношеніи и было идеальнымъ, то мы, живущіе по сю сторону, какъ выражался Кулишъ, «исторычнои привы», все равно не имѣли бы никакой возможности утолять свою жажду изъ этого источника. Обстоятельства воздвигли между двумя частями

одного народа стѣну, которая не допускаетъ и мысли о правильныхъ сношеніяхъ и умственномъ обмѣнѣ; мы могли бы только платонически радоваться пріобрѣтеніямъ нашихъ братьевъ. Но, какъ мы уже замѣтили, и этого не было. Такимъ образомъ, отсутствіе своей прессы не восполняется у насъ ничѣмъ, если не считать крайне рѣдкихъ и случайныхъ, а потому и не дѣйствительныхъ, крохъ, падающихъ со стола русской прессы, а при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о выработкѣ у насъ правильными путями литературной школы и критики.

Отсутствіе собственной прессы, а вмѣстѣ съ этимъ и критики, зависимость литературной продукціи отъ внѣшнихъ обстоятельствъ и воздѣйствій чревато для нашей несчастной литературы многими невознаградимыми послѣдствіями. Случайность развитія, скачки отъ различныхъ направленій къ другимъ занимаютъ не послѣднее мѣсто среди этихъ послѣдствій, не говоря уже о томъ, что самое появленіе или не-появленіе даннаго произведенія часто не зависитъ отъ воли и желанія его автора, а обусловлено чистѣйшею случайностью. Этою чрезмѣрною властью случайностей и ихъ обиліемъ, кажется намъ, и можетъ быть объяснено то обстоятельство, что у насъ не было такого правильнаго чередованія направленій, какое замѣчается въ другихъ литературахъ и всегда предполагаетъ извѣстную правильность и планомѣрность развитія. Напротивъ, у насъ не рѣдко одинъ и тотъ же авторъ совмѣщаетъ въ лицѣ своемъ различныя литературныя направленія (напр., реализмъ и романтизмъ), и потому распредѣленіе нашихъ писателей по общепринятымъ рубрикамъ направленій—трудъ далеко не легкій и даже не всегда и возможный. Такъ было, впрочемъ, только до послѣдняго времени, а теперь и у насъ намѣчаются нѣкоторые симптомы болѣе яснаго разграниченія литературныхъ направленій, по крайней мѣрѣ въ одномъ пунктѣ: камень декадентства и символизма, брошенный въ началѣ 80-хъ годовъ во Франціи, произвелъ и въ нашемъ тихомъ и отдаленномъ уголкѣ нѣкоторую легкую рябь.

Первые признаки новаго литературнаго движенія проявились,—не безъ польскаго и нѣмецкаго, по всей вѣроятности,

вліянія,—въ Галичинѣ, гдѣ обстоятельства представляютъ больше простора для литературной продукціи. Въ послѣднее десятилѣтіе, вѣрнѣе даже—въ послѣдніе годы, на литературное поприще въ Галичинѣ выступила фаланга писателей, открыто примкнувшихъ къ символизму (Ольга Кобылянская, отчасти Наталя Кобрынская, Стефаныкъ, Яцкивъ, Крушельныцькій, Авдыковычъ и болѣе или менѣе случайно нѣкоторые другіе); была попытка издавать въ этомъ направленіи серію книгъ подъ общимъ заглавіемъ «Живі струни», и даже такой серьезный, и въ общемъ, симпатичный журналъ, какъ «Літературно-Науковий Вістник» помѣщаетъ иногда на своихъ страницахъ произведенія явно декадентскаго характера.

Въ самое послѣднее время это направленіе проявилось и на Украинѣ. Въ концѣ прошлаго года г. Вороный опубликовалъ въ «Л.-Н. Вістнику» открытое письмо къ украинскимъ писателямъ съ приглашеніемъ къ сотрудничеству въ задуманномъ имъ литературномъ сборникѣ, «який би і *змістом* і виглядом бодай почасти *міг наблизитись до новійшихъ течій та напрямів* в сучасних літературах европейських». Свои цѣли и задачи г. Вороный изъясняетъ слѣдующимъ образомъ: «*уникаючи творів грубо-натуралістичних, брутальних* (?), натомість бажало-б ся творів хоч з маленькою ціхою орігінальности, з незалежною свобідною ідеєю, з сучасним (?) змістом; бажало-б ся творів, о де-б було хоч трошки философіі, де-б хоч клаптик яснів тою далекого блакитного неба, що від віків манить нас своєю неосяжною красою, своєю незглубною таємничістю... *На естетичний бік творів має бути звернена найбільша увага*» («Л.-Н. Вістник», кн. XI, «Хроніка», стр. 14). Оставляя въ сторонѣ вполнѣ понятное желаніе г. Вороного получить произведенія «хоч з маленькою ціхою орігінальности, з незалежною, свобідною ідеєю», ибо какой же редакторъ этого не желаетъ,—мы подчеркиваемъ это стремленіе пріобщиться «до новійших течій та напрямів», избѣжать «творів грубо-натуралістичних», какихъ, кстати сказать, у насъ то собственно и не было почти, это тяготѣніе къ эстетикѣ, сдабриваемое фразами на счетъ «блакитного» неба, философіи и т. п. Все это, конечно, нѣсколько неясно и туманно, но въ тоже

время и обычно для искателей новой красоты, такъ что едва ли мы заблуждаемся на счетъ того, что́ собственно желательно г. Вороному. Какъ узнаемъ изъ свѣдѣній, попавшихъ въ печать («Кіевская Старина» 1902, кн. VI, библіографія, стр. 196), сборникъ г. Вороного уже готовъ и подъ кудреватымъ названіемъ «З-надъ хмаръ и изъ долынъ» представленъ въ цензуру. Мы съ большимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ «трошки *философіи» отъ этого сборника,* надѣясь, что онъ покажетъ намъ «хоч клаптик того далекого блакитного неба», хотя, признаемся, списокъ сотрудниковъ немного разочаровалъ насъ въ нашихъ спеціальныхъ ожиданіяхъ: въ громадномъ большинствѣ оказались писатели едвали склонные къ странствованьямъ въ заоблачныя выси и только отъ 3—4 авторовъ можно ожидать чего-нибудь въ этомъ родѣ. Во всякомъ случаѣ подождемъ—увидимъ. Наконецъ, одинъ изъ самыхъ свѣжихъ продуктовъ нашей символистической литературы лежитъ въ настоящее время передъ нами въ видѣ небольшой книжки съ кричащей, бьющей на эффектъ внѣшностью, напечатанной почему то зелеными чернилами и различнымъ шрифтомъ, иллюстрированной въ текстѣ массой не идущихъ къ дѣлу рисунковъ и виньетокъ, придающихъ ей съ перваго взгляда видъ брошюры по ботаникѣ. Заглавіе книжки не менѣе претенціозно, чѣмъ и сама внѣшность,—«Поезія въ прози» Гната Хоткевича (Галайды).

Итакъ передъ нами дѣйствительно новое направленіе украинской литературы, указанными фактами достаточно ярко себя зарекомендовавшее и обозначившее. Радоваться ли намъ и ликовать, или же скорбѣть и огорчаться по этому поводу?.. Несомнѣнно найдутся оптимисты, которые очень возрадуются и возликуютъ новому направленію въ нашей литературѣ: дескать и у насъ теперь, какъ у людей—даже самое модное направленіе объявилось, и не только объявилось, но уже успѣло и зарекомендовать себя такими-то и такими-то «шедеврами» (характерно, что у декадентовъ всѣхъ странъ и народовъ все больше шедевры фигуррируютъ,—тоже модное словечко!). «Протестъ личности противъ среды,—говоритъ, напр., одинъ изъ ликующихъ,—и не-

избѣжно сопровождающіе его порывы ins Blau составляютъ необходимый моментъ въ исторіи литературы каждаго народа; этотъ моментъ, повидимому, только теперь наступилъ для малорусской литературы, по крайней мѣрѣ, для той, которая развивается въ австрійской обстановкѣ. Подобное литературно-общественное настроеніе вызвало въ свое время необычайный подъемъ художественнаго творчества у другихъ народовъ; можно думать,—такъ какъ на это есть указанія,—что такое настроеніе не пройдетъ безплодно и для малорусской литературы» (Л. Украинка—«Малорусскіе писатели на Буковинѣ», «Жизнь», кн. IX, стр. 128). Вотъ вамъ,—достаточно выразительно сказано. Съ другой стороны иной, менѣе оптимистически настроенный читатель, пожалуй, и призадумается надъ фактомъ появленія у насъ новаго направленія,—«модное то оно модное, да все же какъ будто неловко: демократическая, «мужицкая» въ лучшемъ значеніи этого слова литература и вдругъ—символизмъ, декадентство... Нѣтъ ужъ, Богъ съ нимъ, съ этимъ новымъ направленіемъ, да минуетъ насъ чаша сія»!—такъ приблизительно скажетъ нашъ сомнѣвающійся читатель. И дѣйствительно въ одномъ изъ обзоровъ украинской литературы находимъ, напр., слѣдующія строки, посвященныя той же г-жѣ Кобылянской, что и вышеприведенныя слова г-жи Л. Украинки: «ея (г-жи Кобылянской) «Покора»—это куча туманныхъ образовъ, пересыпанныхъ обрывками какой то философіи à-la Ницше» («Сынъ Отечества», 1900, № 65). Тоже, кажется, достаточно выразительно!.. Но оставимъ нашъ вопросъ пока безъ отвѣта и, предоставивъ безвозбранно радоваться и уповать ожидающимъ отъ новаго направленія великихъ и богатыхъ милостей и размышлять сомнѣвающимся въ этихъ милостяхъ, займемся подробнымъ обозрѣніемъ продуктовъ нашей символической литературы, чтобы выдѣлить изъ нихъ «хоч трошки философіи», прельстившей г. Вороного,—авось въ результатѣ отвѣтъ самъ собою получится. Исходя изъ практическихъ соображеній, мы начнемъ нашу работу нѣкоторымъ образомъ съ конца—съ книжки г. Хоткевича, которая хронологически является по-

слѣднимъ словомъ нашего символизма, продуктомъ что ни на есть послѣдней свѣжести и новизны.

II.

Г. Хоткевичъ—писатель вполнѣ новѣйшей формаціи. На литературное поприще онъ выступилъ, если не ошибаемся, въ 1898 году литературно-критической статьей въ «Літературно-науковім Вістнику» о покойномъ украинскомъ поэтѣ Щеголевѣ; въ слѣдующемъ году въ томъ же журналѣ появился его первый разсказъ «Блудний син». И статья о Щеголевѣ, и первый разсказъ г. Хоткевича давали основаніе надѣяться, что Америки онъ, пожалуй, и не откроетъ, пороха также не выдумаетъ, но полезнымъ литературнымъ работникомъ будетъ. Конечно, скромная дѣятельность простого литературнаго работника уже сама по себѣ достаточно почетна, но г. Хоткевича тянетъ именно въ область открытій и изобрѣтеній. Съ образцами ихъ мы познакомимся ниже, а теперь скажемъ лишь, что продолженіе литературной дѣятельности г. Хоткевича не соотвѣтствовало ея началу: въ беллетристикѣ онъ преподносилъ какія-то туманныя, вымученныя произведенія, блѣдныя по содержанію и неудовлетворительныя по формѣ; въ критическихъ же своихъ опытахъ съ первыхъ же шаговъ усвоилъ непріятный, приподнято-воинственный, слишкомъ развязный тонъ, при неясности основныхъ точекъ зрѣнія и нѣкоторой спутанности понятій. Обыкновенно критическій пріемъ г. Хоткевича состоялъ въ томъ, что, открывъ какого-нибудь совсѣмъ даже не литературнаго воробья, въ родѣ г. Сластина, онъ спѣшитъ вооружиться во всѣ критическіе доспѣхи, выкатываетъ здоровенную пушку и ну разстрѣливать несчастное микроскопическое существо по всѣмъ правиламъ артиллерійской техники. Но такъ какъ угодить изъ пушки въ воробья нѣсколько трудновато, то черезъ нѣкоторое время воробей опять появляется, опять совершаетъ какой-нибудь воробьиный поступокъ, а г. Хоткевичъ потрясаетъ воздухъ новымъ громовымъ выстрѣломъ. Если мы упоминаемъ объ этихъ старыхъ грѣхахъ г.

Хоткевича, то вовсе не для того, чтобы подробно на нихъ останавливаться,—это только въ родѣ какъ бы предварительнаго разслѣдованія почвы, на которой намъ предстоитъ воздвигать зданіе: нужно же знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло; матеріаломъ же для зданія послужитъ новая книжка г. Хоткевича,—носящая, какъ мы уже упоминали, заманчивое заглавіе «Поезія въ прози».

Одно изъ своихъ произведеній,—на основаніи каламбурнаго заглавія «Спокій духа и духъ спокою» я затрудняюсь, къ какому роду его отнести, а самъ авторъ на этотъ разъ измѣнилъ похвальному обыкновенію аттестовать свои произведенія,—г. Хоткевичъ отъ лица какого-то «Духа» начинаетъ вопросомъ: «що значыть усе зовнишне?» (стр. 98). Тому изъ читателей, который бы заинтересовался этимъ страннымъ не по формѣ только вопросомъ, придется закрыть книгу, такъ-таки и не удовлетворивъ своего законнаго любопытства и не узнавъ отъ г. Хоткевича, что же въ самомъ дѣлѣ «значыть усе зовнишне?» Авторъ, отвлеченный потокомъ мыслей въ сторону и мимоходомъ сообщающій замѣчательныя по глубинѣ мысли, въ родѣ: «що падае, то впаде, колы ёго не пиддержаты», по-просту забываетъ отвѣтить на имъ же самимъ поставленный вопросъ. Можно думать, что едва-ли и самъ онъ серьезно задается вопросомъ, достойнымъ Кузьмы Пруткова,—просто попало на кончикъ пера показавшееся особенно удачнымъ или оригинальнымъ выраженіе и г. Хоткевичъ сейчасъ же, не заботясь о послѣдствіяхъ, постарался утилизировать его. Этотъ пріемъ кажется намъ чрезвычайно характернымъ для всего «творчества» г. Хоткевича. Мысль его мечется изъ стороны въ сторону, разбрасывается по всѣмъ направленіямъ, слова нагромождаются цѣлыми кучами чисто механически, безъ внутренней связи: иногда автора прельститъ какое-нибудь, показавшееся ему особенно красивымъ или эффектнымъ выраженіе, въ данномъ мѣстѣ совершенно къ дѣлу не идущее, онъ и его прихватитъ по дорогѣ и сброситъ въ общую кучу—авось пригодится, а тамъ пусть разбираютъ, что къ чему... «Что тамъ? веревочка? Давай и веревочку—и веревочка въ дорогѣ пригодится»,—говоритъ Гоголевскій Осипъ. Конечно, въ иныхъ случаяхъ «запасъ биды не

чыныть», и мы вполнѣ понимаемъ и даже одобряемъ Осипа, но писателя, примѣняющаго безъ оглядки тотъ же пріемъ въ своей писательской дѣятельности, мы отказываемся понимать. Это (не помню, кому принадлежитъ такое выраженіе) не владѣющій своимъ перомъ писатель, а напротивъ—владѣемый имъ, и слѣдить за всѣми курбетами мысли такого, находящагося въ зависимости у собственнаго пера писателя, разбираться въ прихваченныхъ по дорогѣ выраженіяхъ—трудъ въ высшей степени неблагодарный, не окупающій затраченныхъ усилій. Только что начинаешь, кажется, уловлять мысль такого писателя, какъ вдругъ—неожиданный скачекъ въ сторону и всѣ усилія читателя разбиты; снова напрягаешься, снова какъ будто что-то начинаешь понимать—новый скачекъ и опять темна вода во облацѣхъ небесныхъ. Г. Хоткевичъ принадлежитъ къ числу такихъ писателей, вполнѣ зависящихъ отъ своего пера. Почти невѣроятнаго труда стоитъ уяснить себѣ суть его произведеній, выдѣлить всѣ эти болѣе или менѣе случайно прихваченныя по дорогѣ «веревочки», докопаться до того глубокаго смысла, который сокрытъ среди этихъ капризныхъ перепрыгиваній изъ стороны въ сторону, да и то нельзя въ концѣ концовъ поручиться, что понялъ ты его вѣрно. Единственнымъ исключеніемъ, и то, впрочемъ, до нѣкоторой лишь степени, является занимающій первое мѣсто въ сборникѣ «Портретъ»—«фантазія», какъ опредѣляетъ это произведеніе авторъ.

По улицамъ какого-то, очевидно, большого города тихо идетъ молодая парочка—студентъ Лоріо и его знакомая, не названная авторомъ; среди разговора, въ которомъ слышался «видгоминъ безцвитныхъ днивъ, рокивъ, факты милкого (sic) торговельного гостроумства (sic), тезы жыттьовои философіи», ихъ неожиданно поразилъ выставленный въ витринѣ булочной, какъ надо догадываться («хлибного магазина», какъ опредѣляетъ авторъ), портретъ дѣвушки,—«то було якесь волшебство, то було втилення свавольныхъ до шалу (?) принципивъ красы». Лоріо, который весь ушелъ въ созерцаніе этой дивной,—повѣримъ автору на слово,—красоты и, значитъ, постигалъ ее по крайней мѣрѣ хоть однимъ внѣшнимъ чувствомъ, «здавалось, що *та* краса—то абстракція,

то безтилесна идея свята, передъ якою можна впасты на колина, яку можна кохаты до фанатызму, але почуваты ій пятьма своимы органамы чуття, знаты ій?—то неможлыво» (стр. 5). Однако невозможное оказалось возможнымъ, и спутница студента, лично знавшая Иду,—оригиналъ чуднаго портрета,—въ необыкновенно приподнятомъ тонѣ и «возвышеннымъ штилемъ» разсказываетъ слишкомъ обыкновенную исторію постепеннаго паденія молодой чистой души, погибшей подъ вліяніемъ развращенной, хотя съ виду и глубоко корректной, среды. Разсказъ этотъ, въ связи съ дивной красотой погибшей дѣвушки, производитъ на Лоріо такое сильное впечатлѣніе, что онъ,—надо догадываться, хотя г. Хоткевичъ ни однимъ словомъ этой догадки не подтверждаетъ,—сходитъ съ ума и совершаетъ цѣлый рядъ необъяснимыхъ несообразностей. Прежде всего онъ отправляется къ художнику (онъ же и «худогъ», «торгашъ», «торговельныкъ» и даже «лыхвяръ», какъ успѣваетъ на пространствѣ одной страницы аттестовать его г. Хоткевичъ), цѣною фамильныхъ драгоцѣнностей и покупаетъ портретъ, затѣмъ устанавливаетъ его въ своей бѣдной студенческой комнатѣ, окружаетъ цѣлымъ лѣсомъ цвѣтовъ и растеній и произноситъ передъ портретомъ какія-то безсвязныя рѣчи, которыми совершенно огорашиваетъ одного изъ товарищей, зашедшаго его провѣдать. Затѣмъ какими-то невѣдомыми путями, о которыхъ въ «фантазіи» г. Хоткевича ни словечка не сообщается, Лоріо приходитъ къ мысли, что обладать драгоцѣннымъ портретомъ достойны лишь родители Иды. Къ слову сказать, отецъ ея, хотя и безсознательно, былъ однимъ изъ первыхъ, кто толкнулъ ее на путь погибельный: «винъ бувъ варваромъ дыкымъ, лисовымъ, котрому безглуздо доручылы глядиты дывнои статуи, зитканои зъ слизъ (!) першого кохання, зъ мрій поэтовыхъ та чудовыхъ писень соловья. И винъ розбывъ ту статую, бо винъ варваръ, дыкунъ, що звыкъ иты на ведмедя» (стр. 8). Несмотря на то, что Лоріо это хорошо извѣстно, онъ все-таки отправляется куда то въ бѣдное мѣстечко, разыскиваетъ родителей Иды и водворяетъ портретъ тамъ, гдѣ «люде замисть того, щобъ оспиваты ій въ дывній писни, научалы ій своимъ гнуснымъ (sic) почуваннямъ, давалы

іи (ій?) свою матерію (?)» (стр. 33), т. е., въ самомъ, очевидно, неподходящемъ мѣстѣ. Оставшись по просьбѣ благодарныхъ родителей у нихъ ночевать, Лоріо дѣлается свидѣтелемъ культа Иды и посѣтителемъ ея «храма»—комнаты, всѣ стѣны которой увѣшаны безчисленнымъ множествомъ ея портретовъ, а затѣмъ вдвоемъ съ «божевильнымъ» отцомъ отправляется на кладбище и разрываетъ могилу покойной. «Блыснувъ мисяць,—такъ описываетъ эту картину г. Хоткевичъ,—и глянулы зъ темрявы уверхъ чорни ямы, замисть очей... Голый черепъ выскалывъ зубы и немовъ сміявся... сміявся.—Ахъ-ха-ха-ха!.. дыко зареготавъ батько и упавъ усимъ своимъ тиломъ на гробъ (слѣдуетъ строчка многоточій)... а мисяць дывывся зъ горы, заглядавъ у яму и бачывъ тамъ перетлилу одижъ, кистнякы (sic) рукъ и си страшно-страшно выскалени зъ смихомъ зубы» (стр. 37—38)... Утромъ на разрытой могилѣ рядомъ съ скелетомъ нашли трупъ отца, составили протоколъ, какъ не забываетъ сообщить, необыкновенно въ этомъ мѣстѣ обстоятельный авторъ, и опять предали землѣ тлѣнные останки. «Тилькы нихто не додывався,—заключаетъ свою дивную фантазію г. Хоткевичъ,—що на ливій руци у трупа (у скелета?—осмѣлимся поправить) не ставало двохъ суставчыкивъ зъ пальця» (стр. 38). Лоріо исчезъ, захвативъ съ собой, по всей вѣроятности, и эти суставчики.

Бр-р! какіе вы однако страхи разсказываете!—скажетъ читатель, пробѣжавъ это блѣдное и непередающее красотъ подлинника изложеніе «Портрета»,—но при чемъ же тутъ красота, о которой такъ патетически умѣетъ говорить г. Хоткевичъ, да и при томъ еще «новая» красота? Напротивъ, фантазія его напомнила намъ что-то очень старое, до такой степени старое, что даже и не припомнить сразу, гдѣ и когда нѣчто подобное встрѣчалось... Ахъ, да! давно это было: еще наши бабушки, замирая отъ страха и волненія, занимались подобными фантазіями и даже въ исторіяхъ литературы имъ отведено подобающее мѣсто. Это не значитъ, однако, что наши бабушки зачитывались произведеніями именно г. Хоткевича и что его имя записано на скрижаляхъ исторіи литературы, хотя мы съ большимъ изумленіемъ увидѣли въ очень

интересныхъ очеркахъ г. Франка «З останніх десятиліть XIX віку» (Л.-Н. Вістник, 1901, кн. IX стр. 118) его имя рядомъ съ такими дѣйствительно признанными писателями, какъ г.г. Гринченко и Крымскій,—это значитъ только, что новая красота г. Хоткевича имѣетъ очень старые корни и представляетъ не болѣе, какъ простой и при томъ еще не особенно мастерски исполненный сколокъ съ писаній старыхъ романтиковъ,—съ тою, очень существенной разницей, что романтики разсказывали всевозможные ужасы и несообразности просто и до извѣстной степени удобопонятно, а для нашихъ бабушекъ даже занимательно, а г. Хоткевичъ... мы впрочемъ видѣли, какъ разсказываетъ г. Хоткевичъ. Кромѣ того, въ наивныя времена нашихъ бабушекъ и литературные вкусы и требованія отъ литературы были также наивны, не идя большею частью дальше внѣшней занимательности; теперь же мы отъ писателя требуемъ не фантастическихъ разсказовъ о вѣдьмахъ, вовкулакахъ, упыряхъ и т. д., не исторіи трехъ дней, проведенныхъ у гроба красавицы, а чего-нибудь посущественнѣе,—хотя бы вотъ какой-нибудь общественной или даже эстетической идеи. Выжимая эту идею изъ произведенія г. Хоткевича, мы можемъ, не ручаясь впрочемъ за точность, формулировать ее такъ: вѣчная красота, даже ея абстракція, предъ которой тѣмъ не менѣе герой г. Хоткевича собирался упасть на колѣни и которая «не альфою и омегою міру», эта «вись, биля якой вертыться вселенна»—оказывается безобразнымъ скелетомъ съ голымъ черепомъ и «страшно-страшно выскаленными зъ смихомъ» зубами. Идея, если оставить въ сторонѣ колѣнопреклоненія передъ абстракціей красоты, что и говорить—вѣрная, но, къ сожалѣнію, далеко не новая. Всѣмъ намъ прекрасно извѣстно, что «земля еси и въ землю пойдеши» и контрастъ между цвѣтущей, созидающей жизнью и разлагающей, уничтожающей смертью ясно сознавался людьми за много вѣковъ до открытія, сдѣланнаго г. Хоткевичемъ. Вѣдь еще древніе египтяне, какъ о томъ даже г. Иловайскій свидѣтельствуетъ, въ качествѣ народа умнаго и серьезнаго, приносили на свои пиршества деревянное подобіе муміи, чтобы напомнить пирующимъ о смерти и ея послѣдствіяхъ. Неужели г. Хоткевичъ о

своихъ землякахъ худшаго мнѣнія, чѣмъ далѣе вообще къ иностранцамъ не особенно благосклонный г. Иловайскій о египтянахъ, и думаетъ, что мы не знаемъ такихъ простыхъ вещей, что красота послѣ смерти обращается въ безобразіе? Но даже и въ качествѣ доказательства нашимъ непросвѣщеннымъ умамъ столь несомнѣнной истины, «Портретъ» г. Хоткевича оказывается совершенно излишнимъ и ненужнымъ, ибо занимающая его тема, не въ такой разумѣется, плоской формѣ, давно уже разработана свѣтилами всемірной литературы,—вспомнимъ хотя бы знаменитую сцену Гамлета съ могильщикомъ. Намъ могутъ возразить, что г. Хоткевичъ и не собирался ничего доказывать, что онъ, какъ «свободный художникъ», «творилъ» свое произведеніе, заботясь единственно лишь о «вѣчной», «святой» и еще не знаю какой красотѣ и убѣгая какой бы то ни было тенденціи, дескать гибельной для истиннаго искусства. Можно бы на это возраженіе отвѣтить разборомъ «Портрета» съ эстетической точки зрѣнія, но... мы находимъ, что и такъ слишкомъ много вниманія удѣлили этой «фантазіи» г. Хоткевича,—пора обратиться и къ другимъ. Впрочемъ, къ нѣкоторымъ частностямъ, и при томъ преимущественно эстетическимъ, мы еще должны будемъ вернуться.

Съ кладбища, отъ разрытой могилы съ трупомъ и скелетомъ, перенесемся въ тихую комнатку со скромной, даже убогой обстановкой, гдѣ тѣмъ не менѣе, какъ сразу забиваетъ гвоздь г. Хоткевичъ,—«пануе прекрасне: не самохвальне, що дорого коштуе, що раховано на багатого скупаря, не те, що оцинюе себе грошыма—ни! Ни, тутъ тоньше, идеальнійше щось, тутъ утворылы соби другу красу. То краса чыстого зору (sic) очей, освиченыхъ любовью, то гармонія душъ, що злылысь и доповнылы одна другу... безъ перевысшення, зъ чыстымъ почуттямъ. Одно виддавало другому вси квиты и перлы души, находылы щастя въ тому, щобъ выкынуть слёзы и хмурее чоло» (стр. 40—41). Словомъ, говоря по-простому, языкомъ обыкновенныхъ смертныхъ, это жилище счастливой супружеской четы и мы попадаемъ въ него въ тотъ моментъ, когда молодая мать убаюкиваетъ своего первенца.

Чувства, надежды и упованія, радости и горести молодой матери надъ колыбелью дитяти—какая соблазнительная тема для «чистого» искусства! Поэты, кажется, всѣхъ временъ и странъ, отъ старика Гомера и до нашего Шевченка, любовались этимъ чистымъ, возвышеннымъ образомъ и посвятили много трогательныхъ, за душу и сердце хватающихъ страницъ изображенію радостей и горестей, счастья и мукъ материнства. Во всей человѣческой жизни нѣтъ, можетъ быть, момента трогательнѣе, чѣмъ тотъ, когда молодая мать всѣ свои помыслы, самое себя переливаетъ въ свое дитя, воплощая въ немъ лучшія свои надежды и упованія. Не даромъ у Шевченка вырвалось восклицаніе:

У нашимъ раи, на земли,
Ничого кращого немае,
Якъ тая маты молодая
Зъ своимъ дытяточкомъ малымъ,—

свидѣтельствующее вмѣстѣ съ потрясающимъ образомъ «Наймычкы» и апофезомъ материнства въ «Маріи» о томъ, какъ глубоко занималъ нашего поэта образъ матери... Всякій, кто вновь берется за эту тему, долженъ сознавать, что на него, какъ на Наполеона съ вершинъ пирамидъ египетскихъ, взираютъ много и много вѣковъ поэзіи. Впрочемъ, вѣщатели новой красоты вообще не отличаются робостью и не стѣсняются въ этомъ отношеніи. Метерлинку, напр., пришла въ голову странная, чтобы не сказать болѣе, мысль—«сдѣлать пьесу для театра маріонетокъ (!?) на манеръ Шекспира», и онъ дѣйствительно произвелъ, выражаясь менѣе почтительными словами Макса Нардау—«выборку изъ драмъ Шекспира для дѣтей или жителей Огненной Земли: изъ образовъ Шекспира понадѣланы роли для театра обезьянъ».

Нѣчто въ этомъ же родѣ, невообразимо-хаотическое, представляетъ собою и этюдъ г. Хоткевича «Berçeuse Chopin'a». Начинается онъ описаніемъ счастья молодой четы, соединившейся «не для гомону (!) и скаленія (!) зубивъ дармоидныхъ», а подъ вліяніемъ «гармоніи душъ, що злылысь и доповнылы одна другу... безъ перевысшенія, зъ чыстымъ почуттямъ». Трогательное изобра-

женіе г. Хоткевичемъ союза этихъ слившихся и дополнившихъ другъ друга душъ, своею слащавостью напомнило намъ—увы!—соотвѣтствующее мѣсто изъ блаженной памяти Карамзинской «Натальи, боярской дочери»; но есть и нѣчто новое, а именно:—«Запахомъ простыхъ квитокъ, подыхомъ витру въ розчынени двери обвіянымъ бувъ ихъ союзъ... тыхымъ подыхомъ весиннёго витру» (стр. 41). Заключивъ свой «запахъ простыхъ» квитковъ etc. (будемъ и мы такъ именовать ихъ союзъ), молодая чета жила настоящимъ, не зная, «якъ важко то—найкращу сёгодняшню хвылыну прызначаты на збильшення мынулого», что, какъ поясняетъ г. Хоткевичъ ниже,—«есть обкрадання души своеи, нивеченія, мучительство допытивъ надъ мицью чуття» (стр. 42). Мы не успѣли уяснить себѣ суть этихъ словъ г. Хоткевича, такъ какъ насъ ждетъ молодая мать. Вотъ она убаюкала своего первенца, съ любовью склонилась надъ колыбелью и изъ ея переполненной счастьемъ материнства груди вырывается горячая, по замыслу автора, но совершенно безсвязная, во многомъ противорѣчивая и неясная—по исполненію, молитва о будущности своего сына. Лѣвою рукою она качаетъ колыбель—«орудця (sic), усиплення (sic) спокою, ривнодушносты» (sic), что «увесь змыслъ (sic) и циль соби ставыть сонъ, станъ безъ рухивъ и завмерле життя» (стр. 49); правая же рука, не зная, что дѣлаетъ лѣвая, на роялѣ производитъ чудеса: «перлы розсыпалысь по схидцяхъ золотыхъ, тыхо бренилы и вухо ловыло той бренькитъ дорогоцинный» (стр. 15). Собственно говоря, картина задумана даже не дурно: противоположеніе въ желаніяхъ матери идейныхъ порывовъ, самоотверженія и любви («права рука») мелочному мѣщанству, находящему свое счастье въ усыпленіи, въ разсчетливо-эгоистическомъ пользованіи жизнью и въ заботахъ лишь о себѣ самомъ («лива рука») у истиннаго художника могло бы дать дѣйствительно замѣчательную картину. Но, Боже мой, какъ выполнена она у г. Хоткевича!.. Бодлеръ какъ-то въ шутку совѣтовалъ символистамъ подбрасывать кверху типографскій шрифтъ въ надеждѣ, что когда онъ упадетъ на бумагу—получатся стихи. Мы вовсе не шутя задаемся вопросомъ, не принялъ ли г. Хоткевичъ этого шутливаго совѣта въ серьезъ и не произвелъ ли

опыта съ подбрасываньемъ шрифта! «Berçeuse Chopin'a»—это настоящее «наводненіе словъ въ пустынѣ мысли», хаосъ неясныхъ образовъ, обрывковъ мыслей и безконечный потокъ словъ, словъ и словъ, набранныхъ совершенно случайно, механически, безъ всякой внутренней связи между собою. Оставляя въ сторонѣ безсвязныя, противорѣчивыя желанія изображенной г. Хоткевичемъ матери, которой можно сказать: «не вѣсте, чесо просите», мы отъ самаго художника вправѣ требовать, чтобы онъ зналъ, что дѣлаетъ, и по крайней мѣрѣ не смѣшивалъ на своей картинѣ красокъ до такой степени, что вмѣсто картины получается какое-то пестрое пятно, безъ очертаній и границъ. Но всуе предъявлять какія-нибудь требованія къ «владѣемому перомъ» г. Хоткевичу: наводненіе словъ увлекаетъ его въ пустыню мысли, онъ совершенно подпадаетъ власти этого неудержимаго потока празднословія, становится рабомъ его. Тутъ и какіе-то «духы небесни, всесыльни, могутни», къ которымъ авторъ обращается со странной мольбой—дать и намъ «крапелыны масла того, якымъ умащено ваше волосся» (стр. 52); и знойная пустыня съ арабомъ на конѣ, газелью и шакалами; и море съ кораллами, «барвными анемонами» и раковинами; и «куховарчынъ хлопчыкъ выбигъ, каналъскый, на дощъ и тупотыть по калюжи ногамы» (53); и «скорботни янголы смыренія», и «гномы кремезни», и просто «ехыдніи звири слипіи», неизвѣстно уже, къ какому зоологическому виду принадлежащіе; солнечное затменіе и какой-то «философъ зъ довгою сидою (sic) бородою»; эльфы, зефиры и феи и рядомъ съ ними—«вырлоока сова»; русалка, сладостно потягивающаяся «на (sic) променяхъ мисяця» и оглашающая воздухъ «безумствомъ кохання» и «холоднокровный пугачъ» и даже какія-то «биліи-биліи птыци», очень напоминающія классическихъ «бѣлыхъ павлиновъ» Метерлинка [1]), и многое, многое другое. Словомъ—

---

[1]) Приводимъ кстати цѣликомъ это замѣчательное произведеніе бельгійскаго декадента, носящее заглавіе «Скука»:—«Беззаботные павлины, бѣлые павлины улетѣли, бѣлые павлины улетѣли отъ скуки пробужденія; я вижу бѣлыхъ павлиновъ, сегодняшнихъ павлиновъ,

Тамъ чудеса: тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ;
Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей;
Избушка тамъ на курьихъ ножкахъ
Стоитъ безъ оконъ, безъ дверей;
Тамъ лѣсъ и долъ видѣній полны...

А надъ всей этой чепухой, излагаемой необыкновенно торжественнымъ тономъ и «высокимъ штилемъ» на десяткахъ страницъ, возносится трогательный по замыслу и каррикатурный по исполненію образъ матери, убаюкивающей своего первенца...

Остановимся еще немного на идейной сторонѣ этого произведенія. Молодая мать проситъ для своего сына, «щобъ вична краса голубыла ёго своимы дарамы..., щобъ въ душу ёго молодую внесла ранишне небо безъ хмаръ, безъ грому, безъ блыскавыць, палючыхъ» (стр. 43); она ищетъ, «чымъ оточыты дытынство твое и якымъ муромъ обнесты (sic) малого видъ ривнодушныхъ вплывивъ, видъ нудьгы позихання» (46). Вмѣстѣ съ тѣмъ она желаетъ вдохнуть ему душу «вильную, вильную, якъ орелъ въ небесахъ, якъ витеръ по ривному поли, якъ хвыля морськая» (45), и научаетъ: «колы прыйде на тебе вся пошлисть (sic) и мерзота людськая, колы на тебе зъ безумствомъ оповчыться (sic) поработытель—ты гордо визьмы свій шматъ хлиба и пиды геть», раздѣли его съ «обирванымъ, брудным и чорнымъ жебракомъ» (45—46), будь «чоловикомъ, готовымъ на всю саможертву, яку выгадалы люде на земли», для котораго—«немае подвыгивъ (sic) на свити, все доступно и просто, все справедлыво и натурально—вартъ тилькы взять и зробыть» (48). Что можетъ быть возвышеннѣе и прекраснѣе такой дѣятельности?—однако позволительно

павлиновъ, улетѣвшихъ во время сна, беззаботныхъ павлиновъ, сегодняшнихъ павлиновъ, безпечно долетѣвшихъ до пруда безъ солнца, павлиновъ скуки, безпечно ожидающихъ временъ безъ солнца» (переводъ г. Михайловскаго).

сомнѣваться, чтобы на это былъ способенъ человѣкъ, «мурами» огражденный отъ дѣйствительности, не испытавшій въ жизни своей «хмаръ, грому, блыскавыць палючыхъ». Растеніе, возросшее въ тепличной атмосферѣ, на всю жизнь остается вѣдь «тепличнымъ», слабымъ созданіемъ и пропадаетъ отъ перваго дуновенія холодныхъ вѣтровъ; точно также и орелъ, воспитанный въ клѣткѣ, никогда не бываетъ настоящимъ орломъ. Не для подвиговъ любви къ ближнему и самоотверженія приготовитъ человѣка такое воспитаніе,—а скорѣе для подвиговъ иного рода, иной любви. У г. Хоткевича есть мѣсто, изображающее, какъ подъ вліяніемъ сладострастной пѣсни русалки, «козакъ молодый то видъ шалу и болю ажъ у кручу стрыбае и лизе на дерево—все шукае, де спивъ той чудовный, де ота чаривныця зъ велыкымы очыма, зъ билымы лонямы и зъ рукамы, що обивыються, мовъ павутыння, кругомъ и задушать въ обіймахъ, а поцилуйокъ запалыть мозокъ и мыръ увесь переверне въ очахъ» (стр. 60). До идеальныхъ ли порывовъ человѣку, у котораго весь міръ перевертывается отъ одного поцѣлуя, и въ состояніи ли такой человѣкъ осчастливить «и всякую стричную душу людскую», какъ то обѣщаетъ г. Хоткевичъ молодой матери,—это мы узнаемъ изъ слѣдующаго произведенія г. Хоткевича, озаглавленнаго «Осинь»; въ немъ авторъ блистательно опровергаетъ созданную имъ же самимъ въ «Berçeuse Chopin'a» теорію тепличнаго воспитаанія, насколько ее можно обрѣсти въ пустынѣ мысли, проникающей названное произведеніе.

«Осинь» имѣетъ еще подзаголовокъ—«подилъ зъ романа що не истнуе»,—на нашъ взглядъ, совершенно невѣрный, такъ какъ если не романъ, то произведеніе, «подилъ» котораго составляетъ «Осинь», несомнѣнно существуетъ,—это «Berçeuse Chopin'a,» а герой «Осени»--тотъ первенецъ, надъ колыбелью котораго происходили упоминавшіяся выше чудеса. «Нищо, окримъ згукивъ, не доходыло у ту кимнату зъ зачыненымы дверыма, де бувъ винъ, сынъ едыный. Въ часъ обиду ёго клыкано трохы не зъ уклономъ, готовано найсмашнійши, найулюбленнійши стравы; винъ спыть—все ходыть навспынькы, все потыху гомонить, не даючы згукивъ, губамы лыше перебираючы: винъ учыться—муха не сміе тоди литаты,

ложка не повынна упасты. На ёго потребы завжде булы гроши: треба книжкы—осъ вона, останне выдання; хочеться въ театръ питы—билетъ завжде можна дистаты» и т. д. (стр. 67—68). Словомъ, огражденность «видъ чужыхъ ривнодушныхъ вплывивъ, видъ нудьгы позихання» полная, воспитаніе на рѣдкость тепличное. И вотъ этотъ кандидатъ на подвиги любви къ ближнему и самоотверженія, на закатѣ дней своихъ сидитъ и силится припомнить подвиги своей жизни. Натурально, что подвиговъ никакихъ не оказывается и «за довгый жыттевый шляхъ, за всѐ жыття немае чого прыгадаты»; единственнымъ свѣтлымъ лучемъ въ этой сплошной полосѣ мрака былъ моментъ, когда онъ «увесь свій завитный (sic), и дорогоцинный, святый скарбъ нисъ до свого сонечка, Катруси, кладучы ій до нижокъ увесь змистъ себѣ самого» (стр. 78). На этомъ и конецъ подвигамъ:—«сыды, остуженый холодомъ осены чоловикъ»,—такъ заканчиваетъ свою теорію тепличнаго воспитанія г. Хоткевичъ,—«дывысь погаслымы очыма на погасле вугилля, радій зъ выжытого (?) знання и думай—на вищо ты родывся?» (стр. 79). Стоило и огородъ городить, и теорію тепличнаго воспитанія придумывать, обѣщая еще въ колыбели сообщить «змыслъ (sic) надземпаго и вартисть ёго для насъ»—если въ концѣ концовъ приходится испытать единственно счастье, «кладучы *ій* до нижокъ увесь змистъ самого себе», а затѣмъ, задавать самому себѣ безплодные вопросы: «на вищо ты родывся?»

Изображенію единственнаго въ жизни счастливаго момента посвященъ вновь открытый или, лучше сказать, изобрѣтенный г. Хоткевичемъ родъ поэзіи—«иронія», подъ заголовкомъ «Романсъ». Впрочемъ, изъ данной «ироніи» только и можно почерпнуть, что новый родъ поэзіи воспѣваетъ радости и блаженство любовныхъ утѣхъ; въ подробностяхъ же это нѣчто такое, въ чемъ разобраться едва ли дано обыкновенному уму человѣческому, какъ извѣстно, по самой природѣ своей слабому и ограниченному. Достоинъ особаго вниманія символъ, которымъ заканчивается новый видъ поэзіи: безъ всякаго повода вдругъ «спалахнулы дуже-предуже курыльныци, дымъ запашный клубомъ ве-

лыкымъ погнався у-гору и другий за нымъ—а за нымъ, а за нымъ ще бильши и бильши клубы. Туманомъ геть заволоклы воны обшыръ, всю просторонь до найменшыхъ куткивъ наповнылы собок—и ничого не выдко було» (стр. 96—97). Именно—«ничого не выдко було»... Если это символическое изображеніе вновь открытаго г. Хоткевичемъ рода поэзіи, названнаго имъ почему-то ироніей, то оставаясь очень благодарными изобрѣтателю за расширеніе горизонтовъ искусства, читать ироній на будущее время не обѣщаемъ, смиренно признаваясь въ своемъ безсиліи постичь ихъ. Пусть это будетъ для избранныхъ, которые смогутъ лучше оцѣнить сокровенныя красоты новаго вида поэзіи.

Для избранныхъ же предоставляемъ и «Спокій духа и духъ спокою», то самое произведеніе, въ которомъ отъ лица «Духа» авторъ ставитъ знаменитый вопросъ: «що значыть усе зовнишне?» но поставивъ, такъ и не разрѣшаетъ его. Пожалуй, избраннымъ же уступимъ и «Билу березу», чудодѣйственную березу, которая по просьбѣ нѣкоего молодого человѣка «дала ёму панну: билу якъ лилію, тыху якъ маёвый ранокъ, и чысту якъ свитле, ясне сонце» (стр. 85). Изъ всего же сборника «Поезія въ прози» для себя оставимъ единственную «Поезію въ прози» въ тѣсномъ смыслѣ, занимающую всего одну страничку: эту маленькую и сравнительно безпретенціозную картинку можно пробѣжать не безъ удовольствія, и она является единственною, доступною обыкновеннымъ смертнымъ страницею во всемъ сборникѣ г. Хоткевича. Остальныя же 101 страницу—для избранныхъ. Но да не подумаетъ читатель, что мы съ легкимъ сердцемъ рѣшаемся на такое откровенное признаніе,—отнюдь нѣтъ, такъ какъ авторъ напередъ приготовилъ стрѣлы противъ несогласно мыслящихъ. Какъ навѣрное помнитъ еще читатель, герой «Портрета» Лоріо былъ сильно пораженъ исторіей Иды и, описывая его душевныя терзанія, авторъ уже отъ себя лично разражается вдругъ слѣдующей огненной тирадой: «О, вы, котри проживаете буднямы свята жыттеви! Вы, що не бачыте сіяння красы за мызернымы турботамы дня, що просыпалы дывни восходы сонця, що пропывалы жаръ и трепетъ (sic) молодои души! И вы, сухи моралисты зъ мерт-

вымы тенденціямы на вустахъ, зъ дыханнямъ ривнодушья(sic), вбываe прекрасне. И вы, односторонни (sic) борци односторонніхъ идеаливъ, ти, що вмырають на жыттевому товкучому рынку (sic) пидъ ногамы товпы (sic)! И вси, вси, хто не лывъ слизъ въ самотыни у ночи, хто не умиравъ душею за кожный атомъ прекрасного, хто не пидій-мавъ тужлывыхъ очей до таемничъ небесныхъ—вы вси—вамъ не зрозумиты, якъ болила у нёго душа!» (стр. 16)... Каюсь въ своемъ великомъ прегрѣшеніи—я дѣйствительно «не умиравъ душею за кожный атомъ прекрасного», и «тужлывыхъ очей до таемничъ небесныхъ» не поднималъ, и каждонощно подушки своей слезами также не орошалъ, и потому то, вѣроятно, «фантазіи» и «ироніи» г. Хоткевича и пролетаютъ мимо моего огрубѣвшаго сердца, ни мало не трогая его. Но сознаваясь въ своихъ тяжкихъ грѣхахъ, я прошу читателя, въ виду вышеприведенной тирады, оцѣнить мое въ своемъ родѣ гражданское мужество, выразившееся въ готовности добровольно подставить себя подъ ядовитыя стрѣлы обличеній г. Хоткевича и въ нѣкоторомъ родѣ пострадать за истину. Одно лишь можетъ служить мнѣ утѣшеніемъ: не я первый попадаю въ подобное непріятное положеніе, ибо пріемъ, употребляемый въ одномъ мѣстѣ г. Хоткевичемъ далеко не отличается новизною: знаменитый историографъ россійскій Карамзинъ, разсказавъ достаточно невѣроятную исторію моментальнаго зарожденія взаимныхъ нѣжныхъ чувствъ въ боярской дочери Натальѣ и ея избранникѣ, довольно строгимъ тономъ прибавляетъ: «а кто не вѣритъ симпатіи, тотъ поди отъ насъ прочь и не читай нашей исторіи, которая сообщается только для однихъ чувствительныхъ душъ, имѣющихъ сію сладкую вѣру». Счастливою предусмотрительностью обладаютъ нѣкоторые писатели, объявляя заранѣе, что пишутъ для избранныхъ и подвергая остракизму сомнѣвающихся!.. [1]).

---

[1]) Впрочемъ это не единственный примѣръ предусмотрительности г. Хоткевича,—онъ по этой части не истощимъ. Въ драматическомъ этюдѣ «Чи потрібне» отъ лица какого-то деревяннаго манекена, долженствующаго изображать собою геніальнаго писателя и натуру въ

Не имѣя ни малѣйшихъ претензій принадлежать къ избранникамъ г. Хоткевича и, открыто въ этомъ сознаваясь съ принятіемъ на себя всѣхъ послѣдствій такого поступка, мы все таки не желаемъ разстаться съ г. Хоткевичемъ, не извлекши изъ его произведеній «трошкы философіі», нѣкоторыя части которой очень важны для опредѣленія его писательской физіономіи. Прежде всего г. Хоткевичъ чрезвычайно почтительно относится къ красотѣ, и хотя мы сильно сомнѣваемся, чтобы даже и онъ «умиравъ душею за кожный атомъ прекрасного»,—вѣдь никакой души человѣческой на это не станетъ,—но эпитетовъ для красоты онъ дѣйствительно не жалѣетъ. Читатель помнитъ, можетъ быть, что Лоріо собирался падать на колѣни предъ абстракціей красоты, не смотря на то, что абстракція, въ качествѣ таковой, въ выраженіи знаковъ почтенія не нуждается. Г. Хоткевичъ изображаетъ именно такую колѣнопреклоненную фигуру предъ словами: «краса» «прекрасне», сопровождая ихъ всякій разъ болѣе или менѣе сильными эпитетами: «геній чыстои красы», «твориння неземне, осіяне свитомъ богивъ», «неземна краса», «дывна статуя красы», «краса-небесна владыка», «вична краса», «сяло красою райське облыччя» и т. д. И при томъ же колѣнопреклоненіе совершается именно передъ словами, передъ абстрагированной, а не реальной красотой: всѣ опредѣленія красоты у г. Хоткевича выражены нѣсколько шаблонно, расплывчато и, можно сказать, безплотно, въ такихъ общихъ и блѣдныхъ фразахъ, что читатель совершенно равнодушно проходитъ мимо его трогательно колѣнопреклоненной фигуры, не раздѣляя авторскихъ чувствъ къ словесному фетишу красоты. Отмѣтимъ попутно, что въ качествѣ платоническаго по-

---

своемъ родѣ демоническую, высказываются, напр., слѣдующія мысли, обращенныя уже спеціально къ критикамъ: «А як над тим, що ти писавъ нервами і кріавицею твоею, насміються бездушні, холодні егоісти? А як те, на що ти молився, чим жив, оплюють і кинуть на посміховище, не зрозумівши, що творять? Тоді ж що ти повинен почувати, бідний, безщасний поете? *Так проклени, проклени ж іх тоді з рода в род* проклятем ображеної правди, проклятем наруганого почутя» (Л.-Н. Вістник, 1902 г. кн. V, стр. 170). Страшно читатель!..

клонника и обожателя безплотной красоты г. Хоткевичъ чувствуетъ большое тяготѣніе къ обществу всякихъ безплотныхъ духовъ и держится съ ними совершенно за пани-брата, всуе поминая ихъ кстати и некстати чуть ли не на каждой страницѣ. Но это между прочимъ, такъ какъ насъ красота ждетъ. Вотъ какое, напр., наиболѣе обстоятельное опредѣленіе красоты находимъ въ «Портретѣ»: Ида «була красою, едынымъ зъ проявлень (sic) тіеи *Вичной Красы*, якій мы звыклы покланятысь зъ далекыхъ-далекыхъ викивъ. Вона всюды, *та* Краса: и въ шумахъ (sic) непробуднои тайгы, и въ брызкахъ сриблястыхъ водоспаду, и въ безличи зирокъ небесныхъ, и въ музыци, въ поезіи... Хиба колы мы слухаемо утвиръ музыкальный, мы дывуемось тому, що патлатый субъектъ якый-небудь ловко водыть кинськымъ волосомъ по барапихъ (sic) кышкахъ? Хиба передъ дывною картыною мы роздывляемося, якъ то зручно поклавъ чоловикъ цвитну (?) землю на тканыну? Ни, ни и тысячу разивъ—ни! Мы ловымо душею за посреднистю (sic) очей, слуху видгоминъ тіеи Вичнои Красы, котра йе альфою и омегою мыру. То—вись, биля якои вертыться (sic) вселенна» (стр. 13). «Вична Крса»... «альфа и омега»... «вись»...—какъ все это коротко и ясно, шаблонно, невыразительно и бѣдно содержаніемъ, и какъ все это отдаетъ «далекымы-далекымы викамы», когда подобныя фразы могли приводить въ умиленіе и сладостный трепетъ эстетическія сердца! Впрочемъ, не присутствуемъ ли мы и теперь при своего рода воскресеніи изъ мертвыхъ и поиски въ наше время новой красоты не являются ли признакомъ частичнаго возрожденія этихъ «давнихъ-давнимъ викивъ» и возвращенія нѣкоторой части человѣчества къ пережитымъ и въ архивъ сданнымъ идеаламъ давнопрошедшаго времени?...

Но оставимъ эстетикамъ доказывать, что земля и все на ней вокругъ красоты ходитъ; посмотримъ лучше на отношеніе г. Хоткевича къ намъ, людямъ, и нашимъ человѣческимъ дѣламъ и дѣлишкамъ. Какъ и слѣдовало ожидать, колѣнопреклоненный передъ абстракціей красоты г. Хоткевичъ къ людямъ оказывается очень строгимъ и преисполненнымъ самаго глубокаго презрѣнія, а относительно дѣлъ ихъ—непреклоннымъ пессимистомъ. Сущ-

ность представленій г. Хоткевича по этому вопросу можно вкратцѣ выразить такъ. Кромѣ Вѣчной Красоты, олицетворяемой преимущественно въ природѣ, и всевозможныхъ, большею частью прекрасныхъ духовъ, на землѣ существуетъ еще нѣкая скверная тварь, именуемая человѣкомъ, все назначеніе которой состоитъ въ томъ, чтобы отравлять существованіе нѣкоторыхъ субъектовъ высшей организаціи. Происхожденіе этихъ послѣднихъ покрыто мракомъ неизвѣстности: они принадлежатъ не то къ той же человѣческой породѣ, не то къ «ангельськымъ истотамъ»—этотъ пунктъ у нашего автора выраженъ не совсѣмъ ясно. Впрочемъ, и самое пребываніе этихъ сомнительнаго происхожденія сверхчеловѣковъ среди обыкновенныхъ людей бываетъ кратковременнымъ, такъ какъ ихъ ждетъ высшее назначеніе. Промелькнувъ метеорами по сей юдоли плача и стенаній и получивъ отъ «пидлыхъ людей» предназначенную имъ для какихъ то высшихъ, намъ неизвѣстныхъ цѣлей, свою порцію страданій, они водворяются въ особыхъ, надо полагать, селеніяхъ праведныхъ:—«хиба *тутъ* мисце имъ, безсылымъ на земли и могутнымъ на небесахъ»?—полуспрашиваетъ Лоріо на стр. 5, а на 11 получаетъ вполнѣ опредѣленный отвѣтъ: «имъ, такымъ твориннямъ, прызначене життя не тутъ, а десь въ невидомыхъ намъ мырахъ». Что же касается обыкновенныхъ, земнородныхъ людей, то на основаніи отзывовъ о нихъ г. Хоткевича мы затрудняемся подобрать вполнѣ подходящій эпитетъ, но, кажется, названіе—«исчадія ада» не будетъ для нихъ слишкомъ сильнымъ. Окружающіе Иду—сплошь мерзавцы, «ныстожни (sic) и пидли люде», съ «сальнымы (?) вустамы» (стр. 7), съ «паганымы, чорнымы, вышкыренымы зубамы, съ кистлявымы пальцямы» (18); «ихъ смродне дыхання заражало (sic) атмосферу вже тоди, колы чоловикъ ще дытына, колы тилькы зверхня сыла (?) удержуе ёго видъ грихивъ проты прыроды (!)—и кожный зъ ныхъ, мовъ обовязокъ гнусный (sic) якый, щыро выповнявъ дило розпусты... О, подли люде! Воны розвратылы (sic) ангельську истоту, воны брудотою наповнылы безмятежный (sic) и дорогоцинный сосудъ, а потимъ, колы забачылы плидъ паскудныхъ трудивъ своихъ—о, тоди воны безстыдно сміялыся зъ неи, тоди воны

зъ огыдою плювалы ій въ лыце»! (стр. 9). «Вси воны, пидли, идуть, повзуть, пресмыкаються (sic) у слидъ за своимъ всесыльнымъ могутнымъ въ своій чорноти проводыремъ» (стр. 18). «Я знаю людей,—заявляетъ молодая мать изъ «Berçeuse Chopin'a».— Прыйдуть воны, смродни, зъ хвылёвымы потребамы, зъ убогымы, безсылымы душамы и прыгнобленымъ зоромъ (sic)—прыйдуть воны и научать, мого любого сына научать пидлоти своій. Колы винъ зъ пытаннямъ обернется до себе и постомъ моральнымъ (?) захоче провирыты себе, воны покажуть ёму въ цыфрахъ, що то абсурдъ психологичный, що то самовбывство. Колы винъ самъ наложыть на себе кайданы и пута, що геть женуть жывотный (sic) помыселъ (sic), що пидіймають духа въ высочинь недосяжну, воны зъ смихомъ роскрыють ёму гигіену и выпещепымы пальцямы покажуть ёму стричкы, напысани шлункомъ. На саможертву воны скажуть, що блыжче власна сорочка до тила, на помылку идейну, на виру воны глянуть зъ нерозумнымъ прызырствомъ и зневажлыво здвыгнуть плечыма, идучы въ ресторанъ. А колы винъ схоче подилытысь зъ нымы згукамы и заграты имъ слёзы и плачъ—воны зъ реготомъ нахабнымъ вырвуть у ёго зъ рукъ инструментъ або попросять заграты на ёму гопака... Зруйнують воны ёму цилисть души, зблызять далеки горизонты, научать шукаты досяжного и зневажать нездобуте, або ривнодушно видкладаты ёго у-бикъ, на завтра. Убьють, убьють пытання про вичне, наслидять чобитьмы на блыскучій, укрытій снигомъ ривныни, заглянуть мерзькымъ (sic) окомъ туды, де сонце само та Богъ повынни заглядаты» (стр. 46). Лоріо, безъ всякаго, повидимому, повода сообщаетъ товарищу: «и такъ мени, знаешъ, стыдно стане за себе, за насъ усихъ глупыхъ людей» (стр. 27); Ида не хочетъ дать Лоріо даже загробнаго прощенія—«за те, що... що я... тежъ чоловикъ» (стр. 29); «чоловикомъ» въ какомъ-то поносномъ смыслѣ оказывается и знакомый Лоріо художникъ (стр. 28). Строгъ, можно сказать, безъ послабленія, чрезмѣрно строгъ къ человѣку г. Хоткевичъ; для него въ этомъ словѣ воплощена вся мерзость, какая только существуетъ на свѣтѣ, и мы ни мало не будемъ удивлены, если узнаемъ когда-нибудь, что г. Хоткевичъ

употребляетъ его какъ ругательное по отношенію къ доставившимъ ему непріятность существамъ--«ахъ ты, молъ, человѣкъ эдакой»!.. Нѣтъ, серьезно говоря, грозныя іереміады и филиппики г. Хоткевича настолько наивны, не смотря на свой олимпійскій тонъ, что могутъ производить только комическое впечатлѣніе, достаточно будетъ лишь отмѣтить ихъ, но заниматься ихъ опроверженіемъ, разумѣется, не стоитъ.

Въ рѣшительномъ противорѣчіи съ такимъ отношеніемъ къ человѣку вообще стоитъ отношеніе г. Хоткевича къ «найпыжчымъ въ свити», удостоившимся почему то его симпатіи. Мать, научая сына: «гордо визьмы свій шматъ хлиба и пиды геть» отъ поработителя, прибавляетъ: «а зустринеться тоби обирваный и брудный и чорный жебракъ зъ блыскомъ голоду въ очахъ—виддай ёму хлибъ той, виддай, не вагаючысь» (стр. 46). На «сути» (?) Духа», озабоченнаго вопросомъ--«що значыть усе зовнишне?»—огненнымы буквамы, и даже курсивомъ, написались слова: «прырывнятысь и духомъ (?) и тиломъ до найныжчыхъ на свити» (стр. 102). Изъ того, что г. Хоткевичъ и внѣшнимъ образомъ отмѣчаетъ эти слова, растягивая ихъ на три строчки и изображая курсивомъ, можно думать, что онъ придаетъ имъ особый смыслъ и значеніе; мало того, онъ знаетъ, что слова эти - правда, не совсѣмъ эти, скажемъ отъ себя,—«сталы гасломъ, любовью земного и дальшого истнування, знялы стосыльни тягари» (стр. 102) и, забывая свои грозныя іереміады по адресу научающихъ «шукаты досяжного», утверждаетъ, «що колы вже спустывся до потребы шукаты, то повыненъ шукаты тилькы на земли» (стр. 100). Мы не можемъ съ точностью объяснить, что значитъ указанное противорѣчіе, но сопоставляя эти одиноко стоящія слова, въ которыхъ проповѣдуется самопожертвованіе и любовь къ «найныжчымъ на свити», съ тѣми взрывамы человѣконенавистничества, которыми полны страницы «Поезіи въ прози», приходимъ къ тому заключенію, что г. Хоткевичъ, въ качествѣ человѣка колѣнопреклоненнаго именно передъ словами, какъ передъ фетишемъ, и не брезгающаго никакой показавшейся ему удачной фразой, разъ она подвернулась случайно подъ перо, прихватилъ ихъ только мимо-

ходомъ, не заботясь объ ихъ смыслѣ и согласованіи съ другими мѣстами своей книги.

Обитатели земли, какъ мы видѣли по философіи г. Хоткевича, распадаются на два неравныхъ по численности лагеря. Назначеніе одного, къ которому принадлежитъ громадное большинство, состоящее изъ «темныхъ» «глупыхъ», «пидлыхъ», «розпустныхъ», «вонючыхъ» (всѣ эти эпитеты принадлежатъ г. Хоткевичу) и т. п. людей,—совершать всяческія мерзости и отравлять жизнь «ангельськымъ истотамъ»; назначеніе этихъ послѣднихъ, составляющихъ другой лагерь немногихъ избранниковъ,—терпѣть всякія мерзости отъ первыхъ, но прежде всего и, главнымъ образомъ, предаваться сладостнымъ утѣхамъ любви. Слово «кохання» г. Хоткевичъ склоняетъ съ съ необыкновеннымъ жаромъ на протяженіи всей своей книги. Отмѣтимъ кстати характерную подробность, что собесѣдницѣ студента Лоріо кажется полнымъ «велыкого змыслу» нѣкоторое, довольно въ сущности гнусное, предложеніе одного изъ поклонниковъ Иды (стр. 11),—какого «змыслу» и при томъ еще «велыкого»—г. Хоткевичъ въ данномъ мѣстѣ не объясняетъ, но вся его книга въ цѣломъ проливаетъ свѣтъ на этотъ таинственный «змыслъ»: половая любовь, «кохання», должно быть въ качествѣ одного изъ проявленій Вѣчной Красоты, служитъ также фетишемъ для г. Хоткевича. Нѣкоторыя изъ его мыслей по этому поводу мы уже приводили раньше и знаемъ, что высшій смыслъ жизни—это, говоря словами героя «Осени» «помистытысь биля *ïи* нижокъ», складывая тамъ «увесь змистъ самого себе». Это достаточно выразительно сказано и, чтобы не растягивать безъ нужды изложенія, мы упомянемъ только, что о чемъ бы ни началъ говорить г. Хоткевичъ, въ концѣ концовъ рѣчь сведется на любовь. На этомъ основаніи позволяемъ себѣ высказать одну догадку: не кроется ли именно здѣсь символистическій отвѣтъ на заинтересовавшій было насъ вопросъ—«що значыть уже зовнишне», а только авторъ, чтобы не лишить читателя тѣхъ $^3/_4$ (съ математическою точностью: именно $^3/_4$,—ни больше, ни меньше!)

эстетическаго наслажденія, о которыхъ говоритъ Стефанъ Малларме, не пожелалъ отвѣтить на вопросъ прямо?

Было бы очень любопытно узнать, какъ относится г. Хоткевичъ къ другимъ проявленіямъ человѣческаго духа,—къ наукѣ, напр., къ общественнымъ теченіямъ и т. п.; но онъ, занятый болѣе высокими матеріями, не удостаиваетъ своимъ вниманіемъ эти, должно быть, на его взглядъ пустячныя и вниманія нестоющія вещи. По крайней мѣрѣ, что касается въ частности науки, то мимоходомъ мы узнаемъ, что она въ чемъ-то провинилась передъ г. Хоткевичемъ. Выше мы читали іереміады по адресу, кажется, статистики и гигіены, а то вотъ еще узнаемъ, что таинственный «философъ зъ довгою сидою (sic) бородою», наблюдая невидимкою чтеніе дѣтей, «въ тому дывному (?) еднанни, въ тій науци не шляхомъ знання, а любовью (?) находывъ велыкый змыслъ, якого не бачывъ доси у своихъ фоліантахъ и у своихъ захытанныхъ авторитетивъ» (стр. 58). Можно лишь пожалѣть, что г. Хоткевичъ не объяснился обстоятельнѣе, чѣмъ именно прогнѣвила его наука, но и изъ приведенныхъ нами словъ ясно сквозитъ его презрительное отношеніе къ наукѣ «шляхомъ знання».

Итакъ—доходящее до фетишизма преклоненіе предъ красотой, даже идеей, абстракціей красоты, общеніе съ безплотными духами, упоеніе любовью и презрѣніе къ человѣку, его жизни и дѣламъ—вотъ чему научились мы изъ произведеній г. Хоткевича. Конечно, это мы не отъ него перваго узнали: и раньше были въ этомъ родѣ витіи, да и витійствованія ихъ куда погромче легкомысленнаго и не всегда вразумительнаго перепархиванія съ вѣтки на вѣтку г. Хоткевича. Но если въ содержаніи его произведеній не только ничего нѣтъ цѣннаго, а напротивъ черезчуръ много ненужнаго, смѣшного и наивнаго, то можетъ быть форма ихъ отличается какими-нибудь особенными красотами, придающими имъ литературное значеніе? – вѣдь форма для новаго направленія гораздо важнѣе содержанія и часто ради формы пѣвцы новой красоты жертвуютъ смысломъ своихъ произведеній. Г. Хоткевичъ тщится, но—увы!—изъ его тщаній не то особой, а и просто никакой красоты не получается, зато безобразія и въ этомъ отношеніи до-

статочно. Первое условіе для совершенства формы — умѣнье мастерски владѣть языкомъ, всѣми тончайшими изгибами его, какъ, вѣроятно, уже замѣтилъ и читатель изъ приводимыхъ нами въ изобиліи выписокъ, совершенно отсутствуетъ у г. Хоткевича. Стиль его удивительно неряшливъ, тяжелъ и грубъ, отличаясь въ тоже время въ превосходной степени напыщенностью и дѣланностью,— ужъ подлинно словечка въ простотѣ не скажетъ; обороты искусственны, пониманье духа языка не развито до такой степени, что онъ, ничтоже сумняшеся, употребляетъ совершенно несвойственныя украинскому языку формы (напр., причастія на *чый* и *шый*) и синтаксисъ; запасъ словъ, очевидно, очень ограниченъ и недостатокъ ихъ восполняется или, чаще, заимствованіями изъ русскаго языка [1]), или же изготовленными въ собственной лабораторіи [2]). Ошибками противъ языка буквально нестрятъ страницы «Поезіи въ прози»; авторъ, говоря фигурально, бредетъ ощупью, запутываясь, спотыкаясь и падая на каждомъ шагу. Образы и сравненія натянуты, рискованы и не типичны; здѣсь мы находимъ, напр., такія выраженія: «*статуя, зиткана зъ слизъ* першого кохання, *зъ мрій* постовыхъ *та зъ* чудовыхъ *писень* соловья», «*роскишно-круглый* мисяць», «зирка зъ небесъ покотылась *и та навить зазгучала*», «нудьга позихання», «*шырокый змахъ духовного* (sic) *зору* й литання», «*ничъ повная свиту безсонного*», «промени *жучо-холодни*», «*кольоры* дывни *середъ згукивъ*, «станъ гнувся и віявся *видъ запаху* квитокъ», «задзвенилы росы, трава заспивала», «лысткы, мовъ велыки темни метелыкы»—образъ должно быть заимствованный у г. Кобылян-

---

[1]) Приводимъ нѣсколько примѣровъ: «факты *милкого* торговельного *остроумства*», съ трудомъ, мыръ (по-украински—свитъ), ныстожный, переступленія, родытели, вуголъ, розвратыты, безмятежный. *за посередністю* очей, скука, пощочына, змыслъ, знойный, сергы, задня мысль, ругань, олыцетворення, розсудокъ, ставни, пошлый, роздыраючымъ душу голосомъ, пидпилля, чешуя и т. п. до безконечости.

[2]) Хлибный магазынъ = булочная, шалъ, свій велычъ, чарный, розруй, бувальци = прыгоды, послидъ = послѣдствіе, зовнишній, годи було *догадатысь о головни симпатіи володильця* и т. п и. т. п.

ской; садъ почему то сравнивается съ пиратомъ, плющъ—съ мыслію, рукы—«дви зміи *зъ серебрыстою чешуею*» и т. п.

Нечего поэтому и говорить, что форма произведеній г. Хоткевича не только не искупаетъ нелѣпостей содержанія, но еще больше подчеркиваетъ ее и что поэтому никакой поэзіи въ прозѣ г. Хоткевича, собственно говоря, и не оказывается, если не считать исполняющею должность таковой ту массу цвѣтовъ, которая разсыпана въ текстѣ. Чтеніе книги, наполненной всѣми указанными вольными и невольными промахами противъ языка, помимо уже скудости мысли, способно вызвать у серьезнаго читателя—воспользуемся умѣстнымъ въ данномъ случаѣ выраженіемъ, самого г. Хоткевича—одну лишь«нудьгу позихання» и только по необходимости,—нужно же показать, что́ въ самомъ дѣлѣ представляетъ изъ себя «новая красота»,—мы произвели эту, по совѣсти сказать, не легкую и не окупающую затраченныхъ усилій работу.

Но, разставаясь съ г. Хоткевичемъ, мы позволимъ себѣ еще одно замѣчаніе, больше́ впрочемъ формальнаго свойства. Какъ видно изъ предыдущаго, украинская литература чрезъ «Поезію въ прози» г. Хоткевича не пріобрѣла себѣ сокровища нетлѣннаго. Авторъ относительно этого, немного щекотливаго для него, вопроса держится, повидимому, другого мнѣнія: онъ все боится, какъ бы кто его сокровища не похитилъ и, какъ человѣкъ предусмотрительный, спѣшитъ принять мѣры для огражденія себя отъ похитителей, при чемъ на этотъ разъ превзошелъ самого себя въ предусмотрительности. На обложкѣ книжки г. Хоткевича красуется заявленіе, что «переводы на великорусскій языкъ авторомъ не разрѣшаются». Вотъ, что называется, поступать рѣшительно. Еще вѣдь неизвѣстно, соблазнится ли кто изъ «великороссовъ» твореніями г. Хоткевича, а онъ уже караулъ кричитъ—грабятъ, молъ! Мы готовы бы непритворно залюбоваться великолѣпной фигурой человѣка, въ оборонительной позѣ стоящаго надъ сокровищемъ, на которое покамѣстъ никто и не собирается покушаться, если бы печальная необходимость не заставила насъ разочаровать ревниваго обладателя сокровища. Дѣло въ томъ, что г. Хот-

кевичъ можетъ быть ограбленъ на самомъ наизаконнѣйшемъ основаніи, ибо по россійскому литературному законодательству авторское право на переводы принадлежитъ не автору, а переводчику, и въ одинъ прекрасный мигъ г. Хоткевичъ можетъ увидѣть себя до ниточки ограбленнымъ и лишеннымъ даже средствъ законной защиты. Впрочемъ, въ интересахъ самихъ предполагаемыхъ грабителей мы посовѣтывали бы имъ вспомнить восьмую и десятую заповѣди и не посягать на сокровище г. Хоткевича. Но не на курьезной сторонѣ поступка г. Хоткевича мы желаемъ остановиться,—мы не стали бы и упоминать о немъ, если бы дѣло только курьезомъ и ограничивалось; къ сожалѣнію здѣсь есть другая, болѣе важная, сторона и ужъ во всякомъ случаѣ не комическая: Мы не знаемъ мотивовъ, по которымъ г. Хоткевичъ счелъ нужнымъ обнародовать свое запрещеніе, но изъ его редакціи можно заключить, что онъ не противъ переводовъ вообще, а исключительно только противъ переводовъ на «великорусскій языкъ». Въ такомъ видѣ запрещеніе является крайне безтактнымъ и пріобрѣтаетъ характеръ непонятной демонстраціи и незаслуженнаго вызова, брошеннаго авторомъ всей русской литературѣ. Конечно, отношеніе между великой русской литературой и микроскопически-малымъ г. Хоткевичемъ можетъ быть наглядно представлено въ видѣ отношенія между персонажами извѣстной басни «Слонъ и Моська»: слонъ себѣ «идетъ впередъ и лая твоего совсѣмъ не примѣчаетъ»,— этими словами басни и исчерпываются результаты шовинистической выходки г. Хоткевича, но не въ результатахъ здѣсь дѣло. Если украинской литературѣ, волею судебъ, приходится переживать черные дни, то великая и свободная, по выраженію Тургенева, русская литература въ ея цѣломъ тутъ совершенно не при чемъ, и сваливать наши счеты съ больной головы на здоровую едва ли удобно и тактично. Безтактнымъ поступокъ г. Хоткевича является и въ другомъ отношеніи: всѣ мы, и читатели и писатели украинскіе, такъ много обязаны лучшимъ представителямъ русской литературы и мысли въ идейномъ отношеніи, что можемъ питать лишь добрыя чувства къ нимъ за то наслажденіе

или знанія, которыя почерпали изъ ихъ произведеній. А если и встрѣчается—и, къ сожалѣнію, не рѣдко,—необходимость протеста противъ нѣкоторыхъ частныхъ теченій въ русской ли или въ иной какой литературѣ, то нужно избирать болѣе достойную и дѣйствительную форму протеста, чѣмъ изображеніе въ лицахъ басни «Слонъ и Моська».

Сергій Ефремовъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЧОРТОВА ПРЫГОДА.

Казка.

(Т. Г. Шевченку) [1]).

Доводыте вы мени, що про чорта тилькы пóславка, а нихто того чорта зъ роду не бачывъ? Не ручиться, заждить трохы,— бо *я* его бачывъ. Эге жъ! Бачывъ на свои власни очи, отсе якъ васъ бачу.

---

[1]) Помѣщая на страницахъ нашего журнала настоящую сказку г-жи Марко-Вовчокъ, полагаемъ, что читателямъ небезынтересно будетъ знать, почему авторъ обратился къ обработкѣ сказочнаго сюжета. Разсказываемъ со словъ самого автора, позволившаго намъ сдѣлать это небольшое предисловіе къ сказкѣ.

Въ маѣ 1859 или 1860 г., передъ выѣздомъ г-жи Марко-Вовчокъ за границу, Т. Г. Шевченко завѣщалъ автору непремѣнно заняться обработкой сказокъ. «Гляды жъ, доню,—просилъ поэтъ его,— щобъ ты мени написала копу-дви, або пьять, а то й симъ кипъ казокъ»... Выполняя волю поэта и данное ему слово, г-жа Марко-Вовчокъ обработала нѣсколько народныхъ сказокъ. Настоящая сказка и есть, именно, одна изъ тѣхъ, которыя были написаны по завѣщанію поэта. Передавая ее въ редакцію нашего журнала, г-жа Марко-Вовчокъ дала любезное обѣщаніе и на будущее время дѣлиться съ читателями имѣющимся у нея матеріаломъ по мѣрѣ обработки его.

Ред.

Не ймете виры? Може думаете: поязычився Свырыдъ Костомаха! Колы така ваша, братикы, думка, то дуже вы помыляетесь. Що й казать, на божому свити усёго досхочу—не бракуе тежъ и молодцивъ-брехунцивъ, що збрехаты имъ за превелыки ласощи, а забожытысь—якъ Сирку муху зйисты. Знавъ и я такыхъ, що въ жывіи очи тоби бреше, якъ шовкомъ шые—хочъ бы моргнувъ вражый сынъ! Та Свырыдъ Костомаха не того тиста кнышъ. Мій батько—хай надъ нымъ земля перомъ!—не брехавъ и сынови не звеливъ. Та й скажить мени, будь ласка, яке тамъ добро зъ тіеи брехни? Чувалы може й вы, що брехнею свитъ перейдешъ, та назадъ не вернешся. А йды правдою, то скризь тоби шляшокъ бытый—чы тудою, чы сюдою, чы на схидъ сонця, чы на захидъ.—Я, щобъ вы зналы, провидавъ того свита—бувъ, якъ то кажуть, у бувальцяхъ. Чого то я не чувъ, чого то я не бачывъ? Чого не траплялось, чого не доводылось! Й не сказаты, й не змалёваты! Що вамъ отсе въ дывовыжу, то мени въ обйдень, що вамъ чудно та дывно, то мени воно такъ, якъ въ борщи сало, або у литечку травыця, а на водохрещи морозъ.—Прымиромъ кажучы, якъ бы вамъ той чортъ постричався, то у васъ зъ переляку, мабить, очкуръ бы луснувъ, а я стривъ, то мени й за ухомъ не засвербило: чортяка, то нехай и чортяка, страшный, то нехай и страшный... Не въ такому горщыку наварювалы, та дякуваты Богу—ошамненько выйидалы.

Эге жъ, бачывъ я ёго добре—не назиркомъ, а такъ, якъ отсю чарку, що передо мною. Якъ бы прымигъ малёваты, то намалювавъ бы вамъ и рижка, и копытце.

Щобъ то мени ёго не розгледиты попличъ зъ нымъ сыдючы, та слухаючы, якъ винъ на свое лыхо нарикае... И добре я ёго бачывъ, и дизнавъ, яка ёму сталася прыгода. Може бъ ёму й раду давъ, якъ бы не дурна ёго голова.

Та, мабить, никуды вже дитысь, треба усе, зъ зачала и доладу вамъ росказаты. Слухайте жъ, якъ було дило.

Може чулы вы, якъ позаторикъ весною я, у недилю вранци опынывсь въ провалли по-пидъ греблею?

Пидъ тую недилю я прысмеркомъ гулявъ коло своеи хаты. Гапка, бачте, заходылась хату билыты, та «не лизь», каже, «по пидъ рукы, гуляй оттутечкы, покы впораюсь». Я й гулявъ. Оттака гулянка, та ще якъ чоловикови на думку яка-небудь прыкрость навертается, не розважае. Покружывъ я, покружывъ коло хаты, та й натрапывъ на стежку до гребли: одвидаю кумъ Демка Пелыпаса.

Гапка, мабить, плескала вамъ, нибы я нышкомъ втикъ, такъ се ии жиноча брехенька. Звисно жинка: якъ нема чого ий треба, то выдума та й каже: ось воно йе! И не втикавъ я, и, якъ вона клыкала, не вдававъ глухого, а побрався соби спокійненько.

Сонечко вже запало за гору, ричка ледви блыскоче, вie весняный благый витрець, а я иду, та думаю, чы дома кумъ Демко, чы може подався до дядыны. У дядыны булы колеса на спродажъ и хвалывсь Демко, роздывлюсь, мовлявъ и якъ вподобаю, та буде поцинно, то треба неодминне ти колеса купыты.

Кумъ Демко—хай царствуе—бувъ мій давній, трохы не зъ повыточку, прыятель, то винъ до мене, а я до ёго й на пораду й на розвагу. Прыхожу. Кумъ дома—радъ, витае: «а, Свырыде друже!» Витае й кумова жинка—витае, а кирпонька въ гору. Не конешне вона влюбляла, якъ до чоловика трапыться гисть: такій чепуруси въ жадибку попащыкувать, та побарашкувать, а поважна розмова ій смакуе, якъ кошеняти редька.

— А чувъ, Свырыде,—каже Демко,—що у Глушка коней выкралы? Та не въ ночи, а вранци... А ты, Одарко—господыне, (до жинкы то) чого стоишъ, якъ малёвана? Ворушысь, та справляйся, бо послявъ намъ Богъ любого гостя и треба ёго гарненько почастуваты. Чуешъ?

— Та чую жъ, чую,—одвертае.

Заразъ заходылась опоряджаты стола, застилае скатеркою, становыть чарочкы... Може й нерада, та мусыть, бо хочъ Демко бувъ плохенькый, жиночымъ вытребенькамъ потуравъ, й жинка у ёго въ хати верховодыла, а проте, якъ прыпаде прыятеля почастувать, то литай якъ муха, колы не хочешъ щобъ тоби очипокъ злетивъ.

А Демко зновъ до мене:

— Чы жъ не дыво: ще по свитанню той бидолаха Глушко бачывъ, стоялы кони, а зійшло сонечко...

— Де тамъ винъ ихъ бачывъ, якъ звечора до самого ранку пидъ коморою безпрытомный лежавъ!—озвалась Демчыха. Не пывъ бы горилкы, не проворонывъ бы коней!

— Отсе жиночый розумъ!—сміется Демко:—наче бъ то у тверезыхъ коней не крадено! Хыба у тверезыхъ шкоды не бува... Эге—ге! абы здорова на плечахъ голова! Хто ёго й зна, въ кого бильшъ шкоды лучается, чы у пьяныхъ, чы у тверезыхъ...

— Ни, куме,—кажу,—що правда, то правда: горилка до добра не доведе!

(А самъ поглядаю на Демчыху).

— А вже жъ не доведе,—згожуется Демко. Треба, бачъ, миру знаты.

— Эге жъ, миру!—почала, наче бъ то кепкуючы, Демчыха.

Та не доказала, бо Демко вже доставъ царягрядку—така була въ ёго не зъ малыхъ пляшечка жбанкомъ,—одъ якогось турчына чы що соби прыдбавъ—й дае ій у рукы: «оковытои мени, та хутенько!»

Вона метнулась до шынку, а мы, дожыдаючы, зновъ дывуемо, та миркуемо, звидкы навернулысь ти сквапни молодци, що Глушковыхъ коней запопалы.

Колы ось и Демчыха зъ оковытою...

— Ой, жинко,—стрича Демко,—тебе бъ по смерть посылать, тобъ нажывся чоловикъ...

— А мени здается, що госпося наче на крылахъ оберулась,—кажу.

(Не те що всмихнулась—й не поглянула на мене).

А Демко бере пляшку и частуе мене:

— Выпьемо, куме, по повній, бо нашъ викъ недовгый?

Я, бачыте, не дуже ласый на ту горилку, то трохы й осталось у мене въ чарци, а Демко заразъ пидповня:

— Ный, куме, до дна, бо на дни молодыи дни!

Никуды дитысь, выпываю, бо якъ тебе частують, то треба жъ не по-песьскы, а по-чесьскы... Выпываю, а про те такы довожу, що та горилка—невирна дивка.

— А невирна,—зновъ згожуется Демко.

Та до жинкы:

— Не покоштуешъ, Одарцю?—Добра!

— Дякуваты!—одвертае.

Сила оддаликъ, рукы склала, сыдыть неруxома, та пасе насъ очыма... Ажъ мени ніяково...

А кумови байдуже,—одну выпывае, другу налывае...

— Не покоштуешъ, Одарцю? То Богъ зъ тобою, сердепятко. Пишла, якъ то кажуть, баба пишкы, не буде замишкы... До тебе, Свырыде...

А тымъ часомъ розмова точыться, та точыться. Обмиркувалы Глушкову шкоду, згадалы, якъ торикъ у ярмарку баба скочыла на чужый визъ та за Бугъ утикала—запопалы ii ажъ по тимъ боци на берези...

И каже Демко:

— А славно тамъ по-за Бугомъ! Якъ бы то спроможнисть! Якъ бы то кудою схотивъ, тудою й полетивъ! Давно бъ я по-за Бугомъ гулявъ. Неспроможнисть гиркая! А такы я за Бугъ выберусь!

Треба вамъ знаты, що кумъ Демко, абы запорошывъ трохы око, заразъ ладыться у мандривку. Памъятаючы таке, я зъ нымъ дуже и не змагаюсь, а тилькы звычайненько нибы пытаю:

— Чы ты брыдышъ, куме? Отсе бъ ты мавъ кыдаты жинку, хазяйствечко?

— А на биса мени та жинка?—одказуе. На биса те хазяйствечко? Одна морока!

Тутъ Демчыху, мабить, допекло до щырця, бо ажъ засычала:

— А вже жъ! на биса жинка... Якъ винъ розумный, то й самъ потягне за Бугъ, а якъ ще заберe зъ собою кума Свырыда, то буде така пара, що й по-за Бугъ не стыдко!

(Се такъ на мене закыда гадючку, а я... наче мени не втямкы).

— Що мени той Бугъ?—правыть Демко. Хыба въ Бога одынъ Бугъ? Зъ-за Буга я й дали... кудою схочу, тудою й потягну... Эге, Свырыде?

— Тягнить, тягнить на здоровье!—глузуе Демчыха. Абы Гапка не потягнула когось на росправу...

(Зновъ гадючку на мене закыда, а я зновъ нибы мени не втямкы).

А Демко вже захожуется ажъ у Палестыны.

— Чувъ я, каже, за тыи Палестыны. Отсе жъ до тыхъ Палестынивъ и посуну!

И що ёму мицнійшъ у голову уступае, то винъ дали посува. Вже й по-за тыи Палестыны—хвалыться—втопчу стежку, а зъ-за Палестынивъ...

— Може й пидъ лаву, поручъ зъ кумомъ Свырыдомъ?—перехоплюе Демчыха.

— (А Свырыдъ такы тебе не зачепыть, гаспыдова дочко!—думаю). Й наче не чувъ, озываюсь до Демка:

— Якъ на мене, куме, то я бъ зроду не залышывъ своеи господы...

— У Палестыны!—правыть, у Палестыны! И геть-геть за Палестыны!

Въ голови ёму вже добре бренить... Частуе: до тебе, куме, до тебе, Свырыде! а усе самъ спожыва... А дали, що було остатне у пляшци, выжлуктавъ безъ чарки, нахыльцемъ... И не вгава: у Палестыны! у Палестыны!

Мени ажъ брыдко стало...

— Яки тамъ, куме, Палестыны,—кажу. Нащо воны намъ здалысь?

— Отсе жъ несогласный Свырыдъ у Палестыны,—зновъ въязуется Демчыха.—Въ Свырыда така думка, щобъ найпершъ Панамарчука одвидать...

(Себъ то шынкаря—тоди у шынку сыдивъ Панамарчукъ Петро).

Я зновъ нибы не чую, а вона такы цокотыть:

— Несогласный Свырыдъ у Палестыны, несогласный... Поведе тебе до Панамарчука... не пустыть до Палестынивъ...

А Демко якъ гримне:

— Не пустыть?! Хто не пустыть?

Трохы прыпекло вже й мени.

— Годи вже, куме, зъ тымы Палестынамы!—кажу. Чы жъ прыпада добрымъ хазяйнамъ по свити блукаты? Нехай дурни по дорогахъ тыняются, а доброму, довожу, хазяину не блукать, а прыдбать...

А винъ на мене:

— Зась!

— Якъ то, пытаю, зась?

— Зась! зась!—репетуе. Не дамъ у кашу соби дмухать!

— Таке?—кажу.

— А мабить «таке»!—сміется Демчыха.

Зубы блыскотять, зъ очей ажъ искра скаче... Рада иродова дочка! Одкынула двери, держыть на стежи, та прымовляе:

— Ой, Свырыде, не барится, та до дому поспишайтесь! Чы забулы, що Гапка у ярмарку новый соби макогинъ купыла, та такый якъ зъ зализа... И коцюба въ ій справна... Ой, не барится...

А Демко такы не вгава:

— Зась! зась! не дамъ соби въ кашу дмухать!

Хоче знятысь зъ лавы, та не сыла—наче прыкыпивъ... А Демчыха ажъ танцюе:

— Берится до-дому, Свырыде, берится до-дому! Ой, берится, бо макогинъ у Гапкы срибный, а коцюба золота...

Горобець маленькый, а сердечко мае... И не те що горобець, и святый часомъ скрывыться... Надозолыла мени катова дзундзурыха.

— А пожды, кажу, дамъ я тоби й макогона, и коцюбы!

Та впростъ до неи...

А вона скокъ до дверей, та зъ хаты... Я за нею, та якось трохы зачепывсь на порози,—бо до ката було тамъ въ неи уся-

чыны понастановлено,—а вона въ мене по-пидъ рукою дзыгъ зновъ у хату, та на дзыгу шторхъ мене у плечи, та хатніи двери за собою на защипку... Я й не схаменувсь, якъ выпхався...

Постоявъ, постоявъ, полапавъ трохы двери—двери въ ихъ славныи, дубовыи—та й повернувъ на греблю: хай тоби рыба й озеро!

Иду та гадаю: на що то Господь мылосердный натворывъ отсю жиноту? На що вона здалася? Тилькы спокушае доброго чоловика, та свитъ ёму завъязуе!

Ось и гребля. А зоряно такъ, що, здается, зорямы въ вичи сыпле. Колы зиркъ: *винъ* сыдыть, саме де вирва, та такый невеселый, наче вси шляхы загубывъ. У воду дывыться.

— А що, кажу, бисыку, чого се такенькы зажурывся?

Зитхае важенько.

Пытаю: гирко, бисыку?

— И—и!—одказуе.

Та й посуваетсяся трохы, нибы навдогадъ: «сидай коло мене». А що, думаю, сяду я, посыджу, бо такы добре спизнывся, а дома Гапка дожыдае... Выглядала-выглядала, а дали вже годи... Сыдыть на лавци, очи втопыла въ землю й кыпыть... Тыхесенько потягну я двери... Га! чого се такъ раненько вертаешся, господарю? Чому ще хочъ трохы не погулявъ? Та якъ визьмется зъ мене воду варыть, то варытыме, варытыме... Пизно прыйду—не помылуе й ранишъ прыйду не помылуе, то нехай вже прыйду пизно.

Сивъ я коло ёго. Посыдилы. Винъ усе дывыться у воду, а я дывлюсь на ёго. И такый винъ, сиромаха, смутненькый. Скорчывся, зморщывся, ажъ рижкы нибы прывъялы,—у такій скруси, що мени жалько стало. А до того щей цикавый я, що то ёго, бисыка, такенькы сыльне зажурыло. И зновъ пытаю:

— Гирко, бисыку?

А винъ зновъ:

— И—и—и!

— А хыба вы вчора народылысь,—кажу,—не знаете, що на свити бильшъ смутку, якъ радосты... Не зъ васъ воно нача-

лося, не вамы воно й скинчыться... А вы такы не вдавайтесь въ тугу, кыньте лыхомъ объ землю. Журба сорочкы не дае. Не все жъ и хмарыться та сонечко заступа—колысь и выяснытся.

— Не выяснытся!—каже.

— Чому такъ? Нема, довожу, не переходячого на божому свити, нема повсичасного, навичного—або перейде, або прывыкнешъ. Онъ, славлють, що якъ обсвидчутся, то жывуть и въ самому пекли, хочъ у кыпъячій смоли не велыка прыдоба.

— Що те ваше пекло!—сумуе. Що та ваша кыпъяча смола! Жарты...

Та зитха такъ, що стари высоченни вербы до земли на гребли похыляются.

— Якъ пидкладаты угилля, кажу, та пиджарюваты, то, може, воно й жартушкы, а якъ у смоли кыпиты, то вже не играшка.

— Та ваша пекельна смола—ласощи. Я не въ такій кыплю одъ вечора до ранку, одъ ранку до вечора! Га!

Та якъ гакне, то ажъ зори на неби заворушылысь.

А я ёму:

— Панычъ вы, бачу, и чы не панычивськы у васъ прымхы? Траплялысь мени таки, що пучку на тернынку поколе та й реве до Бога, яке ёго страшенне лыхо спостыгло. Колы така ваша напасть, я безъ знахаря ликы знаю.

Ажъ пидскочывъ:

— Яки?

— А ось яки: забрать бы васъ на роботу, на щыру крестьянську, щобъ вы й попооралы и попоборонылы, а до того попобидкувалыся, що ничымъ засіяты, та пишлы, горуючы, до дому, а въ дома ничымъ голодну душу пожывыты...

Махнувъ лапкою, нибы: «никчемни твои ликы!» Та й буркнувъ:

— И не такои вона мени завдавала!

Наче мене у тимья стукнуло: «вона!»

— Що жъ то за «вона»?—пытаю.

— Жинка. За жинкою пропадаю!—прызнается.

Эге! се вже не перелывкы! Згадалося, знаете, яка та силь въ оци, ти жинкы...

— Жинка? —перепытую.

— Не любыть! не вгожу! Не дамъ соби рады! Пропадаю!

— Отсе, кажу, щобъ то зъ жинкою та не дать соби рады! Нехай жинка буде якъ кропыва жыжкая, а въ здатнёго чоловика у тыждень стане мьякенька, якъ шовкова.

— Якъ ваша Гапка?—всмихнувсь та такъ, наче вкусывъ.

(Сказано: бисыкъ, то добре зна, де торкнуть).

— Що та моя Гапка, —кажу,—якъ ввирятся мени Гапчыны прымхы, такъ, бувайте певни, въ одынъ ментъ запобижу тому лыху.

— Хвастыкъ зъ васъ!—и зновъ всмихается.—А проте напоумте... Скажить, будь ласка, якъ бы вы моёму лыху запобиглы?

(Видома ричъ, кого огнемъ пече, тому скризь вода мріется, а хто топыться, той и за зиллыночку хопыться).

— Що жъ, згожуюся, може я вамъ и стану у прыгоди. Вы роскажить мени, зъ чого и якъ скоилось ваше лыхо, нехай я усю подрибныцю втямлю. То може й добру пораду дамъ.

Винъ важенько зитхнувъ и почавъ:

— Впала вона мени добре въ око ледви я іи назорывъ,— тилькы я того не вжахнувся, бо не першына було мени цяцькаться зъ жинотою. Траплялось, що одна вдряпне, друга забере трохы глыбше, третя нибы й за жыве зашморгне, то все те, якъ зъ гускы вода. Щобъ зъ нею одружытысь, або викъ коротаты, того я и въ помысли не мавъ. Думка така була: погуляю, та поласую, щобъ мене браты мои зналы, що и я не въ пни жыву. Докы схочу, доты пожартую, а докучыть—дали помандрую... Жартуючы, почавъ до неи вчащаты... вчащаю та жартую, а дали вже безъ неи мени якось и нудно, и трудно, де вона—тамъ мои й очи, тамъ мои й мысли, а зійдуся—не надывлюся, не наговорюся... Ой, та й годына жъ була! Якъ згадаю, то ажъ...

Та й умывся слёзамы.

— Самый медъ?—пытаю.

— Медъ!--плаче.—Медъ! Ой, медъ! Такый... такый... медъ... такый...

— Та годи вже,—впыняю (бо не впыны закоханця, то винъ и покы свита сонця той медъ смаковатыме у спомынку).—Шкода, що вража ласощъ кысне... а тобъ ій и невциновать. Скысъ и вашъ медъ, эге?

Затулывсь лапкамы, та тилькы рижкы трыпотять.

— Чы жъ прышада жвавому бисыняти оттакечкы побыватысь?—соромлю ёго.—И сорому не мае!

— А я жъ ій годывъ!—плаче. А я жъ на своій шыи скризь по свити ій возывъ! А я жъ перерывавсь, якъ вона того хотила!

— Якъ то,—пытаю,--вы на своій шыи ій возылы? якъ то вы перерывалысь? Росказуйте швыденько, бо незабаромъ вже на свитання благословытся, то й не встыгну я порады вамъ даты. Годи вже вамъ рыдать--чыхнить та розсказуйте.

Вгамовавъ винъ слёзы, схылывсь на праву лапку голóвкою, та й зновъ розсказуе:

— Забажала вона,—розсказуе,—свита провидать. Нижкы, каже, въ мене маленькы, то шкода ихъ втомлюваты, а колы ты такый на все здатный, якъ хвалышся, и мене дуже кохаешъ, то впоряды такъ, щобъ ты мене на шыи возывъ, та скризь, де мени любля, та щобъ скокомъ зъ горы и на гору...

Вона ще каже, а я вже доли лежу й пыю наставывъ: «сидай, мое золото, мостысь, мое серце»... И повизъ на шыи... И возывъ... И по горахъ, и по долынахъ, по всихъ украинахъ... Возывъ и въ слёту, и въ морозъ, и въ спеку. Часомъ духу вже въ мене не хвата, отъ-отъ впаду, а трохы вона скрывыться, то де та сыла визметься—зновъ перхну такъ, що ажъ залускотыть. Возывъ покы ій надокучыло. «Обрыдла мени та гулянка, ссады мене швыденько»! Я поспишавсь, а бувъ дуже змóреный, ажъ въ очахъ мени зеленило, и хочъ не впавъ, а не вдержався, трохы похытнувся и схытнувъ ій злегенька...

Та зновъ у плачъ.

— Щожъ вона?—пытаю.

— Розгнивалась. «Зателепа!»--гнивается. «Плюгашъ безмозкый... Бецманъ... вайло дурне»!

Прыгадуе, та выличуе якъ вона его шановала, та зъ жалю ажъ трусыться.

— А вы жъ що ій на те?

— Я прошу: серце, выбачъ мени...

— Та й моторяка жъ зъ васъ!—сміюся. «Выбачъ, серце»! Колы бъ мене, я бъ передъ нею не замруживъ ока, я бъ таку дзундзурыху добре прыборкавъ!

— Якъ свою Гапку?

Оттаке бисыня, здается спантелычився зъ скорботы, а не забува, що й Гапка не що дня свята...

Що вамъ та Гапка на завади?—кажу. Не за Гапку ричъ, а за вашу кралю... Такъ отсе кажете вы ій «выбачъ серце», а вона?

— Одвертается, та кепкуе: «зателепа, вайло, потрощывъ мени уси кисточкы». А дали вже й не озывается. Прохавъ, плакавъ гиркымы, благавъ, та благаючы й кажу: радъ бы для тебе на двое перервався. А вона тоди: «а ну, перервысь на двое!» Я трохы не до неба пидскочывъ. що хочъ промовыла до мене, и въ одынъ черкъ такъ перервався, що половына мене коло іи нижокъ, а половына геть на одшыби опынылась.

— Вжахнулась?—пытаю.

— Не вжахнулась! Зитха важенько. «Отсе и всего того дыва»?—кепкуе. «Що то перерваться на двое! Дурныця, пустяковына... Колыбъ на четверо»! Я заразъ на четверо...

— Вдовольнылы кралю?

— Не вдовольнывъ... «Чому, каже, не на восьмеро?»...

— Вы на восьмеро?

— Я на восьмеро...

— Догодылы такы?

— Подывылась й зморщыла носокъ... «Що то таке? Якись мотлохы, чы що? Локшына якась! Тьху! Яке жъ погане! Нехай мои оченята й не дывлятся»... Пишла и... заспивала...

Дали вже й не промовыть—попрыдушывъ ёго жаль, якъ зашморгомъ.

Посыдилы мовчкы,—винъ смакуючы свое лыхо, а я—роздумуючы, та розгадуючы... Боже, Боже! що та жинка може! И котра жъ найущыплывій стае силью въ оци, найуйидливій колючкою въ серци, чы бисывська, чы хрестьянська? Хрестьянынъ, хвалыть Бога, не пекельного роду, не прыдиляно ему Господомъ, щобъ винъ на двое, чы на четверо перерывався, а проте инколы и хрестьяныну трапляется така краля, що ему на мотлохы пониматкуе серце, на дризочкы побье душу... Роздумався я оттакечкы, розгадався, та трохы позитхавшы, почавъ всмихатысь: не вси дома—всмихаюсь.—у сего бисыняты, що коло мене бидкается, тай мы, хрестьяне, незгирши: у яки то мы, поздоровъ насъ Боже, пышемось непроторени дурни! Часомъ никчемнійшъ мы видъ того выторопловатого бисыка...

А бисыкъ якъ гримне на мене:

— А ну жъ, чого зубамы блыскочешъ, хвастыку, ставай у прыгоди! Запобигай лыху! Ратуй!

Я зыркъ на ёго, а винъ наче разомъ сказывсь, й така зъ его искра сыпле, що ажъ у вырви сычыть. Я хутенько посунувсь дали—бо сыдилы жъ рядкомъ,—тай на ёго:

— А чого се ты, навижене чортаня, гримаешъ на мене, якъ на свого чортового батька?

— Бо хвастыкъ зъ тебе! Хвастыкъ! хвастыкъ!—скыглыть, наче его завійна ухопыла.

— А отъ, кажу, якъ попаду я тебе за твои бисови рижкы, то поты воны й стримилы...

И такы бъ я его повчывъ, такъ не охота, бачте, поганытысь...

— Зажды, кажу, зажды—дамъ я тоби...

И не чуе, такъ распалывся, та все:

— Хвастыку! хвастыку!

— Якъ ты, кажу, дурне бисыня, за мою добристь, що я тебе пожаливъ, оттакъ на мене вызвырывся, то пропадай ты изъ

твоею гаспыдською жинкою. Яке наварывъ, таке и пожывай: небуде тоби видъ мене ніякои рады, а ни порады.

— Давай раду!—верещыть. Давай, бо хвалывсь, що дасы... давай, хвастыку.

До того ще почавъ лаятысь, та такъ погано, що й москаль, здается, его бъ не перемигъ, та такъ клене, що й найязыката перекупка мусыла бъ сховатысь пидъ лаву. А самъ такъ и сыкается въ вичы, якъ оса.. Спомьяпувъ и Гапчынъ макогинъ: нехай тоби (нибыто мени) до вику Ганчынъ макогинъ голову товче, а ты щобъ похылявсь, та тилькы белькотавъ: «Гапуню серце! Гапусю рыбко»...

— А бодай ты скысь!—думаю, а тымъ часомъ потроху все дали, та дали видъ его посуваюсь... бо вже й надокучыло мени каляться зъ нечыстою сылою... та до того ще й така думка: чы не доведется мени за що пекельну кумпанію возыть попа въ решети?... Тай кажу:

— Не дурно, кажу, у насъ говорытся, що якъ хочешъ посбутысь прыятеля, то нагодуй ёго голодного, або пожалуй та запоможы ёго лыху. Мабить и у васъ, бисивъ, такый самый звычай... Отъ така твоя дяка за мою ласку?... за мою добристь?...

Винъ нибы трохы засоромывся—покынувъ лаятысь и схопывъ у лапкы свою дурну голову, наче вона ему роспадается зъ тугы. А я, вважаючы що винъ втыхомырывсь, зразу гонивъ на двое геть видъ ёго. Такъ постерегло кляте чортеня.

— Га! израдныку! втикать!

Та до мене, а я межъ стари вербы, та скокомъ на пенёкъ, та зъ пенька черкъ на вербу, та зъ вербы й захрестывся на округы...

Якъ винъ заскавучыть, якъ засыгыть, Боже мій! свите мій! И тудою звывается, и сюдою—хоче до мене прысыкаться, та ба! ничого не вдіе—захрещено... Тилькы дурно мордуется.

Та й мордувалося жъ скажене биселя! И скаче, и тупоче, и по земли качается, и въ гору шнется, копытцями и толочыть, и рые рижкамы и довбае, и креше зубами ляска, ажъ по за ричкою лунае, очыма вже помотлошывъ мене и пожеръ... Крутытся,

вертытся, скавучыть, скыглыть, свергоче, вые, стогне... А зъ самого таке поломья прыска, неначе стонадцять кипъ смоляного вихтя палае.

А я умостывсь соби на верби й байдуже мени: нехай, думаю, турецькый сынъ мордуется! Я спокійненько, та гарненько пересыжу, покы на свитъ благословытся—а заспивають пивни, нечыста сыла слызне, тоди поберусь до дому... бо такы вже часъ...

Посыдивъ я трохы, подывывся, потишывсь... дали й надокучыло мени. Одно—невелыка честь на гилли стремиты, а друге и те, що треба жъ и стерегтысь трохы, бо нечыста сыла каверзна: часомъ таке тоби утне, що й до вику чмыхатымешъ... И що дали, то все мени гиршъ та гиршъ надозолюе... До того ще й жалкуваты ни на кого, тилькы на свій дурный розумъ: надало змылуватысь надъ тымъ навиженымъ пекельныкомъ! Я, бачте, такый чоловикъ—мьякушка, що нехай де яка прыгода, або журба, або смутокъ, то заразъ тамъ мои й жалощи... Одже жъ и пожалувавъ, бодай ёго хринова маты жалувала!

А часъ хочъ не стоить, та й не летыть крыламы. На неби зори ажъ скачуть и такого ихъ, наче хто разъ-у-разъ зъ кошыкивъ пидсыпа; молодыкъ нибы все ще въ гору пидбывается, соловейко не вгава—щебече... Колы ще на те свитанне благословытся!

И така на себе досада мене допикае, що якъ бы це не я, а хтось иншый, тобъ до ладу ёго вычубавъ. Зитхаю важенько, та думаю: Грыць наварывъ, Грыць и пожывай!

Тилькы що я соби тее прымовывъ, мене наче вхопыло: годи панькаться зъ тіею прынукою! Удостачу тіеи пидгнеты! Не хочу! не буду! Разъ маты родыла!

Обхрестывсь та й беркыць зъ вербы впростъ на гаспыдови рижкы... Несамовыто загарчавъ гаспыдъ... Земля наче луснула... застугонила... Загуло, завихтырыло... Усе пишло оберт'немъ... Та якъ черкне мене въ гору, то я фуркнувъ якъ зъ лука... И понесло мене наче степови пухы... Несе-несе-несе... та все околиямы, ажъ геть по-за Трощанськи гаи, по-за Сорочый Бродъ,

по-за Гайворонськый степъ, та по-за якись кручи, та яругы, та бескеды... Та якъ бехнуло, то ажъ трохы не на тры цали у землю мене втрощыло... Схаменувсь помалу, пидвожусь роздывляюсь... Се жъ я у провалли по-за млыномъ! День вже такый, якъ быкъ, тычба людей гомоныть коло гребли, а Гапка надо мною молытвочку вычытуе... Сказано жинка: тутъ бы дякуваты Господеви, що вызволывъ чоловика зъ напасты, а вона нарикаты, та гудыты, та кепкуваты... И що жъ вы думаете, доси не йме виры! «Пьяныцямъ,—наполягае.—катъ зна що верзется»... Себъ то я пьяныця... Та до того якъ визьмется свои докладкы докладать, та выгадкы выгадувать—бодай и не снылось! То я вже и не змагаюсь, а якъ той побидашъ, що сіявъ ячминь, а жинка ему: «гречка!» згожуюся й я: «нехай буде гречка!»

Марко Вовчокъ.

А. А. Навроцкій.

(Поминка).

10 октября текущаго года исполнится десять лѣтъ со дня смерти *Александра Александровича Навроцкаго*, одного изъ близкихъ лицъ къ кружку Т. Г. Шевченка, Н. И. Костомарова, П. А. Кулиша, Н. И. Гулака, В. И. Бѣлозерскаго и другихъ, привлекавшихся въ 1847 году по дѣлу о Кирилло-Меѳодіевскомъ или украино-славянскомъ обществѣ. Уже одна эта связь А. А. Навроцкаго съ такими именами, какъ вышеперечисленныя, одна прикосновенность къ такому дѣлу, которое въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія фатально отразилось на судьбѣ многихъ лицъ, дорогихъ для нашей родины,—выдвигаютъ личность его изъ ряда обыденныхъ. Если же мы прибавимъ еще, что А. А. Навроцкій всю жизнь свою не переставалъ работать надъ украинскимъ словомъ, почти не выступая въ печати, но сохраняя плоды своего поэтическаго творчества въ рукописныхъ тетрадяхъ, оставшихся послѣ его смерти, то еще болѣе станетъ яснымъ, что нашъ журналъ обязанъ вспомнить о немъ и дать читателямъ хотя нѣкоторыя свѣдѣнія о его жизни и литературныхъ работахъ.

Въ печати, насколько намъ извѣстно, объ А. А. Навроцкомъ не было почти ничего сказано, кромѣ тѣхъ страницъ, которыя находимъ въ книгѣ Н. И. Петрова «Очерки исторіи украинской литературы 19-го столѣтія», откуда кратенькія свѣдѣнія попали въ Энциклопедическій словарь Брокгауза и Ефрона, да нѣсколькихъ упоминаній о немъ въ «Кіевской Старинѣ». Въ настоящей поминкѣ нашей мы не имѣемъ возможности прибавить ничего особенно существеннаго къ фактамъ, касающимся его біографіи, кромѣ случайныхъ замѣтокъ, доставшихся намъ изъ архива Н. А. Ригельмана, а только можемъ познакомить читателей съ нѣсколькими образцами его стихотвореній, благодаря предоставленной намъ А. Шрамченкомъ одной тетради поэта, содержащей въ себѣ 102 стихотворенія, кажется по преимуществу 1887 года, и являющейся далеко не единственною среди рукописей его.

А. А. Навроцкій родился 28 іюля 1823 года въ с. Антоновкѣ, золотоношскаго уѣзда, полтав. губ. Учился онъ сначала въ золотоношскомъ уѣздномъ училищѣ, потомъ въ полтавской гимназіи, по окончаніи курса которой поступилъ въ кіевскій университетъ по первому отдѣленію философскаго факультета. Окончилъ онъ курсъ въ университетѣ въ январѣ 1847 г. со званіемъ дѣйствительнаго студента. За годъ до окончанія университета, какъ свидѣтельствуетъ Н. И. Костомаровъ [1]), нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и А. А. Навроцкій, «толковали о томъ, какъ-бы слѣдовало путемъ воспитанія юношества, изданія сочиненій, относящихся къ славяновѣдѣнію, и при всякомъ случаѣ частными бесѣдами стараться знакомить русское общество съ славянскимъ міромъ». Эти собесѣдованія близкихъ другъ другу людей имѣли результатомъ то, что въ апрѣлѣ 1847 года всѣ эти лица были арестованы. Какъ теперь выяснилось совершенно опредѣленно, дѣло это было первоначально очень раздуто, благодаря чему и 24-лѣтній А. А. Навроцкій, только что оставившій университетскую скамью и проживавшій въ Кіевѣ у своего родственника

---

[1]) Кіев. Стар. 1883 г., № 2, стр. 226.

Н. И. Гулака, занимаясь нѣмецкимъ языкомъ, читая Гёте и Шиллера, увлекаясь стихотвореніями Т. Г. Шевченка, собирая матеріалы по малорусской этнографіи и мечтая что-нибудь предпринять для просвѣщенія родного народа, показался для доносителей удобнымъ матеріаломъ обличенія. Поводомъ къ его аресту послужили нѣсколько неосторожныхъ словъ, сказанныхъ въ интимной бесѣдѣ, встрѣчи съ Костомаровымъ, Кулишомъ, Шевченкомъ и близкія отношенія къ Гулаку. Результатомъ было повелѣніе 28 мая 1847 года отправить Навроцкаго въ Вятку.

Для характеристики А. А. Навроцкаго въ эти годы прекраснымъ матеріаломъ являются отрывочныя свѣдѣнія изъ отзывовъ о немъ В. М. Бѣлозерскаго, находившагося съ нимъ въ дружеской перепискѣ въ 1846 году. В. М. Бѣлозерскій свидѣтельствовалъ о немъ, какъ о юношѣ добраго и простодушнаго характера, но съ извѣстною логическою стройностью въ мысляхъ и чувствахъ. «Онъ любитъ Малороссію—говоритъ В. М. Бѣлозерскій—и особенно поэзію; замысловъ же онъ никакихъ не выражалъ и не показалъ ни одного дѣйствія, въ которомъ бы они проявились. Въ другихъ онъ особенно желаетъ видѣть любовь къ родинѣ и къ добру». Въ письмѣ своемъ 16 окт. 1846 г. къ В. М. Бѣлозерскому, бывшему тогда учителемъ въ полтавскомъ кадетскомъ корпусѣ, А. А. Навроцкій убѣждалъ его собирать въ Полтавѣ матеріалы для малороссійскаго языка, гдѣ легко можно найти людей, которые согласились бы помогать ему въ этомъ дѣлѣ, а также людей, у которыхъ нужно разогрѣвать чувство къ доброму и достойному,—иначе чувства эти совсѣмъ заглохнутъ въ бездѣйствіи. «Но я—говорилъ Бѣлозерскій,—будучи занятъ своею новою должностію, не имѣлъ времени ни для знакомствъ, ни для занятій собираніемъ литературныхъ матеріаловъ; при томъ же я вокругъ себя ни въ комъ не видѣлъ сочувствія къ тому, что самъ любилъ. Я писалъ Навроцкому, что онъ ошибается на счетъ Полтавы, въ которой приглядѣлись къ своему до такой степени, что оно не возбуждаетъ уже никакого сочувствія, и интереса и любви къ родному тамъ нѣтъ. Навроцкій же утверждалъ, что я

такъ думаю оттого, что мало знаю Полтаву, и что въ ней какой-нибудь бѣднякъ сидитъ, быть можетъ, въ хижинѣ съ такимъ горячимъ сердцемъ, что оно цѣлый свѣтъ сожжетъ своею любовью, если бросить въ него искру добра и участія». Это выраженіе письма, попавшаго въ руки слѣдователей, показалось подозрительнымъ и послужило предметомъ особаго разслѣдованія; въ немъ старались найти скрытый смыслъ, видѣть «корни и нити», но въ результатѣ А. А. Навроцкому пришлось вмѣнить въ вину лишь отсутствіе откровенности—вина по тому времени тяжкая, какъ тяжка и дальнѣйшая судьба молодого идеалиста, вырваннаго изъ родной и милой ему среды.

Отбывъ въ Вяткѣ шесть мѣсяцевъ, Александръ Александровичъ Навроцкій опредѣленъ былъ на службу писцомъ въ земскій судъ въ г. Елабугу. Объ этомъ времени его жизни нѣсколько интересныхъ строкъ, сообщенныхъ самимъ Навроцкимъ, находимъ въ книгѣ Н. И. Петрова «Очеркъ исторіи украинской литературы 19 в.» (стр. 258). Тогдашній вятскій губернаторъ, А. И. Середа, сочувственно и гуманно принялъ Навроцкаго и въ самый день его прибытія въ Вятку, за большимъ обѣдомъ у себя, сказалъ слѣдующее: «сюда привезли молодого человѣка; конечно, его осуждаетъ законъ, но люди не должны осуждать». И затѣмъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ по окончаніи тюремнаго заключенія, онъ оказывалъ молодому человѣку всевозможное вниманіе, не говоря уже о томъ, что аттестовалъ его въ Петербургъ самымъ лестнымъ образомъ. Отправляя его изъ Вятки въ Елабугу, губернаторъ, между прочимъ, сказалъ ему: «куда бы ни бросила васъ судьба, будьте честны, будьте строги къ самому себѣ; если бы судьба сдѣлала меня дворникомъ, дровосѣкомъ, я бы такъ же честно исполнялъ обязанности дворника, дровосѣка, какъ теперь исполняю обязанность губернатора. Мужайтесь! Будьте спартанцемъ, будьте хохломъ!»

Въ Елабугѣ А. А. Навроцкій прослужилъ недолго: въ 1849 году онъ былъ уже переведенъ въ Курскъ. Въ 1853 г., освободившись отъ полицейскаго надзора, онъ перешелъ на

службу въ Петербургъ, а оттуда, въ 1858 г., сначала въ Темиръ-Ханъ-Шуру, а затѣмъ въ 1870 г., въ Эривань совѣтникомъ губернскаго правленія. Скончался онъ въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ 10 октября 1892 г. и тамъ же похороненъ на городскомъ кладбищѣ.

Что касается поэтическихъ произведеній А. А. Навроцкаго, то, какъ уже было сказано, они въ громадномъ большинствѣ находятся пока въ рукописномъ видѣ, и только три изъ нихъ было напечатано въ «Основѣ» въ 1861 году: «Останнія воля» (№ 8), два стихотворенія на смерть Т. Г. Шевченка (№ 6. въ статьѣ «Значеніе Шевченка...»). Сверхъ того, въ книгѣ Н. И. Петрова мы знакомимся съ нѣкоторыми изъ нихъ, помѣщенными то въ цѣльномъ видѣ (пѣсня изъ Гейне, «Зори», «Доля», «Пронеслыся тыхи витры»), то въ отрывкѣ (Дума). Н. И. Петрову были доставлены (очевидно самимъ авторомъ) слѣдующія стихотворенія: «Зирка» (1847 г.), «Козакъ и дивчина» (1847 г.), «Думка» (1848 г.), переводы стих. Хомякова—«Зори», «Вечирня писня» и «Ничъ» (1856 г.), «Писня» (1856 г.), «Думка» (1857 г.), «Писни зъ Гейне (три—1859 г.), «Ничъ» (1859 г.), переводы изъ Мицкевича—«Те люблю я», «Панычъ и дивчина», «Рыбка», «Романтичность», «Розмова», «Могилка Маруси» (1861 г.). По свидѣтельству Н. И. Петрова, А. А. Навроцкій послѣ 1862 года перевелъ 12 поэмъ «Оссіана», «Земля и Небо», «Каинъ», «Манфредъ» и нѣсколько мелкихъ стихотвореній Байрона, а также нѣсколько стихотвореній изъ Шиллера и Гёте; переложилъ онъ, не гекзаметрами, а малорусскимъ народнымъ стихомъ, Иліаду и Одиссею и написалъ стихотвореніе «На вичну памьять И. С. Тургеневу». Вотъ все, что было намъ извѣстно до сихъ поръ изъ произведеній автора, да и то больше, какъ видитъ читатель, по заглавіямъ. На основаніи только этихъ данныхъ трудно опредѣлить литературныя заслуги А. А. Навроцкаго; да и теперь, когда, какъ мы сказали, въ нашихъ рукахъ находится цѣлая тетрадь съ 102 стихотвореніями автора, мы не рѣшаемся высказать вполнѣ опредѣленное мнѣніе

объ А. А. Навроцкомъ, какъ поэтѣ, такъ какъ тетрадка эта, составляющая только небольшую часть всѣхъ его рукописей, можетъ быть, заключаетъ въ себѣ плодъ творчества поэта, не доведеннаго имъ до окончательной обработки, а главное—не опредѣленнаго имъ самимъ, какъ достойное для печати. Судить же о литературныхъ заслугахъ писателя по его, такъ сказать, черновой, недовершенной работѣ, всегда будетъ рискованнымъ. Поэтому, воздерживаясь отъ общей оцѣнки, мы ограничиваемся пока опубликованіемъ нѣкоторыхъ изъ стихотвореній А. А. Навроцкаго, которыя мы считаемъ лучшими въ этой тетради, но разсчитываемъ впереди подѣлиться съ читателями нашимъ выводомъ о немъ, какъ о поэтѣ, когда въ нашихъ рукахъ будетъ полное собраніе рукописей его, любезно обѣщанное намъ А. Шрамченкомъ, доставившимъ и данную тетрадь.

Прежде всего считаемъ нужнымъ указать на общій составъ этой тетради со стихотвореніями А. А. Навроцкаго. Изъ 102 стихотвореній большая часть составляетъ продуктъ самостоятельнаго творчества, болѣе всего въ формѣ *думокъ* и вообще лирическихъ размышленій (всѣхъ 62 стихотв.); но встрѣчаются между ними и посвященія памяти А. С. Пушкина (написаны въ 1887 г. по поводу 50-тилѣтія со дня смерти поэта). Остальныя піесы составляютъ переводы и передѣлки изъ русскихъ и иностранныхъ поэтовъ: Шиллера—8 стих.; при чемъ есть такія, какъ «Витання мудривъ», т. е. «Привѣтствія Искусствъ», «Писня про дзвинъ»; Байрона—1 стих.; Петрарки—1 стих. (Хвала Пресв. Диви); Сырокомли—2 стих.; Мицкевича—1 стих.; Лонгфелло—2 стих.; Стекетти—1 стих.; Надсона—5 стих.; Некрасова—2 стих.; Пушкина—1 стих., и др. Тутъ же попалось и три стихотворенія на русскомъ языкѣ; изъ нихъ особенной силой отличается «На смерть Каткова»—въ рѣзко обличительномъ тонѣ.

При разсмотрѣніи украинскихъ его піесъ мы пришли къ выводу, что самостоятельное творчество давалось ему легче, чѣмъ переводы: и стихъ глаже, и рѣчь непринужденнѣе. Для образца мы приведемъ здѣсь пять стихотвореній, изъ которыхъ одно

только переводное (по Стекетти), а послѣднее будетъ, какъ образчикъ его финальнаго аккорда, которымъ онъ закончилъ 1887-й годъ, чѣмъ и оканчивается присланная намъ тетрадка.

Молытва.

Молюся, Господы, молюся:
Видъ злобы тяжкои спасы!
Хай агнцемъ тыхымъ я зроблюся,—
Елей твій въ душу прынесы.

—

Наповны серце ты благою
Прыхильностью до всихъ людей;
Хай сылою Твоею встрою
Соби жыття середъ дитей.

—

Виддамъ имъ разомъ серце й душу,
Всёго себе хай имъ виддамъ,
И передъ нымы не порушу
Добра, що всимъ видкрыте намъ.

—

Спасы мене! Хоча дывытысь
И тяжко, гирко на ввесь свитъ,—
Та я бажаю помырытысь
Зъ усимъ, що душу ваготыть.

—

Бажаю статы непохибнымъ
На стежци ласкы и добра,
Пидъ стягомъ стать твоимъ побиднымъ,
Що одверта усихъ одъ зла.

—

Науку выщу посылае
И на дорози вразумля,
И те дае, що благо мае,
Якъ слидъ тутъ жыты—направля.

Думка.

Ой ты горе, ой ты лыхо,
Лыхо невсыпуще!
Чого-жъ, чого ты до мене
Прысикалось, злюще?
Чого давышъ, прыгнитаешъ
И розумъ и серце?
Колы твое жартування
Зо мною мынется?
Не займаю, не чипаю
Я въ жытти никого:
Въ самотыни, середъ суму
Лютого, тяжкого,
Тильки соби и бажаю
Що того покою.
Я одъ счастя видцурався,
Думкою марною
Я не лыну вже до того,
Чого не піймаю,—
Прыборкани мои крыла
Я самъ зупыняю.
А ни мріямъ, ни надіямъ
Не даю я воли
Здійматыся и литаты
По шырокимъ поли,
Розносыты смили думкы
И соби зважаты,
Що зумію я на свити
Счастя людямъ даты,
Якъ колысь литавъ, носывся
Въ жытти молодому
И завзятый, непохибный
Не звертавъ никому.
Я не рвуся, не сягаю

Вже більше до неба,—
Не багато на старости
Въ жытти мени треба:
На Вкраини мылій жыты
Посередъ покою,
Та щобъ диты мои люби
Тамъ булы зо мною...
Видчеыся-жъ ты видъ мене,
Невсыпуще лыхо!
Не мордуй мене, дай жыты
На старости тыхо!
А колы ни, то одразу
Поришы зо мною,
Щобъ хоча я у могыли
Дознався покою.
Бо вже въ мене й розумъ, й серце
Видъ нудьгы изныли,
И такъ жыты вже немае
Въ мене більше сылы.

Пісня.

Якъ бы мени черевыки,
То пишла-бъ я на музыки:
Батько, лышенько мое,
Черевыкивъ не дае.

—

Якъ-бы стёжка хочъ шовкова,
Вплела-бъ въ косу, чорноброва...
Батько, лышенько мое,
Й стёжкы мени не дае.

—

Силькись мени—пиду й боса,
Пиду я й простоволоса...
Хай ничого не дае,
Я визьму такы свое.

—

На вулыци погуляю,
Зъ дивчатамы заспиваю...
И безъ батечка мого
Я добьюся до свого.

—

Визьму лычкомъ та бровамы,
Пожартую зъ парубкамы:
То кивну я, то моргну
Всихъ до себе прыверну.

—

Ось якъ треба въ свити жыты,
Щобъ ни про що не тужыты....
Хочъ безъ стёжкы й боса я,
Та такы взяла моя.

—

Биле лычко, бровенята—
Ось що треба намъ дивчата...
А якъ въ тебе й серце йе,
То байдуже—все твое.

—

Цуръ вамъ, стёжка й черевыки,—
Й такъ пійду я на музыки..
Серця въ дивкы не спыныть,—
Хоче счастя залучыть.

—

Нудно буть самій у хати,—
Хочу серцемъ погуляты.
Погуляты черезъ край,
Щобъ дознаты въ свити рай.

—

А якъ счастя вже прыдбаю,
То и батько радисть взнае.
Я сама тоди спынюсь,
Якъ зъ коханымъ поберусь.

По Стекетти.

Метелыка я бачывъ: прутко,
Легенько винъ усе литавъ,
То на виття сидавъ винъ хутко,
То вмыть до квитки прыпадавъ.
Увесь мережаный, собою
Винъ очи чарувавъ, пестывъ:
Здается, свитъ ясный красою
Ще кращымъ по земли робывъ.
И ось ёго піймалы диты;
Ганялыся воны за нымъ
Та и загналы въ тіи ситы,
Де винъ застрявъ крыльцемъ своимъ.
И якъ не бився, бидолахы
Не вызволылы звидтиля
Крылець слабыхъ его розмахы—
Винъ тилькы въ ситци тій кружля...
И падирвавъ и крыльця, й сылу...
Лыха-жъ и хыжа дитвора
Крычыть до ёго жартовлыво:
«Леты-жъ швыдчійше до добра!»

Оттакъ оплутанный у тую
Щоденну ситку бидъ нимыхъ,
Я побываюся, сумую,
Не знаючы, якъ выйты зъ ныхъ.
Порвавшы крыла, що неслыся
До праци людови всёму,
Що въ серци благомъ розрослыся
Зирваты зъ люду лыха тьму,—
У мене вже тыхъ сылъ немае
Летиты, рватысь до добра,
Що такъ наважно выклыкае.
Бо настае на те пора.

А навкругъ мене жартовливо,
Або й у сварци нависній,
Торочать згорда и прымхливо,
Рвучы на шмаття розумъ мій:
«Чы вже-жъ у тебе сылъ немае,
Або не зможешъ ихъ знайты?
Бажана мита пидступае,—
Хутчійшъ до неи ты леты»!

Кинецъ и Богови слава.

(Декабря 9-го 1887 року).

Кинець, кинець—и Богу слава,
И счастя—людови всёму.
Царю могучая держава,
Розвій—народнёму уму!
Щобъ пидіймався въ упокои,
Въ науци розбиравъ добро
И правды Божои святои
Не розминявъ винъ на сребро,
А жывъ бы вирою жывою
И славословывъ скризь Хрыста.
Цією стежкою прямою
Веде всихъ *кнъижечка свята*,—
Не та, що тутъ я повыводывъ,
Хоча и бравъ я де-що *въ-ій*,—
Що Богъ-Хрыстосъ мижъ людъ проводывъ
Въ своій премудрости святій.

Кромѣ вышеуказанной тетради со стихотвореніями А. А. Навроцкаго, у насъ имѣется въ рукахъ на отдѣльномъ листочкѣ еще одно стихотвореніе его, посвященное Марко-Вовчкъ и датированное 22 марта 1871 года. Въ немъ поэтъ, съ горестью упоминая о тѣхъ бѣдахъ, какія выпали на долю нашей родины, высказываетъ надежду, что засвѣтятъ «ясни зори», что прійдетъ

пора—и «счастя прогляне зорею»; читая-же произведенія Марко-Вовчка, онъ слышитъ, какъ кругомъ раздается голосъ тихій, но ясный:

Гей, до дила, до роботы,
Прыбытыи диты!
Крепитеся, боритеся
За правду на свити!
Крепитеся! зійде сонце—
И на нашимъ поли
Загорытся и засвитыть
Свитъ добра и воли.

Спасыби-жъ, ластивко—голубко!
Ты серце въ гору пидняла,
Ты наши щыри, смили думкы
Кругомъ по свиту рознесла.
Рознось, вищуй гарячымъ словомъ
Добро народнье, правды гласъ,—
То й намъ засвитыть сонце знову,
И намъ настане слушный часъ!

Этими патетическими строчками и заканчиваетъ авторъ свое стихотвореніе.

В. Науменко.

Документы, извѣстія и замѣтки.

Васня о стрекозѣ и муравьѣ въ южнорусской редакціи 1743 года. Виршевая южнорусская литература лишь въ самое недавнее время начала привлекать къ себѣ вниманіе ученыхъ изслѣдователей. Къ сожалѣнію, эта интересная и чрезвычайно богатая литература по настоящее время не только не издана, но никѣмъ не собрана, не описана и вообще не приведена въ извѣстность. Тому, кто пожелалъ бы заняться этимъ, предпочтительно предъ другими источниками, можно рекомендовать рукописныя руководства по реторикѣ и піитикѣ XVII—XVIII, въ огромномъ количествѣ хранящіяся во всѣхъ нашихъ старинныхъ книгохранилищахъ. Одинъ изъ такихъ сборниковъ намъ пришлось просмотрѣть на дняхъ въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры [1]). Въ числѣ другихъ учебниковъ, въ этомъ сборникѣ находится руководство по піитикѣ, составленное въ 1743 г. профессоромъ Кіевской Академіи Тихономъ Александровичемъ († 21 окт. 1746 г.), подъ заглавіемъ: Praecepta de arte poëtica ad usum Roxolanae juventutis in alma orthodoxa ac celeberrima Kijovo-Mohylo-Zaborowsciana Academia tradita et explicata anno 1743 ad nobiles poëseos auditores reverendissimo patre. T. Alexandrowicz. Самое руководство на латинскомъ языкѣ, но стихотворные образцы и примѣры приведены, кромѣ латинскаго, еще на польскомъ и русскомъ или точнѣе—славено-россійскомъ, съ примѣсью малорусскаго, языкахъ. Обиліе такихъ образцовъ у Александровича поразительное: каждое правило сопровождается не-

[1]) По „Описанію“ проф. Н. И. Петрова, вып. 2, № 326.

премѣнно примѣрами—двумя, тремя, а иногда и четырьмя. Самъ ли Александровичъ сочинялъ эти стихотворные образцы, или пользовался чужими произведеніями—въ данномъ случаѣ это безразлично: для насъ крайне интересно знать содержаніе и форму этихъ образцовыхъ виршей, при помощи которыхъ Кіевская Академія воспитывала въ своихъ питомцахъ изящный вкусъ и прививала имъ литературные навыки. Огромное мѣсто здѣсь занимаютъ хвалебныя оды, или *laudes*. Есть здѣсь *laus* и тогдашнему митрополиту Раф. Заборовскому, и печерскому архимандриту Тимофею Щербацкому, и ректору Академіи Сильвестру Кулябкѣ, и императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, и наслѣднику престола Петру Ѳеодоровичу, и многимъ другимъ. И все это—сначала по-латыни, потомъ по-польски и наконецъ: ea carmina et sclavonice sic: (слѣдуетъ за тѣмъ русское стихотвореніе). Въ примѣръ Epitaphium приведены: а) необыкновенно хвалебная епитафія къ гробницѣ императрицы Екатерины I—по-русски. б) гетману Даніилу Апостолу—по-польски, и в) архіеп. новгородскому Ѳеоѳану Прокоповичу—по-латыни. Въ примѣръ сатиры полностью приведена «Сатыра на зависть и гордость дворянъ злонравныхъ» Кантемира. Это—единственное заимствованіе изъ общерусской литературы, тѣмъ болѣе любопытное, что сатиры Кантемира впервые были изданы только въ 1762 г.

Чтобы дать понятіе о языкѣ и стихѣ всѣхъ этихъ піитическихъ измышленій, приводимъ здѣсь полный текстъ образцовой басни. Articulus 8-us излагаетъ ученіе de Fabula, о баснѣ. Послѣ короткаго лат. опредѣленія басни, слѣдуетъ: exempli gratia sit fabula de Cicada et Formica:

В сицево бѣдство лѣнивый впадаетъ,
Якъ самъ о себѣ Коникъ [1]) извѣщаетъ.
Какъ, рече, поля вездѣ зеленѣли,
Якъ древа сѣннимъ листвіемъ шумѣли,
Ряснимъ тяжели гроздомъ виногради,
Какъ гобзовала овощъ вертограды,
На нивахъ сноповъ со множествомъ класовъ
Болѣе было, главнихъ [2]) неже власовъ,
И словомъ сказать, егда былъ часъ златій

---

[1]) *Коникъ*—малорусское названіе стрекозы.

[2]) Т. е. головныхъ, на головѣ.

Всякому о кормъ себѣ промишляти,—
Азъ, бѣдній Коникъ, въ толь плодное время
О себѣ не брегъ, безумное племя,
Только по поляхъ и травѣ зеленій
Скача бездѣленъ, акибы скаженій.
Опосля вѣтръ сталъ полунощный дути,
И вслѣдъ же мразы наступили люты,
В онихъ же снѣги запали великы,
От коихъ смерзли скоротечни рѣкы,
Купно же и весь сѣнокосъ и поле
(Уви мнѣ, бѣда, злополучна доле!)
Снѣги замети [1]) силними покрыли,
Кои сталися якъ алявастръ [2]) бѣли.
Я, бѣдній, видя, что уже дни зліе,
Скакну по поляхъ въ той край и другіе,—
Зерна не вижду на нихъ ни едина
И пищи ниже бѣ тогда крохтина.
Мнѣ лихо, мятежъ, смерть гладна приходитъ
Мишлю: что дѣлать? Се мисль мнѣ приводить:
Ко трудолюбной бѣжи, окаянній,
Мравіѣ,—от нея будетъ ти кормъ данній.
Я так и здѣлалъ, пойшол к ея дому,
Кой былъ никогда несвѣдомъ никому,
Где она зиму мирно провождаетъ.
Толку во дверы—ничто отвѣщаетъ;
Толкалъ во окно, но знать утружденна
Морава, негли от сна возбужденна,
Мало випусты [3]) гласа такъ своего:
«Кто се толкаетъ до дому моего?»
— Мравія, азъ есмъ Коникъ,—реклъ азъ,—хладній,
К тебѣ толкаю нынѣ же и гладній.
Азъ молбу к тебѣ слезну простыраю:
Не даждь умрѣти гладомъ, умоляю!»
Она жъ, уви! видъ немилости нѣкій

---

[1]) Малор. „заметамы"—сугробами
[2]) Т. е. алебастръ, гипсъ.
[3]) Т. е. испустила, издала.

Ко мнѣ являетъ на посмѣхъ великій:
«Съ коего жъ пути нынѣ, гостю драгій,
Наши гобзишы (?) нищетніе праги?
Знать, ты в далеку подводу загнанній,
Что ажъ по снѣгу воспять отосланній!»
— Пожалуй, Мравя, не смѣйся мнѣ нынѣ;
Множае скорблю, не множи кручыны.
Не былъ я нѣгде нѣкому въ подводѣ,
Но живу собѣ в любезной свободѣ.
— На каковой же тогда былъ работѣ,
Какъ люде въ кравомъ пребывали потѣ:
День и нощъ въ полях з серпами бывали,
На гладну зиму пищу собырали?
— «Былъ и я з нимы несходя на нивѣ,
И чтобы были в трудах нелѣнивы,
Сладчайшимъ гласомъ спѣвалъ утрудженнимъ,
Сидя в покои под листомъ зеленимъ».
— А хто пѣть, тотъ же скакать умѣваетъ;
(Уви! какъ мене Мравя осмѣваетъ!)
Пѣлъ еси въ лѣтѣ гласомъ пріятнѣйшимъ,
Пляши жъ зимою по снѣгу мягчишимъ!»
Сіе лѣнивихъ бѣдство постигаетъ,
Якъ самъ о собѣ Коникъ днесь вѣщаетъ.

Судя по многимъ риѳмическимъ созвучіямъ, въ XVIII в. въ Кіевской Академіи букву *ѣ* произносили по-малорусски, какъ *и*.

О. Л.

Правила о присужденіи премій Н. И. Костомарова за лучшій Малорусскій Словарь. (Утверждены Общимъ Собраніемъ Императорской Академіи Наукъ 3 мая 1897 года).

1) Преміи Н. И. Костомарова составляетъ внесенная имъ въ Императорскую Академію Наукъ въ 1881 году сумма 4000 руб., въ закладныхъ листахъ Харьковскаго Поземельнаго банка, обращенныхъ нынѣ въ свидѣтельства 4% Государственной ренты съ накопившимися на нее процентами.

2) Преміи эти присуждаются Академіею Наукъ за лучшій изъ представленныхъ на ея разсмотрѣніе словарей малорусскаго нарѣчія съ объясненіемъ словъ на русскомъ языкѣ.

3) Главную основу словаря долженъ составить народный языкъ. Изъ словаря не исключаются и слова, принадлежащія одной лишь или немногимъ мѣстностямъ; но при такихъ словахъ должны быть по возможности означаемы и самыя эти мѣстности.

4) Кромѣ народнаго малорусскаго нарѣчія, въ словарь должны войти съ особыми обозначеніями:

а. общеупотребительныя между малоруссами слова иноземнаго происхожденія.

б. слова старинныя, вышедшія или выходящія изъ употребленія; они заносятся въ словарь въ томъ видѣ, въ какомъ встрѣчаются въ рукописныхъ или печатныхъ памятникахъ, и притомъ съ указаніемъ этихъ послѣднихъ.

в. слова, извѣстныя только изъ сочиненій авторовъ.

5) Словарь долженъ заключать въ себѣ не одинъ лишь переводъ словъ съ малорусскаго нарѣчія на русскій языкъ, но также и примѣры важнѣйшихъ случаевъ употребленія ихъ, въ томъ или другомъ значеніи, въ пѣсняхъ, сказкахъ, поговоркахъ, загадкахъ и т. п., или въ произведеніяхъ письменной литературы; при чемъ, если примѣръ заимствованъ изъ произведеній устной или письменной словесности, долженъ быть указанъ и его источникъ.

6) Значенія словъ приводятся въ порядкѣ, соотвѣтствующемъ естественному развитію ихъ.

7) При начертаніи звуковъ малорусскаго нарѣчія составитель словаря имѣетъ послѣдовательно держаться одного правописанія.

Примѣчаніе. Пока малорусское правописаніе не опредѣлится прочнымъ образомъ, желательно, чтобы соблюдались слѣдующія правила: 1) мягкое *и* изображать черезъ *і*; 2) тамъ, гдѣ мягкій звукъ *и* не есть первоначальный или постоянный, а образовался изъ *о* или *е*, употреблять, по примѣру Максимовича, *ô, ŷ, ê*, напр. кôнь, коня; нêсъ, несу: лêталъ, лечу; 3) не писать вовсе буквы *ѣ*; равнымъ образомъ не писать *ы*, употребляя безразлично *и* въ тѣхъ случаяхъ, когда по-русски слышатся звуки *ы* и *и*, такъ какъ буквы *ы* и *и* произносятся малоруссами одинаково; 4) букву *э* также исключить изъ употребленія, мягкій же звукъ *е* означать буквою *е*.

8) Надъ каждымъ неодносложнымъ словомъ должно быть означаемо его удареніе, и ко всѣмъ словамъ просоединяемо ихъ грамматическое опредѣленіе.

9) За словарь, вполнѣ удовлетворяющій требованіямъ, изложеннымъ въ §§ 3—8, назначается первая премія въ 4000 рублей, съ накопившимися на нихъ процентами до 1891 года, когда былъ назначенъ первый срокъ для представленія словаря. Проценты, накопившіеся на сумму съ 1891 года по 1905 годъ, срокъ новаго конкурса, образуютъ вторую премію, которая присуждается за словарь, въ значительной степени удовлетворяющій выше изложеннымъ требованіямъ.

10) Словарь долженъ быть представленъ въ Академію чисто и четко переписанный, съ раздѣленіемъ, для практическаго удобства, на нѣсколько отдѣльныхъ частей.

11) Конкурсъ на представленіе словаря закрывается 1-го января 1905 года [1]); въ случаѣ, если къ тому сроку не будетъ представленно словаря, или представленный трудъ не будетъ одобренъ, Академія объявляетъ новый конкурсъ.

12) Если представленный словарь не будетъ удостоенъ которой либо изъ премій, то проценты на суммы, назначенныя для премій за время до новаго конкурса, присоединяются къ той, которая не выдана.

13) По присужденіи премій конкурсъ на ихъ соисканіе закрывается.

14) Если будетъ присуждена только первая премія, то конкурсъ на соисканіе второй преміи закрывается и сумма, назначенная на нее, вмѣстѣ съ процентами сохраняется въ Академіи до объявленія новаго конкурса.

15) Оцѣнка представленныхъ на конкурсъ словарей поручается Академіею особой комиссіи, состоящей изъ трехъ ученыхъ филологовъ, знатоковъ славянскихъ нарѣчій и въ особенности русскаго языка. Въ составъ этой комиссіи могутъ входить академики и посторонніе ученые, но во всякомъ случаѣ одинъ изъ ея членовъ непремѣнно долженъ быть чистый малоруссъ, усвоившій съ дѣтскихъ лѣтъ малорусское нарѣчіе.

16) Отчетъ о присужденіи премій Н. И. Костомарова читается въ торжественномъ годовомъ собраніи Академіи Наукъ 29-го декабря, черезъ годъ по представленіи словаря.

---

[1]) Новый конкурсъ утвержденъ Общимъ Собраніемъ Императорской Академіи Наукъ 4 мая 1902 года.

17) Печатаніе удостоеннаго преміи словаря производится на счетъ Академіи Наукъ, съ тѣмъ, чтобы первое его изданіе составляло ея собственность.

18) Дѣйствительные члены Императорской Академіи Наукъ не имѣютъ права на полученіе преміи Н. И. Костомарова.

Мелочи изъ архивовъ юго-западнаго края. 1) *Къ правамъ евреевъ на владѣніе крѣпостными и на государственную службу.* 16 августа 1828 года воспослѣдовалъ указъ правительствующаго Сената на имя кіевскаго военнаго губернатора, управляющаго и гражданскою частью, П. Ф. Желтухина 2-ого, по поводу возбужденнаго витебскимъ гражданскимъ губернаторомъ вопроса о дворовыхъ людяхъ доктора медицины, польскаго надворнаго совѣтника, еврея Левина Шпиръ, имѣвшаго королевскую грамоту на шляхетство.

По обнаруженіи того, что Шпиръ еврейскаго закона, приняты въ соображеніе конституціи 1496 и 1775 годовъ, и указы: ^{11}/хп 1800 г., ^{15}/vп 1801 г., ^{20}/п 1813 г.; ^{14}/п и ^{27}/ш 1819 г. и ^{22}/iv 1820 г., въ силу коихъ евреямъ не только запрещено имѣть въ своемъ владѣніи, или распоряженіи крестьянъ и дворовыхъ людей, но и не дозволено держать въ домахъ христіанъ для услугъ.

По поводу оказавшихся у Шпира дворовыхъ—незаконнорожденнаго мальчика и двухъ дѣвокъ—приказано: дѣвокъ вернуть помѣщику, предоставивъ Шпиру искать за нихъ удовлетворенія; мальчику же избрать родъ жизни, приписавшись къ какому-либо податному обществу.

При семъ случаѣ объявлялось во всеобщее свѣдѣніе, что евреи служить на гражданской государственной службѣ не могутъ.

Слѣдствіемъ указа явился рапортъ кіевскаго военнаго губернатора, коимъ доносилось правительствующему Сенату (одновременно сообщалось и въ министерство внутреннихъ дѣлъ), что въ губерніи на государственной службѣ состоитъ двое евреевъ, не принявшихъ христіанства: 1) Германъ Хайсъ—штабъ-лѣкарь въ Умани и 2) Бернардъ Розенбергъ—лѣкарь въ Липовцѣ.

—

2) *Скорбутъ и кровавый поносъ въ кіевской губерніи.* 16 апрѣля 1828 года кіевскій военный губернаторъ требуетъ отъ уманскаго ниж-

няго земскаго суда свѣдѣній о скорбутной болѣзни, появившейся въ уѣздѣ «въ такой силѣ, что заразившійся оною вскорѣ лишается зубовъ и наконецъ умираетъ».

Рапортъ гласитъ, что настоящей весной, между крестьянами уѣзда, особенно въ селеніяхъ графа Александра Потоцкаго, дѣйствительно открылся скорбутъ, сопровождающій здѣсь неурожаи и жестокія зимы (27-го года)... «во всѣхъ сего повѣта имѣніяхъ содержатся нарочитые для крестьянъ доктора и для больныхъ лазареты», къ чему добавлялось, что въ уѣздѣ, по селеніямъ, перемерло всего лишь по нѣсколько душъ «изъ древнихъ старцевъ, какъ обыкновенно каждаго году и вездѣ бываетъ».

Военный губернаторъ, симъ рапортомъ не удовлетворившись, пишетъ земскому суду, что, по имѣющимся у него свѣдѣніямъ *кромѣ старцевъ*, въ имѣніяхъ одного кіевскаго губернскаго маршала графа Тышкевича нынѣшнею весною умерло до 180 душъ, именно отъ скорбута (изъ числа 1149 д. м. п., составляющихъ населеніе с.с. Текуча, Шарино и Ропотуха, изъ коихъ послѣднія принадлежатъ графинѣ).

Тогда полиція занялась подсчетомъ и насчитала жертвъ болѣзни: 46 дѣтей, въ возрастѣ отъ 1 г. до 5 лѣтъ; средняго вѣка 39 душъ, а старѣе 50-ти лѣтъ—50 человѣкъ.

Въ семъ же году, въ радомысльскомъ повѣтѣ, въ теченіе іюня и іюля, объявился кровавый поносъ среди крестьянъ помѣщиковъ Оскерка и Галецкаго. Много ли жертвъ унесла болѣзнь,—изъ дѣла не видно.

—

3) *Санитарныя мѣры въ Черкассахъ въ 1828 г.* По выступленіи въ 1828 году изъ г. Черкассъ кавалеріи, квартировавшей здѣсь 30 лѣтъ, осталось накопленнаго навоза до 5000 подводъ при самомъ провіантскомъ магазейнѣ, отъ чего хранящемуся въ немъ провіанту угрожало принять дурной запахъ и испортиться.

Когда горожанамъ (мѣщанамъ и крестьянамъ) было приказано мѣстность очистить и навозъ увезти, то, въ виду лѣтняго рабочаго времени (2 іюля), обыватели взвыли, умоляя дать имъ въ помощь «людей изъ повѣта».

Прошеніе, поданное въ Кіевъ, признано неосновательнымъ, и городничему рекомендовано исполнить предписаніе въ точности.

16 августа городничій рапортовалъ:... «навозъ посредствомъ жителей г. Черкассъ вовся уже очищенъ».

—

4) *Заботы администраціи о предотвращеніи перекупокъ сельскихъ продуктовъ.* 11 августа 1823 г. кіевскій военный губернаторъ писалъ кіевскому городовому магистрату: «здѣшняя градская полиція доноситъ мнѣ, что занимающіесь продажею разныхъ съѣстныхъ продуктовъ торговцы, для пользы своей, всячески стараются не допущать на рынокъ привозящихъ въ городъ продукты, при самомъ въѣздѣ оныхъ перекупая всѣ припасы, и потомъ продаютъ на рынкѣ, увеличивая цѣны.

Хотя со стороны полиціи подтверждаемо было имъ, перекупщикамъ, воздержаться отъ непозволенной закупки, но они не исполнили того. А потому полиція рѣшилась, для взысканія съ нихъ, препроводить въ городовой магистратъ.

Вслѣдствіе сего подтверждаю городовому магистрату, дабы воздержать означенныхъ торговцевъ отъ перекупокъ продуктовъ, обратить строгое вниманіе на счетъ взысканія съ нихъ за показанный поступокъ.

Сообщ. **А. Мёрдеръ.**

Изъ прошлаго Полтавщины. *Переяславль, Константиноградъ, Пирятинъ, Золотоноша и ихъ повѣты сто лѣтъ назадъ* [1]).

I. *Переяславль.* Всѣхъ дворовъ въ городѣ было 931, а домовъ 969, изъ коихъ лишь одинъ каменный. Церквей, если считать двѣ кладбищенскихъ, было 10, изъ которыхъ три каменныхъ. Жителей было: муж. пола 2477 и женскаго 2510, всего 4987 д. Ремесленниковъ 214 человѣкъ. Ярмарокъ было 4, два дня въ недѣлю были базары. Цѣны на мясо: говядины фунтъ $3^1/_2$ к., свинины и баранины—2 к. О цѣнахъ на ягоды городничій сообщаетъ, что не могъ ни отъ кого узнать о нихъ. Арестованныхъ при полиціи было въ 1797 г. 108 чел., затѣмъ число ихъ съ каждымъ годомъ увеличивается и въ среднемъ до 1803 года ихъ бывало ежегодно около 150 человѣкъ. Подорожнихъ явлено было 250. Соль была нѣсколько дешевле, чѣмъ въ другихъ городахъ: пудъ ея стоилъ 56 к., но была и 90 к., вѣроятно высшій сортъ, такъ называемая «бѣлозерка».

Въ городѣ былъ второклассный монастырь, съ каменною церковью и колокольнею. Очевидно, рѣчь идетъ о Вознесенскомъ мона-

---

[1]) См. „Кіев. Стар.“. 1902 г., №№ 7–8 и 9.

стырѣ. Монаховъ въ немъ было 15 человѣкъ. Этотъ монастырь владѣлъ и крестьянами—муж. пола 164 д. и женскаго 146. Да и городъ Переяславъ, подобно Полтавѣ, имѣлъ магистратскихъ крестьянъ: 174 муж. пола и 146 жен. пола. Въ городѣ числилось евреевъ 134 муж. пола и 105 женскаго.

Въ повѣтѣ всѣхъ, платящихъ подати, было 46844 д. и наиболѣе изъ нихъ было козаковъ—22264 ч., а затѣмъ помѣщичьихъ крестьянъ—18149 ч. Евреевъ въ уѣздѣ было 493, купцовъ всего 6, мѣщанъ 879. Церквей въ уѣздѣ было 81, изъ нихъ двѣ каменныхъ. Священнослужителей 122 чел., а церковнослужителей 109 чел. Въ уѣздѣ дьячки занимались обученіемъ грамотѣ. Въ двухъ только селахъ было по 4 церкви—Борисполѣ и Барышевкѣ. «Генералитетъ» и штабъ-офицеры имѣли всего въ повѣтѣ 16 имѣній. У графа С. П. Румянцева былъ каменный домъ (въ Ташани)—единственный въ уѣздѣ. Ярмарки въ уѣздѣ были: въ Борисполѣ (4), Воронькахъ (2) и Тепловкѣ (4). Вѣтряныхъ мельницъ было 1113, водяныхъ 85, винокуренъ 111, пивоварня всего одна.

—

II. *Константиноградъ*. Площадь города занимала 42 дес. 275 саж., дворовъ было 151, лавокъ 32. Церквей было всего 2 и обѣ каменныя. Жителей было менѣе, чѣмъ во всѣхъ другихъ городахъ,—всего 1402 ч., изъ нихъ муж. 731, а женщинъ 671. Ремесленниковъ 90 чел. Ярмарокъ было 5. Ягоды были дешевле, чѣмъ въ другихъ городахъ: ведро вишенъ 15 к., а сливъ 12—16 к. Дешева была и соль, пудъ которой можно было купить за 40 к. (доходила иногда и до 80 к.). Въ городѣ проживалъ врачъ («штабъ-лѣкарь»), вѣроятно, изъ отставныхъ военныхъ. Купцовъ было 95 ч., евреевъ муж. пола 151, женскаго 145 д.

Въ повѣтѣ всѣхъ платившихъ подати было 34734 д., наиболѣе было помѣщичьихъ крестьянъ—24077 д., а затѣмъ воинскихъ поселянъ—5244 д. Этихъ поселянъ мы встрѣчаемъ еще въ кобелякскомъ уѣздѣ, гдѣ ихъ было 5872 д., а больше не было ихъ ни въ одномъ уѣздѣ. Волостей было 4 и одно старостство. Церквей въ повѣтѣ было 39, изъ нихъ одна каменная; священнослужителей было 41, а церковнослужителей 53. Въ уѣздѣ не было евреевъ. Нижній земскій судъ поименовываетъ цѣлый рядъ поселковъ и хуторовъ, обратившихся въ села черезъ постройку въ нихъ церквей, начиная съ 1782 года; именно: Лебяжье (1782 г.), Николаевка (1782 г.) Зачепиловка (1783), Поповка (1793 г.), Орчикъ-Чернечина (1799 г.), Семеновка (1782), Покров-

ское (1783), Медвѣдовка (1784 г.), Красногорка (1788), Ивановка (1793), Власовка (1795), Елисаветовка (1797). Надеждино (1782 г.).

Вѣтряныхъ мельницъ въ уѣздѣ было 368, «просотолочныхъ»—42 (не было такихъ ни въ одномъ изъ другихъ уѣздовъ), водяныхъ—16, пивоварня 1, винокуренъ—35. Въ уѣздѣ было 8 заводовъ шліонскихъ овецъ и два—голландскаго рогатаго скота.

Ярмарки были въ мѣстечкахъ: Нехворощѣ (3), Карловкѣ (4), и въ селахъ: Рясскомъ (3), Лебяжьемъ (1), Зачепиловкѣ (3). Нижній судъ доноситъ, что фруктовыхъ садовъ въ повѣтѣ не имѣется и «никто не разводитъ». Не было также ни «оранжерей, ни капеллій». Въ имѣніяхъ Разумовскаго (Кирилполье) и въ селѣ Берестенькѣ добывался «дикій камень». Лѣсовъ въ уѣздѣ почти не было; строевой лѣсъ былъ лишь у подполковника Кочубея, при селѣ Писаревкѣ, и у кол. ассесора Чунихина.

Въ 1802 году, 24 октября, въ этомъ повѣтѣ, какъ и въ нѣсколькихъ другихъ, замѣчено было «сполдня во второмъ часу не болѣе трехъ минутъ земли трясеніе и колебаніе. однако оттого никому никакого вреда не послѣдовало». Въ сообщеніи земскаго суда есть упоминаніе о старинной Украинской линіи, именно, что она простирается въ чертѣ повѣта на протяженіи 105 верстъ и что на ней имѣется 23 редута и 8 крѣпостей, но всѣ они «ничѣмъ не застроенныя».

—

III. *Пирятинъ*. Городъ занималъ площадь въ 386 дес. Дворовъ въ немъ было 171. Церквей три деревянныхъ и одна каменная. Число жителей 4641 д., изъ нихъ муж. пола 2174, а женскаго 2467 д. Ремесленниковъ 110. Купцовъ было 20 ч. и объявлено было капиталовъ на 8160 р. Врачей было 3. Ярмарокъ 4 и явлено было подорожныхъ 80—95. Цѣны на продукты были тѣ же, что и въ другихъ городахъ того времени. Арестованныхъ при полиціи въ среднемъ ежегодно, начиная съ 1797 года, было около 80 человѣкъ.

Платящихъ подати въ повѣтѣ было 43050 ч., изъ коихъ помѣщичьихъ крестьянъ 29427 (болѣе этого числа было только въ Прилукскомъ повѣтѣ). Козаковъ числилось 10317 ч., купцовъ 20, евреевъ 99. «Генералитета въ повѣтѣ нѣтъ», сообщаетъ нижній земскій судъ но имѣній штабъ-офицеровъ было 115 (болѣе чѣмъ въ другихъ уѣздахъ). Нѣтъ ни капеллій, ни каменныхъ домовъ. Всѣхъ церквей въ повѣтѣ было 62, священнослужителей 70, церковнослужителей 124 ч. Вѣтряныхъ мельницъ было 419, водяныхъ 67, винокуренныхъ заво-

довъ 61, пивоваренъ—9. Ярмарки были только въ Яготинѣ (4) и Тепловкѣ (2). Въ Яготинѣ, принадлежавшемъ тогда А. Разумовскому, разводились шелковичные черви, но въ небольшомъ количествѣ.

—

IV. *Золотоноша.* Величину площади этого города городничій не могъ точно опредѣлить. Всѣхъ домовъ было здѣсь 731, лавокъ 22, церквей 4. Число жителей: муж. пола 2174, женскаго 2467, а всего 4641 ч. Ремесленниковъ было 110. Цѣны на продукты: четверть ржи отъ 1 р. 10 к. до 1 р. 20 к., овса 80—90 к., а въ 1803 году цѣна доходила до 1 р. 60 к. и 1 р. 95 к., вѣроятно, по случаю неурожая. Мясо $2^1/_2$ к. фунтъ, соль 60—70 к. пудъ, ягоды (вишни и сливы) отъ 20 к. до 30 к. ведро. Ярмарокъ было 4; въ теченіе недѣли былъ одинъ базарный день. Арестованныхъ при полиціи было въ среднемъ, начиная съ 1797 года по 1803 г. включительно, болѣе 150 ч. ежегодно. Купцовъ въ городѣ было 9 ч. и объявленныхъ капиталовъ было на сумму 4075 р. Евреевъ было 188, а женскаго пола 333 д. (вѣроятно, ошибка въ сообщеніи городничаго). Врачей въ городѣ было 3. Была и богадѣльня, но кѣмъ она устроена—городничій не сообщаетъ; вѣроятно, это былъ старинный «шпиталь».

Всѣхъ платившихъ подати въ повѣтѣ было 53029 ч., изъ которыхъ наиболѣе было козаковъ—25437 ч., а затѣмъ помѣщичьихъ крестьянъ—23607 ч. Купцовъ въ уѣздѣ было 9, а мѣщанъ 823 ч., евреевъ-купцовъ—45 ч. (болѣе, чѣмъ въ другихъ уѣздахъ, а всего въ уѣздахъ губерніи того времени ихъ было 82 ч.) и евреевъ-мѣщанъ 188 ч. Волостей было 9. Церквей всѣхъ было 79, священнослужителей 92, церковнослужителей 71 ч. Въ Красногорскомъ женскомъ монастырѣ было штатныхъ монахинь 11, заштатныхъ 6. Вѣтряныхъ мельницъ было 623, водяныхъ 118, пивоваренъ 6, винокуренныхъ заводовъ 48. Помимо этого было въ уѣздѣ 13 конныхъ заводовъ, 13 заводовъ для разведенія рогатаго скота, 13—для шліонскахъ овецъ и 6 солодовныхъ заводовъ. Капеллія музыкантовъ была только у Неплюева, въ Чернобаевской волости.

Ярмарки были: въ Гельмязевѣ (4), Городищѣ (4), Жовнинѣ (2), Еремѣевкѣ (3), Крапивнѣ (2), Николаевкѣ (4), Васютинцахъ (4), Богодуховкѣ (3), Чернобаяхъ (4) и В. Хуторѣ (2). (Арх. Полт. губ. Правленія, по описи № 200).

И. Ф. Павловскій.

Къ біографіи П. П. Чубинскаго. *(Пребываніе его въ Архангельскѣ).* Пользуемся случаемъ, чтобы помѣстить сообщенныя намъ жителемъ г. Архангельска свѣдѣнія о времени пребыванія въ этомъ городѣ Павла Платоновича Чубинскаго, такъ хорошо извѣстнаго въ нашемъ краѣ, благодаря его капитальнымъ трудамъ по малорусской этнографіи. *Ред.*

Павелъ Платоновичъ Чубинскій, прожившій, какъ извѣстно, нѣсколько лѣтъ въ отдаленной отъ центра просвѣщенія архангельской губерніи, принадлежалъ къ числу тѣхъ личностей, которыхъ судьба случайно забрасывала иногда сюда, какъ-бы въ пополненіе крайняго недостатка здѣсь, въ особенности въ то время, (въ началѣ 60-хъ годовъ), людей просвѣщенныхъ и способныхъ поработать на пользу края. И дѣйствительно, окончивъ С.-Петербургскій университетъ со степенью кандидата правъ, П. П. попалъ въ арханг. губ. невольно, такъ какъ былъ высланъ сюда подъ надзоръ полиціи въ концѣ 1862 г.— Замѣтивъ въ немъ человѣка одареннаго богатыми способностями, бывшій тогда губернаторъ испросилъ разрѣшеніе на допущеніе его на службу и въ началѣ января 1863 г. назначилъ къ исправленію должности судебнаго слѣдователя въ г. Пинегу, а затѣмъ въ октябрѣ того же года вызвалъ въ Архангельскъ на должность секретаря статистическаго комитета, а затѣмъ вскорѣ онъ былъ избранъ и въ члены комитета. Съ этого то времени и начинается та плодотворная дѣятельность П. П., полная энергіи и научныхъ пріемовъ въ изученіи края, которая не покидала его въ теченіе всего 5-ти лѣтняго пребыванія въ Архангельскѣ. Въ ноябрѣ 1864 г. послѣдовало избраніе новаго товарища предсѣдателя комитета—преподавателя мѣстной гимназіи Г. О. Минейко, человѣка весьма просвѣщеннаго и очень дѣятельнаго. Тогда совмѣстные труды П. П. Чубинскаго и Г. О. Минейко, а также и тѣхъ сотрудниковъ изъ мѣстныхъ лучшихъ силъ, которыхъ они умѣли привлечь и воодушевить своимъ примѣромъ, выдвинули архангельскій статистич. комитетъ изъ избитой оффиціальной колеи на почетное мѣсто среди другихъ комитетовъ и обратили на него вниманіе многихъ ученыхъ обществъ. Въ празднованіе 20-ти лѣтняго юбилея означеннаго товарища предсѣдателя (1864—1884 г.), Г. О. Минейко въ отвѣтной рѣчи на высказанныя ему привѣтствія, отодвигая на задній планъ свои заслуги и приписывая ихъ сотрудникамъ, между прочимъ сказалъ: «конечно, самый главный трудъ раздѣляли секретари; другу и товарищу моему Чубинскому, принявшемуся за

дѣло съ свѣжими силами, съ громаднымъ запасомъ энергіи и съ настоящимъ увлеченіемъ, принадлежитъ первый починъ въ этой плодотворной дѣятельности. Способности же его и дарованія, признанныя кромѣ нашего комитета разными учеными обществами, сохранили за нимъ извѣстное имя въ нашей литературѣ». Такимъ образомъ не подлежитъ сомнѣнію, что за Чубинскимъ должна быть признана иниціатива созданія и организаціи статистики въ сѣверномъ краѣ на широкихъ и научныхъ началахъ.

Упомяну о нѣкоторыхъ болѣе крупныхъ трудахъ Павла Платоновича: въ первое же время по назначеніи секретаремъ, съ цѣлію привлеченія сотрудниковъ по собиранію матеріаловъ для описанія губерніи, имъ были составлены и комитетомъ изданы программы: статистическая, этнографическая, обычнаго права и нѣсколько позднѣе географическо-естественно-историческая; затѣмъ онъ составилъ: статистическо-этнографическій очеркъ Корелы, статистику рожденій, браковъ и смертности въ г. Архангельскѣ за 10 лѣтъ и по уѣздамъ и городамъ за 5 лѣтъ; обзоръ главнѣйшихъ ярмарокъ архан. губ., солеваренія, колонизаціи мурманскаго берега, о хлѣбной производительности и торговлѣ въ бассейнѣ С. Двины, изслѣдованіе Печорскаго края, на основаніи личнаго объѣзда Запечорья, въ экономическ., этнограф. и географич. отношеніяхъ и проч. Вообще, во время состоянія П. П. секретаремъ, въ статистич. комитетѣ было поднято много вопросовъ и задачъ съ цѣлію раскрытія и развитія экономическихъ силъ края.—Кромѣ трудовъ по комитету онъ состоялъ членомъ-корреспондентомъ императорскаго московск. общ. сельск. хозяйства и сотрудникомъ императорскихъ вольнаго экономич и русскаго географ. обществъ. Отъ послѣдняго онъ удостоенъ былъ въ 1868 году серебряной медали.

Наконецъ, 14 января 1869 г., съ разрѣшенія г. министра вн. д. и по вызову географическаго общества, П. П. выѣхалъ въ Петербургъ для личныхъ объясненій по поводу представленнаго имъ отчета о хлѣбной и льняной производительности и торговлѣ въ сѣв. краѣ и затѣмъ болѣе въ Архангельскъ не возвращался, такъ какъ въ началѣ марта, съ Высочайшаго разрѣшенія, былъ освобожденъ изъ подъ надзора полиціи.

Вотъ краткій очеркъ дѣятельности Чубинскаго въ арх. губ. съ оффиціальной и обществ. стороны. Что же касается его частной жизни, знакомствъ, общительности, отношеній къ окружающей средѣ, то, къ сожалѣнію, я не могъ собрать объ этомъ болѣе или менѣе достовѣр-

ныхъ свѣдѣній, такъ какъ изъ современниковъ его, могшихъ быть съ нимъ знакомыми, почти никого не осталось: многіе уже умерли, а бо́льшая часть, какъ пришлая, выѣхала изъ Архангельска. Я же лично зналъ П. П. лишь весьма короткое время, между постоянными моими служебными разъѣздами, когда онъ находился въ Пинегѣ, и помню его, какъ человѣка гуманныхъ и либеральныхъ взглядовъ, авторитетно вліявшаго на провинціальную среду. Помню также, что нѣкоторые находили несимпатичнымъ его нѣсколько вспыльчивый характеръ и безцеремонное, насмѣшливое обращеніе при спорахъ; вообще же онъ казался человѣкомъ добрымъ, склоннымъ къ участію и помощи ближнему.

П. Іевлевъ.

Г. Архангельскъ, май 1902 г.

Мова старшыны до громады. Подъ такимъ заглавіемъ мы нашли напечатаннымъ въ 1854 г., въ моментъ начала Крымской кампаніи, въ «Кіевскихъ Губерн. Вѣдом.» (№ 21) малорусское стихотвореніе, подписанное *Ос. М.* Стихотвореніе это ни по красотамъ образовъ, ни по языку, ни по складу стиха не можетъ быть причислено къ удачнымъ, но оно есть свидѣтель того настроенія, которое переживалось извѣстной частью общества въ періодъ военныхъ событій Крымской кампаніи, когда такой оффиціальный органъ, какъ Губерн. Вѣдом., свободно открывали свои страницы для малорусской музы. И это не единственный примѣръ, т. к. въ тѣхъ же «Кіев. Губ. Вѣд.» печатались подобныя же стихотворенія и Ф. С. Морачевскаго, переводчика Св. Писанія на малорусскій языкъ (см. Кіев. Стар., № 9, отд. Извѣст. и замѣтокъ). Чтобы не затерялось это стихотвореніе *Ос. М.* для библіографовъ, мы перепечатываемъ его, т. к. гдѣ искать теперь «Кіев. Губ. Вѣд.» за полвѣка назадъ. Кстати, можетъ быть кто-нибудь изъ библіографовъ раскроетъ и имя автора этого стихотворенія.

Чы вы чулы те, громадо,
Що Пранцузъ изновъ здуривъ,
Въ пекли зъ Туркомъ робывъ раду
И тамъ винъ осатанивъ.
Англычанынъ тежъ самее:
Першъ зъ Пранцузомъ побратавсь,
Потимъ зъ Туркомъ якъ зъ риднею.
Дуже, дуже винъ обнявсь.

Що жъ се буде, кажить люде,
Будь хто ласкавъ—розмиркуй!
Завсигда врагъ врагомъ буде,
Хоть якъ ёго не шануй.

Зъ невирямы воны сталы
Протывъ Хрыста войовать,
Мабудь зъ глузду позйизжалы,
Бильше ничого сказать.

Отъ до чого доучылысь,
Що ажъ соромъ говорыть:
Зъ Туркомъ вмисти показылысь,
Щобъ ввесь свитъ тымъ одурыть.

Нехай Турку губы мажуть—
Якъ то винъ ихъ обитре;
Побачымо, якъ-то кажуть,
Хто кому кабакы втре!

О, Пранцузы! вамъ знакоми
Наши спысы и штыкы
И гарматывъ нашыхъ громы
Далысь добре вамъ въ знакы.

Зъ вашымъ дядькомъ—велыканомъ
Весь народъ нашъ войовавъ,
Щожъ зробылось? Винъ буть паномъ
Поневоли переставъ.

Що тутъ зъ правдою ховатысь,
Хоть винъ намъ и насолывъ,
Но мусивъ розперезатысь,
Бо жывотомъ заболивъ.

А вы, поселянське кодло,
И вы здумалы дурить,
И вы здумалы негодно
Зъ басурманомъ задружыть.

Мы, думаете, не знаемъ,
Що въ васъ въ носахъ мухы йе,
То й мы способъ пошукаемъ
Вамъ видцаты за свое.

Наши шабли гостри дуже:
Йе гострійши одъ косы,
Такъ намъ про васъ и байдуже,
Ховайте свои носы.

Текущія извѣстія.

Къ вопросу о поднятіи нашей сельскохозяйственной промышленности. Общій интересъ возбужденъ теперь въ читающей публикѣ совѣщаніями уѣздныхъ и губернскихъ комитетовъ по вопросу о поднятіи нашей сельскохозяйственной промышленности. Въ виду неокончанія занятій комитетовъ, мы ограничимся пока лишь краткимъ изложеніемъ хода текущихъ работъ въ нихъ и тѣхъ ближайшихъ выводовъ и заключеній, къ которымъ приводятъ свѣдѣнія, проникшія о нихъ въ газеты.

Начнемъ съ того, что къ половинѣ сентября мѣсяца, нѣкоторые изъ уѣздныхъ комитетовъ, еще не начали своихъ занятій, обнаруживъ, такимъ образомъ, довольно индифферентное отношеніе къ подлежащимъ ихъ обсужденію серіознымъ вопросамъ. Въ то же время нѣкоторые изъ уѣздныхъ комитетовъ отнеслись къ возложенной на нихъ обязанности съ чрезвычайнымъ интересомъ и обстоятельностью; изъ числа лѣвобережныхъ комитетовъ въ особенности это можно сказать о лохвицкомъ уѣздномъ комитетѣ, затронувшемъ въ своихъ засѣданіяхъ массу самыхъ существенныхъ вопросовъ народной жизни и въ частности сельскохозяйственной промышленности.

Однимъ изъ главныхъ выводовъ, къ которымъ пришли нѣкоторые, наиболѣе дѣятельные комитеты, является выводъ, что причины упадка сельскохозяйственной промышленности кроются въ общихъ условіяхъ сельскохозяйственной дѣятельности населенія, обусловливаются общимъ неблагопріятнымъ устройствомъ деревни, вслѣдствіе чего существующіе недочеты сельскохозяйственной промышленности не могутъ быть устранены какими-либо отдѣльными мѣропріятіями частнаго характера. Одною изъ важныхъ причинъ современнаго упадка сельскохозяйственной промышленности является, по мнѣнію большинства комитетовъ, дѣйствующая финансовая система, сводящаяся къ покро-

вительству обрабатывающей промышленности въ лицѣ сравнительно небольшой группы капиталистовъ, и выражающаяся при томъ въ высокомъ развитіи всякаго рода «акцизовъ» и вообще косвенныхъ налоговъ на предметы первой необходимости. Лежащія на землѣ высокія податныя тяжести стоятъ въ противорѣчіи съ недостаточностью надѣловъ и крестьянское малоземелье давно уже достигло предѣловъ, требующихъ спеціальныхъ мѣръ по снабженію крестьянъ землею при содѣйствіи крестьянскаго банка, разселенію ихъ на свободныхъ казенныхъ земляхъ и т. п. Необходимы общія мѣры, направленныя къ улучшенію экономическаго быта сельскаго населенія, но принимаемыя въ этомъ отношеніи мѣры могутъ достичь своей цѣли только при условіи подъема общаго культурнаго развитія сельскаго населенія, косность и неразвитость котораго дѣлаетъ его невосприимчивымъ къ прогрессу въ экономическомъ отношеніи, неспособнымъ воспользоваться проводимыми улучшеніями и реформами, разобраться во все болѣе осложняющихся соціально-экономическихъ условіяхъ. На это указываютъ даже представители земскихъ губерній, не говоря уже о членахъ комитетовъ неземскихъ губерній, гдѣ народное образованіе стоитъ на болѣе низкомъ уровнѣ развитія. Нѣкоторые, напр., изъ уѣздныхъ комитетовъ кіевской губ. (каневскій, липовецкій и др.) необходимость самой широкой постановки дѣла народнаго образованія и всеобщаго обученія, поставили во главу тѣхъ мѣропріятій, которыя они считаютъ безусловно необходимыми для подъема сельскаго быта. Намъ думается даже, что только общій подъемъ дѣла народнаго образованія можетъ служить гарантіей противъ такихъ изъ ряда вонъ выходящихъ явленій крестьянскихъ смутъ и волненій, которыя недавно имѣли мѣсто въ харьковской и полтавской губ., и которыя въ значительной мѣрѣ обусловлены были безпросвѣтною темнотою народной массы, нуждающейся въ знаніяхъ, которыя только и могутъ успѣшно распространяться при помощи книгъ, издаваемыхъ въ общедоступномъ изложеніи на вполнѣ понятномъ простому человѣку родномъ языкѣ. Небезынтересно также отмѣтить настоятельно выраженныя нѣкоторыми изъ нашихъ неземскихъ комитетовъ пожеланія о введеніи земства въ возможно широкомъ видѣ съ выборными губернскими и уѣздными собраніями и управами и объ уравненіи правъ крестьянъ съ другими сословіями. Короче говоря, мѣстные комитеты въ большинствѣ случаевъ сошлись во взглядахъ на въ высокой степени важное значеніе сельскохозяйственной промышленности и на настоятельную необходи-

мость принятія серіозныхъ мѣръ къ улучшенію быта сельскаго населенія, направленныхъ къ общему подъему его экономическаго и культурнаго развитія.

При этомъ, во время сужденій по даннымъ вопросамъ, сказалась довольно замѣтно разница между комитетами неземскихъ и земскихъ губерній. Въ то время какъ комитеты послѣднихъ подходили къ поставленной имъ задачѣ выясненія нуждъ сельскохозяйственной промышленности и намѣченія мѣръ къ ея улучшенію, большею частью во всеоружіи заранѣе собранныхъ статистическихъ данныхъ, долголѣтняго опыта, наблюденій и выводовъ, пріобрѣтенныхъ за многіе годы сознательной и планомѣрной земской самодѣятельности, комитеты неземскихъ губерній могли руководствоваться въ своихъ сужденіяхъ только разрозненными личными знаніями и мнѣніями отдѣльныхъ своихъ членовъ, что нерѣдко придавало ихъ совѣщаніямъ узко практическій и по преимуществу технической характеръ, устраняющій болѣе широкую постановку и разработку подлежавшихъ обсужденію вопросовъ.

Если несмотря на такое преимущество въ положеніи и составѣ комитетовъ земскихъ губерній, мы встрѣчаемся все-таки съ такими заявленіями, какія сдѣланы были въ этихъ комитетахъ, напр., предсѣдателемъ суджанской уѣздной земской управы кн. Долгоруковымъ и херсонскимъ губернаторомъ В. А. Левшинымъ о желательности «чтобы составъ комитета соприкасался съ возможно большимъ кругомъ лицъ, могущихъ такъ или иначе принести пользу дѣлу и принять участіе въ его трудахъ», то это служитъ лишь вящимъ доказательствомъ необходимости возможнаго расширенія состава комитетовъ въ неземскихъ губерніяхъ. Вполнѣ понятно поэтому, что уже въ первомъ засѣданіи кіевскаго губернскаго комитета предсѣдателемъ его былъ возбужденъ вопросъ о необходимости участія въ комитетѣ «въ качествѣ свѣдущихъ лицъ *людей отъ земли*». Намъ страннымъ только кажется, почему, согласившись съ этимъ симпатичнымъ и полезнымъ предложеніемъ своего предсѣдателя, губернскій комитетъ постановилъ, что уѣздные комитеты могутъ пригласить «не болѣе (!) трехъ свѣдущихъ лицъ отъ каждаго уѣзда». Намъ кажется, наоборотъ, что возможно широкое приглашеніе свѣдущихъ лицъ, знающихъ край, мѣстныя условія и нужды мѣстнаго населенія, во многихъ случаяхъ могло бы оказаться гораздо полезнѣе участія, такъ наз. на чиновномъ языкѣ, «начальниковъ отдѣльныхъ частей», нерѣдко по самымъ условіямъ своей службы болѣе

знакомыхъ съ канцелярскими порядками своихъ учрежденій, чѣмъ съ бытомъ и нуждами сельскаго населенія своей губерніи или уѣзда. Не зная, чѣмъ объяснить эту цыфру три, установленную какъ предѣлъ числа свѣдующихъ лицъ въ каждомъ комитетѣ, не можемъ не отмѣтить того обстоятельства, что, повидимому, такую же роль играетъ эта цифра и въ составѣ свѣдущихъ лицъ губернскаго комитета, куда въ качествѣ таковыхъ приглашены только три профессора: гг. Богдановъ, Вагнеръ и Слезкинъ. Можно думать, что рядомъ съ этими тремя профессорами сельскаго хозяйства и зоологіи, было бы небезполезно участіе въ совѣщаніяхъ комитета также и профессоровъ скотоводства и сельскохозяйственной статистики. Думается также, что нѣкоторую долю пользы могло бы принести и приглашеніе лицъ, по своему служебному положенію близко стоящихъ къ сельскому населенію и его нуждамъ, какъ то, чиновъ податной инспекціи, членовъ и представителей отдѣленій дворянскаго и другихъ земельныхъ банковъ, какъ лицъ непосредственно соприкасающихся съ нуждами помѣстнаго сословія и членовъ и предсѣдателей отдѣленій крестьянскаго банка, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ мѣстнымъ крестьяскимъ нуждамъ.

Рядомъ со всѣмъ этимъ не можетъ быть обойденъ молчаніемъ также и вопросъ о приглашеніи въ уѣздные комитеты свѣдущихъ лицъ изъ среды крестьянъ. Вопросъ объ ихъ приглашеніи дебатировался даже въ нѣкоторыхъ изъ комитетовъ земскихъ губерній и—надо замѣтить кстати—тамъ, гдѣ этотъ вопросъ рѣшенъ былъ утвердительно, участіе крестьянъ принесло несомнѣнную пользу указаніемъ ими такихъ сторонъ жизни и такихъ мѣстныхъ нуждъ, на которыя, до ихъ заявленія, не было обращено надлежащаго вниманія интеллигентными членами комитетовъ. Участіе крестьянъ въ качествѣ свѣдущихъ лицъ въ составѣ комитетовъ неземскихъ губерній тѣмъ болѣе желательно, что при отсутствіи сколько-нибудь вѣрныхъ статистическихъ данныхъ о положеніи населенія, при отсутствіи земства и земскихъ работниковъ, дѣятельность которыхъ сводится къ выясненію нуждъ населенія и неизбѣжно даетъ извѣстный запасъ данныхъ объ условіяхъ его жизни, при разрозненности, наконецъ, интересовъ частныхъ землевладѣльцевъ и крестьянъ, имѣется полная необходимость услышать голосъ самихъ крестьянъ объ ихъ нуждахъ. Возраженіемъ противъ ихъ участія обыкновенно служитъ указаніе на то, что, находясь въ чуждой средѣ и обстановкѣ, они будутъ стѣсняться высказываться по обсуждаемымъ вопросамъ. Но, во первыхъ, не всѣ же они безтолковы и

неразвиты—можно выбрать и болѣе толковыхъ, грамотныхъ, самостоятельныхъ и т. п., во вторыхъ, въ крайнемъ случаѣ подобная попытка можетъ только не принести дѣлу пользы, но отнюдь не можетъ повредить ему чѣмъ бы то ни было. А услышать голосъ человѣка взятаго въ полномъ смыслѣ слова «отъ земли»—только бы онъ заговорилъ, хотя бы и своимъ простымъ «суконнымъ» языкомъ—было бы, (какъ и оказалось уже изъ опыта нѣкоторыхъ комитетовъ земскихъ губерній) и полезно и поучительно.

Вотъ объ этомъ то желательномъ составѣ губернскихъ и уѣздныхъ комитетовъ мы и хотѣли въ настоящей замѣткѣ сказать нѣсколько словъ, отлагая подробный обзоръ результатовъ занятій комитетовъ до слѣдующаго раза.

Л. С. Л.

Артель „Книжный Міръ“. Растущая съ каждымъ днемъ въ различныхъ слояхъ нашего общества потребность въ знаніи, повсемѣстное открытіе просвѣтительныхъ учрежденій, школъ, библіотекъ и читаленъ породили невѣдомый до сихъ поръ у насъ спросъ на книгу. На книжный рынокъ выбрасывается масса новыхъ книгъ, разобраться въ которыхъ обыкновенному читателю нѣтъ возможности. Изданія библіографическаго характера не могутъ вполнѣ удовлетворять этому назначенію. Артель «Книжный Міръ» и поставила своей задачей придти на помощь читателямъ и облегчить доступъ лучшимъ произведеніямъ печати въ различные слои общества. Во главѣ артели стоитъ близкій помощникъ Н. В. Левицкаго по организаціи артелей, С. Громанъ. Для достиженія намѣченныхъ цѣлей артель:

1) въ лицѣ своихъ многочисленныхъ интеллигентныхъ сотрудниковъ стремится войти повсемѣстно въ непосредственное живое общеніе съ читающей публикой и, для ближайшаго ознакомленія ея съ различными изданіями, снабжаетъ своихъ сотрудниковъ проспектами, образцами и даетъ книги на просмотръ;

2) принимаетъ заказы на всѣ книги и вообще печатныя и художественныя произведенія;

3) составляетъ смѣты и каталоги для домашнихъ, школьныхъ, народныхъ и общественныхъ библіотекъ и читаленъ и доставляетъ эти библіотеки на льготныхъ условіяхъ по соглашенію;

4) безплатно даетъ отвѣты на всѣ запросы, касающіеся книжнаго и издательскаго дѣла и составляетъ подборъ книгъ для систематическаго чтенія по различнымъ программамъ и спеціальнымъ вопросамъ;

5) представляетъ провинціальнымъ заказчикамъ возможность получить почти всякую книгу по номинальной цѣнѣ ея, безъ оплаты дорого стоющей для нихъ пересылки;

6) предоставляетъ заказчикамъ возможность пользоваться весьма льготными условіями разсрочки и кредита на получившія широкую извѣстность превосходныя изданія товариществъ «Просвѣщеніе», «Общественная Польза», «Брокгаузъ-Ефронъ», «Знаніе», «Скирмунта», «Всходы» и др. («Харк. Вѣд.» № 229).

Полезныя изданія для народа. Медицинскимъ департаментомъ министерства внутреннихъ дѣлъ впервые вносится въ смѣту будущаго года извѣстная сумма на выдачу премій и субсидій на изданіе общедоступныхъ книгъ и брошюръ съ цѣлью распространенія въ народѣ полезныхъ свѣдѣній по гигіенѣ и борьбѣ съ нѣкоторыми инфекціонными болѣзнями. Желательно, чтобы изданія эти и по языку приноровлены были къ условіямъ быта данной мѣстности, примѣръ чему былъ данъ нѣкоторыми медицинскими брошюрками, изданными на малорусскомъ языкѣ по порученію Кіевской врачебной инспекціи въ прошломъ году.

Интересный опросъ. Выясненіемъ довольно интереснаго и не для однихъ только этнографовъ вопроса о томъ, какъ называть полтавскихъ крестьянъ—«хохлами» ли, малороссами или козаками—занялся Л. В. Падалка, представившій въ харьковскій археологическій съѣздъ интересный рефератъ: «Что сказалъ народъ полтавской губерніи относительно своего быта?».

Рефератъ явился результатомъ опроса, произведеннаго посредствомъ 192 корреспондентовъ-изслѣдователей. Въ числѣ этихъ, корреспондентовъ большій процентъ—25% составляли козаки, затѣмъ шли священники 20,7%, крестьяне 16,7%, народные учителя 15,2%, отставные солдаты 7,8%, дворяне 5,7%, волостные писаря 3,7%, прочіе 5,2%.

По сообщенію огромнаго большинства корреспондентовъ, *основное* населеніе полтавской губерніи не знаетъ своего собственнаго имени... Повсемѣстно распространено лишь частное обозначеніе: «козаки» и «мужики». Такъ и говоритъ населеніе въ дѣловомъ разговорѣ. «Русскіе» («руськи»), по сообщенію корреспондентовъ,—названіе, не соотвѣтствующее дѣйствительности, что и сознается населеніемъ. «Хохлы»—насмѣшливое прозвище, «малороссы»—названіе книжное и мало знакомое народу. Малороссами называютъ себя только учившіеся въ школахъ. Спорадически встрѣчается названіе населенія «запорожскимъ поколѣніемъ». Наиболѣе распространено среди населенія прозвище «хохолъ», часто принимаемое съ обидой, какъ бранное слово. Старинная «чуприна»,—сообщаетъ корреспондентъ изъ Хмѣлова,—насмѣшливо приравнивалось къ шишкѣ пѣтуха—«хохлынѣ»—отсюда и прозвище «хохолъ». («Кіев. Газ.», № 236).

Университетъ и „санкюлоты“. Археологическій съѣздъ въ Харьковѣ имѣлъ выдающійся успѣхъ. Едва ли не одной изъ важнѣйшихъ его заслугъ нужно признать то обстоятельство, что онъ сумѣлъ вызвать громадный, безпримѣрный у насъ интересъ къ предметамъ старины въ тѣхъ слояхъ общества, въ какихъ, казалось, менѣе всего можно было его ожидать, т. е. въ слоѣ простого народа. Вслѣдъ за мѣстною печатью, отмѣтившею этотъ въ высшей степени интересный фактъ, мы также останавливаемся на немъ и обращаемъ на него особенное вниманіе, готовые видѣть въ немъ начало новаго періода въ исторіи сохраненія и изслѣдованія остатковъ родной старины: въ рукахъ простого народа находится значительное большинство памятниковъ старины и отъ того или иного отношенія его къ нимъ зависитъ и дальнѣйшій успѣхъ археологическихъ изслѣдованій. А что вызвать въ народѣ сознательное отношеніе къ памятникамъ старины и пониманіе важности и научнаго интереса ихъ не такъ трудно, какъ это кажется съ перваго взгляда, можно судить по тому отношенію простого народа къ предметамъ археологической выставки, характеристику котораго мы встрѣтили въ интересной статьѣ, напечатанной подъ вышеприведеннымъ нами заголовкомъ въ «Придн Кр.» (№ 1583).

«На Университетской улицѣ всѣ дни, покуда были открыты выставки, толпился простой народъ.

Выставка древностей и предметовъ домашняго быта Малороссіи заинтересовала не только людей «изъ общества».

Устремился обозрѣвать выставки сѣрый людъ, жители городскихъ окраинъ.

Тысячныя толпы народа валили каждый день на Университетскую улицу.

Кто только не былъ здѣсь въ эти дни!

Мастеровые, рабочіе, дѣвушки въ платочкахъ, молодыя женщины съ ребятами на рукахъ—все это, разодѣвшись въ парадныя свои одежды, шло на выставку поглядѣть, «какъ прежде люди жили».

Шли на археологическую выставку полюбопытствовать на «упокойника въ ладьѣ», найденнаго при раскопкахъ, а оттуда переходили на этнографическую—осматривать «хату», со всѣмъ внутреннимъ мужицкимъ убранствомъ, построенную въ залѣ на паркетѣ.

Цѣлые дни на выставкахъ происходила толкотня, стояла пыль столбомъ и духота невыносимая.

Этого нашествія «санкюлотовъ» на университетъ не ожидали. Стали опасаться за цѣлость выставокъ. Думали, какъ быть съ интеллигенціей, вытѣсненной простымъ народомъ изъ выставочныхъ залъ?

Сначала порѣшили назначить особые часы для осмотра выставокъ членами съѣзда, и публику въ эти часы не допускать. Затѣмъ, уже въ послѣдніе дни, сдѣлали то, чего изъ принципа не хотѣли дѣлать. Назначили плату за входъ на выставки, и этой мѣрой оттѣснили «санкюлотовъ».

Любопытно было наблюдать здѣсь эту наивную толпу.

Съ какимъ восторгомъ узнавали они, эти неожиданные гости университета, свое родное. Восклицанія, вскрикиванія раздавались то и дѣло. И люлька съ куклой, изображавшей ребенка, привѣшенная къ потолку хаты, и молодка въ малороссійскомъ нарядѣ, усѣвшаяся на лавкѣ подъ образами, и каравай на столѣ,—все это искренно восхищало ихъ.

И народъ все валилъ и валилъ на выставки и въ будничные дни все равно, какъ и въ праздничные. Съ теченіемъ времени толпы посѣтителей выставокъ не только не уменьшались, но скорѣе увеличивались».

Служители университета едва успѣвали совать билетики входящимъ, чтобы регистрировать число посѣтителей

Въ общемъ выставку посѣтило болѣе 55,000 человѣкъ въ теченіе всего лишь десяти дней.

Говоря о попыткахъ объясненія этого замѣчательнаго факта, авторъ останавливается на объясненіи, данномъ проф. Багалѣемъ въ рѣчи, произнесенной имъ при закрытіи съѣзда. Проф. Багалѣй отмѣтилъ три фактора, содѣйствовавшихъ возбужденію интереса къ съѣзду въ массѣ народа: 1) несомнѣнное просвѣтительное вліяніе школы; 2) дѣятельность безплатныхъ народныхъ библіотекъ-читаленъ харьковскаго общества грамотности и 3) наконецъ мѣстную печать, все время внимательно слѣдившую за дѣятельностію предварительнаго комитета по устройству съѣзда въ Харьковѣ.

Отмѣтивъ среди различныхъ толковъ по этому поводу грубо-скептическое мнѣніе нѣкоторыхъ, упрекающихъ проф. Багалѣя въ идеализаціи черни, и объясняющихъ посѣщеніе выставки съѣзда праздным любопытствомъ и любовью толпы ко всякому даровому зрѣлищу, авторъ статьи горячо встаетъ въ защиту народа и говоритъ, что презрительно смотрѣть на посѣтителей археологическихъ выставокъ изъ народа, какъ на толпу праздношатающихся, такъ же невѣрно, какъ преувеличивать въ нихъ сознательное стремленіе къ знанію. Толпа—всегда толпа, всегда разнообразна по своему составу. Конечно, въ ней были и любопытные, по-бабьи бѣжавшіе взглянуть на «упокойника въ ладьѣ», но были, несомнѣнно, и такіе, которые шли на выставку съ пытливыми духовными вопросами—шли посмотрѣть, «какъ люди прежде жили». Эта фраза слышалась на улицѣ, передъ университетскими дверьми, въ той же толпѣ, о которой рѣчь.

Въ основѣ этого движенія десятковъ тысячъ людей на выставку чувствуется нѣчто серьезное, сознательное. Шли на выставки эти тысячи людей не только въ свободные, праздничные дни, но и въ будни, теряя заработки. Очевидно, есть кто-то между низшими слоями нашего городского населенія, кто можетъ вліять на массу и двигать ее на мѣста, и руководить ею. Очевидно, есть кто-то, кто, читая газеты, сознательно интересовался подготовлявшимися въ Харьковѣ въ послѣдніе два года научными выставками, ждалъ ихъ не съ праздным любопытствомъ, а съ живымъ стремленіемъ увидѣть поучительное, и пошелъ на нихъ, и повелъ на нихъ *своихъ*. Можетъ быть, ихъ и не много, этихъ сознательныхъ, ищущихъ просвѣщенія людей между

многоголовой народной толпою, но они есть уже, эти люди, мыслящіе за другихъ, дающіе тонъ и направленіе жизни массъ. Есть и множатся эти добровольные и вѣчные «студенты» изъ народа. Не они ли подписываются и влекутъ за собою тысячи подписчиковъ на чтеніе книгъ въ безплатныя народныя читальни харьковскаго общества грамотности, заполняютъ слушателями его аудиторію народныхъ чтеній,—не они-ли слушаютъ лекціи у профессоровъ на курсахъ для рабочихъ, гдѣ такъ переполнено, что яблоку негдѣ упасть, несмотря на плату, которую приходится вносить изъ скудныхъ своихъ заработковъ за право слушанія этихъ лекцій? Эти факты не свидѣтельствуютъ-ли противъ упрека въ праздномъ любопытствѣ праздношатающейся толпы, падкой будто бы на даровщину и вытѣснившей собою интеллигенцію изъ выставочныхъ залъ университета?

Пусть большинство изъ этихъ тысячъ простыхъ людей смотрѣли на выставки съ своей, наивной точки зрѣнія и видѣли не то, что слѣдовало видѣть,—пусть не могли понять и оцѣнить правильно значенія выставокъ и вынесли изъ осмотра лишь внѣшнія, случайныя впечатлѣнія,—не должно презирать ихъ за это. Многіе-ли изъ насъ, интеллигентныхъ обозрѣвателей тѣхъ же выставокъ, могутъ сказать, что были лучшими цѣнителями и судьями видѣннаго, чѣмъ эти простолюдины,—не мечтающіе о себѣ многаго? Что-жъ изъ того, что для многихъ полученныя впечатлѣнія пройдутъ безслѣдно? Пусть хоть въ комъ-нибудь выставки археологическаго съѣзда пробудили мысль, интересъ къ знанію, уваженіе къ благороднымъ задачамъ науки и трудамъ ученыхъ,—и это ужъ очень важно и дорого. А что не поняли и не могли понять, какъ должно, того, что видѣли многіе изъ этихъ людей,—въ томъ нѣтъ еще бѣды. Наука аристократка. У нея всегда много званныхъ и мало избранныхъ. Какъ электрическая энергія, добываемая на центральной станціи, теряется въ проводахъ безъ пользы, пока достигнетъ уличнаго фонаря и засіяетъ въ немъ, освѣщая дорогу прохожимъ, такъ и знаніе проходитъ безслѣдно черезъ головы людей, чтобы просвѣтить одну изъ многихъ. И этотъ свѣтъ служитъ людямъ и искупаетъ всѣ потери...

Въ заключеніе своей статьи авторъ отмѣчаетъ фактъ глубокаго уваженія простого народа къ наукѣ, выразившійся ясно въ томъ, что толпа «санкюлотовъ», численностью болѣе чѣмъ въ 55.000 человѣкъ, прошедшая черезъ выставочныя залы въ теченіе какихъ-нибудь десяти дней и такъ напугавшая своимъ наплывомъ устроителей вы-

ставки, ни разу не нарушила порядка, ничего не разорила, какъ боялись, и ничего не тронула. Развѣ этотъ фактъ не свидѣтельствуетъ краснорѣчиво если не о культурности народной массы, то объ ея уваженіи къ археологіи?»

Проектъ учрежденія въ Харьковѣ археологическаго общества. Въ № 7470 «Южн. Кр.» напечатано въ высшей степени горячее письмо въ редакцію священника І. Филевскаго «Объ учрежденіи въ Харьковѣ постояннаго археологическаго общества», «сердцу котораго—по выраженію автора письма—были бы особенно любы, особенно близки судьбы и интересы мѣстной древности,- художественно-прекрасной по историческимъ воспоминаніямъ, чрезвычайно цѣнной по морально-народному творчеству, весьма полезной въ общественно-воспитательномъ отношеніи». Несомнѣнно, что Харьковъ, являющійся крупнымъ умственнымъ центромъ лѣвобережной Слободской Украины, давно нуждается въ такомъ учрежденіи.

Проектъ организаціи мѣстныхъ музеевъ. Среди рефератовъ, доложенныхъ на бывшемъ археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ, обращаетъ на себя вниманіе рефератъ г. Василенка «Къ вопросу изъ областной этнографіи». Указавъ на отсутствіе систематическаго изслѣдованія въ этнографическомъ и другихъ отношеніяхъ народнаго быта, авторъ доклада признаетъ необходимымъ учрежденіе въ губерніяхъ обществъ любителей научнаго изученія края по систематическимъ программамъ для собиранія и разработки матеріаловъ, по образцу существующихъ уже обществъ изученія Алтая, Кубани и Волыни. Референтомъ въ заключеніе предложены были слѣдующіе тезисы: 1) Признать въ принципѣ желательнымъ, благовременнымъ и необходимымъ организацію въ каждой изъ южныхъ губерній обществъ любителей изученія края въ разнообразныхъ научныхъ отношеніяхъ. 2) Въ виду существующихъ благопріятныхъ условій, признать необходимымъ обратиться отъ XII археологическаго съѣзда съ ходатайствомъ о скорѣйшемъ утвержденіи устава общества любителей изученія полтавской губерніи. 3) Обратиться къ губернскимъ земствамъ южныхъ губерній съ предложеніемъ подвергнуть обсужденію вопросъ объ организаціи мѣстныхъ историко-филологическихъ и этнографиче-

скихъ музеевъ, съ предоставленіемъ завѣдыванія музеями мѣстнымъ обществамъ любителей изученія края.

Областной музей имени А. Н. Поля обогатился на-дняхъ слѣдующими вкладами: отъ А. П. Деконскаго поступили родовыя жалованныя грамоты, а также отъ П. А. Поповича жалованныя грамоты и весьма цѣнная и очень интересная булава его предка, сотника Степана Поповича. Отъ М. Г. Бѣлинскаго поступило 10 мѣдныхъ копеекъ временъ царей Ивана Грознаго и Ѳеодора. («Придн. Кр.» № 1580).

Археологическія находки. Въ саду князя Потемкина, въ нижней его части, обнаруженъ хранителемъ областного музея имени А. Н. Поля, остатки бывшаго здѣсь древняго городища и сельца, на которое случайно наткнулся воспитанникъ одного изъ мѣстныхъ реальныхъ училищъ. Найдены черепки первобытной посуды съ разнороднымъ орнаментомъ. Кромѣ того, найденъ каменный молотъ, плохо отшлифованный, древнѣйшей формы. Однимъ изъ учениковъ городского училища также найденъ вполнѣ сохранившійся цѣлый глиняный сосудъ; всѣ эти предметы имѣютъ несомнѣнно историческую цѣнность («Придн. Кр.» № 1580).

Раскопки Д. И. Эварницкаго. Въ селѣ Веселомъ, мелитопольскаго уѣзда, таврической губ., въ имѣніи графа И. В. Канкрина проф. Д. И. Эварницкимъ произведена раскопка большого кургана, подъ названіемъ Луговая могила; раскопка производилась въ теченіе цѣлаго мѣсяца при 45 рабочихъ ежедневно. Въ верхнихъ слояхъ кургана найдена прекрасной работы керамическая древнегреческая ваза, остродонная, съ двумя ручками, вмѣстимостью до $2^1/_2$ ведеръ, орнаментированная поперечными кругами. Тамъ-же найдены наконечники бронзовыхъ стрѣлъ. Въ нижнихъ слояхъ оказалось погребеніе каменнаго вѣка съ переходомъ въ бронзовый. По линіи горизонта, на самой подошвѣ кургана, найдено большое сооруженіе въ видѣ полукруга изъ огромныхъ тесаныхъ камней, поставленныхъ вплотную

одинъ возлѣ другого. Подъ камнями оказалось 5 могилъ, расположенныхъ въ разныхъ мѣстахъ, со скелетами и посудой примитивнаго издѣлія, безъ украшеній и съ украшеніями сложными и затѣйливыми. Скелеты оріентированы съ юга на сѣверъ (головами на югъ); въ нѣкоторыхъ могилахъ лежатъ по два скелета (вѣроятно мужъ и умершвленная, положенная съ нимъ жена); въ одной могилѣ открытъ вмѣстѣ съ большимъ скелетомъ скелетъ ребенка, по всѣмъ видимостямъ находившагося въ утробѣ матери. Въ третьей могилѣ открытъ скелетъ повидимому молодой женщины, возлѣ которой положено было глиняное корытце съ чрезвычайно сложнымъ орнаментомъ, большой кусокъ оранжевой минеральной краски, для раскрашиванія на томъ свѣтѣ по существовавшему обычаю, такъ называемой на археологическомъ языкѣ «аурипигмента», а также на нижней части живота 4 вылощенныхъ, съ просверленными дырочками, зуба животныхъ, служившихъ для украшенія части одежды, которая у насъ называется фартукомъ.

Изъ другихъ вещей найдены каменный мельничный жерновъ, кремневые ножи, такіе же наконечники стрѣлъ, створки рѣчныхъ раковинъ, которыхъ первобытный человѣкъ употреблялъ въ пищу.

Всѣ эти и другія найденныя въ курганѣ вещи пожертвованы графомъ И. М. Канкринымъ екатеринославскому областному музею и лично привезены проф. Д. И. Эварницкимъ. («Придн. Кр.» № 1583).

Дѣятельность научнаго общества въ Екатеринославѣ На страницахъ нашего журнала неоднократно отмѣчалась энергичная дѣятельность молодого общества, направленная къ открытію и разработкѣ памятниковъ старины. Въ настоящее же время выборъ Екатеринослава мѣстомъ будущаго XIII археологическаго съѣзда усилилъ и оживилъ интересы общества къ преслѣдуемымъ имъ задачамъ и цѣлямъ. Судя по свѣдѣніямъ, проникающимъ въ печать, о работѣ членовъ общества, и интересу, съ какимъ относится мѣстная печать къ первымъ шагамъ дѣятельности общества, можно надѣяться, что будущій съѣздъ будетъ интереснѣе не менѣе харьковскаго. По словамъ «Придн. Края» (№ 1583) созывъ археологическаго съѣзда въ 1905 г. въ Екатеринославѣ вызываетъ живѣйшее сочувствіе среди землевладѣльцевъ екатеринославской губ. Такъ, предводитель дворянства екатеринославской губ. М. И. Миклашевскій, графъ И. В. Канкринъ, А. П. Струковъ, П. А. Ганъ, Ф. Ф. Шишкинъ, Г. П. Алексѣевъ и

князь Урусовъ предложили произвести на ихъ землѣ за ихъ счетъ археологическія изысканія и раскопки въ предстоящему съѣзду. Въ состоявшемся 7 сентября, засѣданіи правленія Научнаго общества въ присутствіи профессора Д. И. Эварницкаго были, между прочимъ, намѣчены пункты какъ для научныхъ экскурсій, такъ и для выставокъ коллекцій древностей, которыя могутъ поступить во временное распоряженіе предварительнаго комитета въ теченіе предстоящаго археологическаго съѣзда въ Екатеринославѣ въ 1905 году. Также были приведены въ извѣстность коллекціи казацкихъ древностей, которыя имѣются у разныхъ лицъ въ губерніи. Правленіе постановило: обратиться къ означеннымъ лицамъ съ просьбой предоставить въ распоряженіе предварительнаго комитета предстоящаго археологическаго съѣзда имѣющіеся у нихъ предметы. Кромѣ того, предположено просить разрѣшеніе взять изъ церкви села Покровскаго древнѣйшій иконостасъ и стасидіонъ (мѣсто, гдѣ кошевой стоялъ въ церкви). («Придн. Кр.» № 1584).

Результаты экскурсіи И. М. Каманина. И. М. Каманинъ совершилъ экскурсію по уѣздамъ таращанскому и чигиринскому, въ которыхъ не мало старинныхъ церквей, совершенно необслѣдованныхъ со стороны значенія ихъ иконописныхъ памятниковъ. Главнѣйшее значеніе въ этихъ храмахъ имѣютъ иконостасы; старыхъ иконостасовъ въ полной сохранности изслѣдователь нигдѣ не нашелъ и лишь верхніе ярусы ихъ кое-гдѣ дошли до нашего времени. По оставшимся памятникамъ можно представить себѣ общій видъ иконостаса; всѣ иконы имѣютъ какъ бы свои рамы, по бокамъ не глубоко рѣзныя колонки: на нихъ въ большинствѣ случаевъ вырѣзаны гроздья винограда; важнѣйшая часть иконостаса—царскія врата—повсюду новыя и не представляютъ собой большого интереса. Иконы по своему исполненію нерѣдко довольно любопытнаго стариннаго письма, но сюжеты однообразны: изображеніе страданій и воскресенія Спасителя, Скорбящей Божіей Матери, великомученицъ Варвары и Екатерины, Маріи Магдалины (въ видѣ польской пани-женщины въ польскомъ нарядѣ)—вотъ наиболѣе часто повторяющіеся сюжеты. Южно-русскія церкви, вообще, представляютъ очень много однообразныхъ по содержанію иконъ, въ противоположность сѣвернымъ, гдѣ онѣ очень разнообразны.

Но, будучи однообразными по содержанію, въ техническомъ отношеніи большинство иконъ стоитъ неизмѣримо выше, чѣмъ иконы сѣверныхъ иконописныхъ пошибовъ. Результаты экскурсіи И. М. Каманина составятъ, несомнѣнно цѣнный вкладъ въ бѣдную у насъ литературную исторію южно-русской иконописи. («Бирж. Вѣд.», № 225).

Предполагаемые слѣды сооруженій древняго города Тороча. «Кіевл.» сообщаетъ, что священникъ с. Безрадичи, кіевскаго уѣзда, о. П. Леонтовичъ, обнаружилъ на церковной землѣ остатки какого-то древняго сооруженія, обнаженные на глубинѣ 8 аршинъ послѣдними ливнями. Видны дубовыя части какой-то постройки. Мѣстные старожилы не могутъ припомнить, что именно было на мѣстѣ находки. Священникъ же предполагаетъ, что это одно изъ сооруженій древняго города Тороча.

Коллекція картинъ. Въ музей Императора Александра III пріобрѣтена богатѣйшая коллекція картинъ какъ современныхъ художниковъ, такъ и историческихъ. Среди картинъ находятся рѣдкіе экземпляры произведеній Брюлова, Боровиковскаго и др. («Придн. Кр.» № 1576).

Новое Общество. Проживающіе въ Россіи уроженцы зарубежной Галицкой Руси, по словамъ «Нов. Вр.», возымѣли мысль основать въ Петербургѣ «Общество содѣйствія къ ознакомленію съ Прикарпатской Русью и матеріальной помощи ея уроженцамъ». Новое общество имѣетъ цѣлью способствовать изученію настоящаго и прошлаго Прикарпатской Руси и оказывать поддержку ея уроженцамъ. Уставъ новаго общества на дняхъ утвержденъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ и 1-го октября состоится торжественное открытіе дѣятельности общества. («Южн. Кр.», № 7487).

Конкурсъ на соисканіе премій имени А. Ѳ. Гильфердинга. Совѣтъ с.-петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества возобновилъ конкурсъ на соисканіе двухъ премій имени А. Ѳ. Гильфердинга, учрежденныхъ 11 мая 1893 года. Первая премія въ 3,000 руб-

лей будетъ выдана за лучшій сжатый, но обстоятельный очеркъ исторіи южныхъ и западныхъ славянъ, начиная съ такъ называемой исторической эпохи ихъ существованія въ Европѣ до нашихъ дней, въ связи съ исторіей сопредѣльныхъ народовъ и государствъ. Въ случаѣ представленія очерка исторіи однихъ южныхъ или однихъ западныхъ славянъ, автору можетъ быть выдана половинная премія въ 1,500 рублей. Если же не будетъ представлено ни одного сочиненія, заслуживающаго полной или половинной преміи, то могутъ быть выданы малыя преміи по 500 рублей каждая за лучшіе отдѣльные очерки исторіи: 1) болгаръ, 2) сербовъ, 3) хорватъ, 4) словенцевъ, 5) словаковъ, 6) чехо-моравовъ, 7) поляковъ и вообще славянъ ляшской группы (включая сюда прибалтійскихъ славянъ) и 8) средне-лабскихъ славянъ, какъ вымершихъ, такъ и живущихъ (на рр. Саревѣ, Средней Лабѣ, Салѣ и Верхнемъ Майнѣ). Вторая премія въ 1,000 рублей будетъ выдана за лучшій этнографическій обзоръ современнаго, особенно зарубежнаго, славянства. Сочиненія на вышеуказанныя темы должны быть представлены въ совѣтъ с.-петербургскаго Славянскаго благотворительнаго общества на русскомъ языкѣ не позже 14 февраля 1905 г. («С.-Петер. Вѣд.», № 245).

Вліяніе славянскихъ языковъ на другіе европейскіе языки. Недавно умершій славистъ Миклошичъ издалъ цѣнный трудъ, въ которомъ собраны были слова, позаимствованныя изъ славянскихъ языковъ и получившія права гражданства въ другихъ европейскихъ языкахъ. Такъ, въ румынскомъ языкѣ имѣется такихъ словъ 1083, въ венгерскомъ—956 въ новогреческомъ—317, цыганскомъ—649. Трудъ этотъ продолжается нынѣ г. Иваномъ Коштіялемъ, издавшимъ недавно брошюру подъ заглавіемъ: «Славянскіе элементы въ нѣмецкомъ языкѣ», содержащую перечень и объясненіе 88 славянскихъ словъ, принятыхъ нѣмцами. Изъ объясненій автора видно, что нѣмцы позаимствовали у славянъ главнѣйшія понятія изъ сферы горной промышленности, добычи соли, строительной дѣятельности и земледѣлія. («Спб. В.», № 210).

Живая этнографическая выставка. По иниціативѣ барона Блюменау организуется акціонерное общество для устройства живой этнографической выставки племенъ, населяющихъ Россію. Если удастся

собрать по подпискѣ необходимый капиталъ, то въ сентябрѣ выѣдутъ вербовщики. Главная задача—собрать представителей съ ихъ утварью и національными костюмами. Выставка состоится передъ весною. («Живоп. Рос.», № 86).

Къ положенію дѣлъ въ Галиціи. Борьба русиновъ въ Галиціи съ поляками вступила въ новую фазу. Представители русинскаго народа и депутаты прогрессивной соціалъ-демократической партіи заявили, что съ наступленіемъ парламентской сессіи, они сдѣлаютъ запросъ премьеру, министру Керберу, по поводу дѣйствій правительства во время забастовки галиційскихъ крестьянъ, явно дѣйствовавшаго въ интересахъ станчиковъ. Съ цѣлью предупредить непремѣнно имѣвшую подняться вслѣдствіе этого бурю въ парламентѣ, Керберъ проектировалъ до открытія парламентской сессіи созвать польско-русинскую примирительную конференцію для достиженія соглашенія между борющимися народностями.

Русинскій національный комитетъ въ своемъ органѣ «Свобода» не замедлилъ выставить требованія, отъ исполненія которыхъ русины ставятъ въ зависимость свою готовность къ принятію участія въ проектируемой конференціи. Требованія эти сводятся къ слѣдующимъ пунктамъ: 1) Отмѣна общинныхъ представительствъ въ восточной Галиціи, равно какъ и легальное и законное производство новыхъ выборовъ для нихъ, если половина населенія потребуетъ этого. 2) Распущеніе галиційскаго сейма, равно какъ и легальное и законное производство новыхъ выборовъ въ него. 3) Учрежденіе, по одному въ каждой изъ русинскихъ общинъ восточной Галиціи, русинско-національныхъ училищъ, освобожденіе всѣхъ русинскихъ учениковъ отъ обязанности изучать польскій языкъ и учрежденіе провинціальнаго русинскаго школьнаго совѣта для руководства школьнымъ дѣломъ въ населенныхъ русинами мѣстностяхъ. 4) Учрежденіе гимназій съ преподаваніемъ на русскомъ языкѣ въ русинскихъ городахъ: Рогатинъ, Яворовъ, Чёртковъ, Уновъ и др. 5) Полное возстановленіе равноправности языковъ. 6) Полное уравненіе русинскаго языка съ польскимъ во всѣхъ вѣдомствахъ восточной Галиціи. 7) Перемѣщеніе обратно всѣхъ русинскихъ чиновниковъ изъ западной Галиціи въ восточную. 8) Невмѣшательство правительства при разногласіяхъ относительно заработной платы между помѣщиками и рабочими,—въ

особенности воздержаніе отъ поддержки помѣщиковъ со стороны правительства. 9) Пересмотръ земельнаго кадастра съ цѣлью пониженія податного бремени для крестьянъ. 10) Матеріальное содѣйствіе парцелляціи помѣщичьихъ имѣній, чтобы дать возможность русинскимъ крестьянамъ пріобрѣтать эти парцеллы.

Нечего и говорить о томъ, что станчикамъ, никогда не думавшимъ о примиреніи съ «быдломъ-хлопомъ», выставленныя требованія показались чрезмѣрными и дерзкими. Какъ бы въ отвѣтъ на эти требованіи у шляхты явилась мысль выжить изъ восточной части Галичины русиновъ, колонизовавъ ее польскими крестьянами-мазурами изъ западной Галиціи, на самыхъ выгодныхъ для нихъ условіяхъ при помощи ипотечныхъ банковъ. И несомнѣнно, что банки съ большимъ удовольствіемъ откроютъ кредитъ трудолюбивымъ крестьянамъ, чѣмъ задолжавшимся и разорившимся помѣщикамъ-шляхтичамъ, которые не въ состояніи даже уплачивать процентовъ. Несомнѣнно, что осуществленіе такого проекта грозитъ серіозной опасностью для нѣсколькихъ милліоновъ почти безземельныхъ русиновъ, выходъ изъ которой одинъ—массовая эмиграція. Выраженное въ категорической формѣ нежеланіе польской шляхты вступать вообще въ какіе бы то ни было переговоры съ представителями русинскаго народа, и въ частности, изложенный нами проектъ выселенія русиновъ изъ родной земли сыграли роль масла, подлитаго въ огонь. По словамъ «Спб. Вѣд.» (№ 241) органъ младоукраинцевъ «Діло» съ своей стороны рѣшительно высказался противъ разрѣшенія путемъ конференціи польско-русинскихъ недоразумѣній. «Русины ни разговаривать, ни договариваться,—говоритъ «Діло»,—съ польскими представителями не будутъ, такъ какъ имъ не довѣряютъ. Посредничество центральнаго правительства мы понимаемъ такимъ образомъ, что оно само должно завести порядокъ въ Галиціи и исполнить по отношенію къ намъ свои прямыя обязанности, освобождая русинскій народъ отъ неволи и гнета на собственной его землѣ». «Вообще,—пишетъ дальше тотъ же органъ младоукраинцевъ,—на неистовствующихъ въ восточной Галиціи малыхъ и большихъ тирановъ, нужно вліять не убѣжденіемъ и призывомъ къ миру, а мечомъ, нужна желѣзная рука, которая была бы въ состояніи силой освободить русинскій народъ отъ ярма... Дальнѣйшее господство польскихъ властителей должно неизбѣжно привести къ кровавымъ столкновеніямъ, которыя, въ свою очередь, могутъ повлечь за собой самыя непредвидѣнныя для поляковъ послѣдствія».

Цитируя эту статью «Діла», польскій «Czas» пишетъ: «Такова окончательная программа самой сильной нынѣ русинской партіи. Мрачная угроза ножемъ, напоминающая ропотъ черни Желѣзняка и Гонты, идущей къ Умани».

Далѣе, принимая видъ угнетенной невинности и какъ-бы апеллируя къ общественному мнѣнію всего славянства, «Czas» говоритъ: «Въ то время, какъ въ польскій народъ, стали вновь ударять нѣмецкіе громы, вслѣдствіе чего среди всего честнаго славянства проявилось чувство симпатіи къ страданіямъ этого народа, въ это самое время у него подъ бокомъ выросъ новый врагъ изъ среды самого славянства. Это тѣмъ болѣе жестоко, что врагъ этотъ выкормленъ (?!) собственной рукой, такъ какъ долгіе годы польскіе политики съ особой предупредительностью и готовностью на дальнѣйшія уступки культивировали развитіе «молодой Украины», ведя борьбу съ партіей святоюрцевъ. Руководители младоукраинцевъ, возложивъ на себя лисью одежду дружбы, заполучали въ счетъ этой дружбы выгодныя мѣста и назначенія, чтобы затѣмъ блеснуть... призракомъ гайдамачины».

Итакъ, если вѣрить «Czas'у», то выходитъ, что польское шляхетство было кормильцемъ и поильцемъ русинскаго народа, выгрѣвшимъ змѣю на собственной груди. Голосъ «Czas'а» несомнѣнно является выразителемъ общаго мнѣнія всего шляхетства, такъ какъ «Czas» является органомъ польскаго клуба. Въ этомъ органѣ недавно появилось письмо по поводу русинско-польскихъ отношеній одного изъ сеймовыхъ депутатовъ, который, указывая на «громадный въ послѣднее время ростъ слѣпой (?) ненависти русиновъ ко всему польскому», говоритъ: «при нынѣшнемъ положеніи вещей о какомъ-нибудь соглашеніи съ руководителями русинъ не можетъ быть рѣчи. Послѣ скандаловъ въ университетѣ и массового ухода студентовъ-русинъ изъ стѣнъ заведенія, послѣ подачи руководителями русинскаго народа петиціи въ Вѣну о введеніи въ львовскомъ университетѣ преподаванія на нѣмецкомъ языкѣ, послѣ недавнихъ забастовокъ сельскаго рабочаго населенія, сопровождаемыхъ насиліями, въ виду, наконецъ, крайне враждебнаго настроенія русинской интеллигенціи и печати—не съ кѣмъ рѣшительно даже и говорить о соглашеніи. Если даже нынѣшній русинскій митрополитъ не можетъ, или полагаетъ, что не можетъ, выступить противъ этой оргіи ненависти съ какимъ-нибудь предостереженіемъ, то, вѣроятно, онъ видитъ, что нѣтъ почвы къ какимъ бы то ни было переговорамъ. Отказываясь, поэтому, отъ нихъ,

намъ слѣдуетъ подумать серьезно и спокойно о способахъ защиты нашихъ интересовъ на востокѣ Галиціи. Искушенію взаимной ненависти къ русинамъ мы съумѣемъ противустоять. Эта ступень культуры, на которой ненависть можетъ быть побужденіемъ къ оборонительной борьбѣ, уже нами пройдена. Но въ то же время намъ слѣдуетъ отказаться и отъ излишняго сантиментализма по отношенію «братьевъ-русинъ» и приступить солидарно, энергично къ дѣлу самозащиты».

Призывая къ дѣлу самозащиты, авторъ письма намѣчаетъ и программу дѣятельности. Онъ прежде всего указываетъ на необходимость учрежденія строгаго контроля надъ дѣятельностью русинскихъ духовныхъ семинарій и гимназій, являющихся нынѣ очагами этой пропаганды ненависти къ полякамъ, а въ то же время всѣми средствами содѣйствовать не только поддержанію, но и расширенію польскаго элемента въ восточной Галиціи.

Органъ польскихъ либераловъ «Nowa Reforma» высказывается по вопросу о польско-русинскихъ отношеніяхъ въ духѣ примиренія. «Придется долго ждать, говоритъ органъ, пока затихнуть эти военныя трубы. Но мы должны быть по отношенію къ русинскому народу болѣе справедливы, чѣмъ русинскія газеты по отношенію къ намъ. Мы знаемъ, что народъ и газеты, не одно и то же. Русинскія газеты пѣли уже на разные лады, русинскій же народъ остался одинъ и тотъ же; нынѣ онъ искусственно раздраженъ, но придетъ время—онъ успокоится и самъ осудитъ свое положеніе. Поэтому было бы нехорошо, если бы польскій народъ, подъ вліяніемъ пропаганды ненависти, провозглашаемой нынѣ русинскими газетами, отвѣтилъ ненавистью къ русинскому народу». («СПБ. Вѣд.», № 250).

Еще по поводу участія галицкихъ ученыхъ въ археол. съѣздѣ. Въ № 192 газеты «Руслан» проф. К. Студынській помѣстилъ письмо «в справі археольогічного з'їзду в Харкові». Въ виду его интереса и для нашей публики приводимъ его въ переводѣ на русскій языкъ.

«Къ незначительному числу членовъ «Наукового Товариства імени Шевченка», получившихъ приглашеніе на археологическій съѣздъ, принадлежалъ и я. Слѣдуя единогласному рѣшенію всѣхъ секцій «Наук. Товариства» 12 іюля, я отказался отъ участія въ харьковскомъ съѣздѣ и увѣдомилъ объ этомъ графиню Уварову, предсѣдательницу археолог. съѣзда, слѣд. письмомъ:

«Ваше Сіятельство! Отъ имени своего и имени проф. Ивана Верхратскаго имѣю честь принести Вамъ, Ваше Сіятельство, искреннюю благодарность за приглашеніе на археологическій съѣздъ. Къ глубокому сожалѣнію мы не имѣемъ возможности принять въ немъ участія. Склоняетъ насъ къ этому шагу прежде всего то обстоятельство, что мы хотѣли явиться на съѣздъ какъ депутаты «Наук. Товарищества ім. Шевч.», а оно между тѣмъ, по причинамъ намъ неизвѣстнымъ, никакого приглашенія не получило. Точно также остался для насъ невыясненнымъ и вопросъ о допущеніи на съѣздѣ украинскаго языка, вопросъ, отрицательное рѣшеніе котораго на предыдущемъ съѣздѣ въ Кіевѣ причинило намъ глубокое огорченіе.

Надѣясь, что на ближайшемъ съѣздѣ оба упомянутыя нами препятствія будутъ устранены, а чрезъ то и дана намъ будетъ возможность принять самое дѣятельное участіе въ трудахъ съѣзда, мы приносимъ еще разъ Вамъ, Ваше Сіятельство, свою глубокую благодарность за приглашеніе

Съ истиннымъ уваженіемъ К. Студынській.

С. Кипячка 14 авг. нов. ст. 1902 почт. ст. Тернополь».

—

На это письмо получилъ я слѣдующій отвѣтъ графини Уваровой отъ имени императ. московскаго археологич. общества.

«Милостивый Государь! Въ отвѣтъ на письмо Ваше отъ 14 августа с. г. императорское моск. археолог. общество имѣетъ честь увѣдомить Васъ, что «Товариству имени Шевченка» Обществомъ посланы приглашеніе и правила харьковскаго съѣзда и Общество не понимаетъ, почему оно не можетъ назначить Васъ своимъ представителемъ. Что же касается до малороссійскаго языка, то если Вы обратите вниманіе на § 29 правилъ съѣзда, то увидите, что согласно этого параграфа, рефераты на малороссійскомъ языкѣ будутъ допущены на этомъ съѣздѣ».

Предсѣдатель: графиня Уварова.

—

Письмо графини Уваровой получилъ я вслѣдствіе неточности адреса лишь 2-го сент. нов. ст., т. е. въ то время, когда съѣздъ уже работалъ. Того же дня послалъ я графинѣ Уваровой слѣдующій отвѣтъ:

«Ваше Сіятельство! Ваше милостивое письмо, адресованное во Львовъ, получилъ я лишь только что въ селѣ Кипячкѣ у Тернополя,

гдѣ пребываю я въ каникулярное время. Глубоко благодаренъ Вамъ, Ваше Сіятельство, за любезное разъясненіе вопроса о приглашеніи «Наук. Товарищества» и о допущеніи украинскаго языка на археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ. Позволяю себѣ довести это разъясненіе до свѣдѣнія не только «Товарищества ім. Шевч.», но и широкой публики, которая живо интересуется даннымъ вопросомъ. Глубоко сожалѣю, что паспортныя трудности, краткость времени, какое еще продолжится съѣздъ, а главное—невозможность взаимнаго соглашенія членовъ «Наукового Товарищества», которые вотъ уже $1^1/_2$ мѣсяца требываютъ внѣ Львова по случаю каникулъ,—препятствуютъ намъ въ настоящій моментъ пріѣхать въ Харьковъ. Впрочемъ, письмо Ваше, многоуважаемая графиня, даетъ мнѣ увѣренность, что на слѣдующемъ съѣздѣ мы будемъ имѣть возможность появиться и подѣлиться съ участниками его своими научными работами.

Дабы не оставалось никакихъ недоразумѣній, я обязанъ прибавить, что любезно высланное Вами приглашеніе «Наукового Товарищества ім. Шевч.» не было имъ получено, и это обстоятельство и побудило *трехъ* приглашенныхъ членовъ: меня, проф. Ив. Верхратскаго и др. Вас. Щурата (изъ числа *девяти* предложенныхъ въ маѣ этого года «Товариствомъ ім. Шевченка» императ. московскому археол. обществу) согласно рѣшенію секцій «Товарищества» не принять участія въ съѣздѣ.

При этомъ долженъ замѣтить, что мы читали § 29 правилъ съѣзда, въ которомъ сказано, что на съѣздѣ можно будетъ предлагать рефераты на всѣхъ славянскихъ нарѣчіяхъ, но печальный опытъ предыдущаго съѣзда въ Кіевѣ не далъ намъ увѣренности, что и на этотъ разъ рефераты на нашемъ родномъ языкѣ будутъ допущены. Ваше слово, многоуважаемая графиня, или же краткое увѣдомленіе московскаго археол. общества, къ которому по этому поводу «Товариство ім. Шевченка» нарочно обращалось, разсѣяло бы, конечно, всѣ наши сомнѣнія.

Приношу еще разъ вамъ, Ваше Сіятельство, искреннюю благодарность какъ за приглашеніе на съѣздъ, такъ и за ту внимательность, съ какой вы отнеслись къ нашему пріѣзду въ Харьковъ.

Примите увѣреніе въ истинномъ уваженіи К. Студынській».

Кипячка, 2 сент. нов. ст. 1902 г.

—

На этомъ кончается моя переписка. Нѣтъ сомнѣнія, что граф. Уварова выказала во всемъ этомъ дѣлѣ много внимательности и добро-

желательности, за что ей, и приносится глубокая благодарность. Не берусь однако рѣшать, кто виноватъ въ томъ, что «Товариство ім. Шевченка» не получило приглашенія. Играла ли тутъ роль случайность, или же работа людей, которымъ не понутру была возможность прибытія на съѣздъ бо́льшаго числа представителей «Наукового Тов. ім. Шевченка» съ рефератами на украинскомъ языкѣ?»...

«Фондъ академічний». Всего на такъ наз. «фондъ академічний», т. е. студенческій—въ пользу студентовъ русиновъ, вышедшихъ въ концѣ прошлаго года изъ Львовскаго унив.—было собрано (отъ 5 дек. 1901 по 31 авг. 1902 г.) 69.746 коронъ 54 сотыка (около 27.677 р.). По удовлетвореніи нуждъ молодежи оставалась еще нѣкоторая сумма (17.806 коронъ, т. е. 7.000 слишкомъ рубл.). Ее сецессіонисты жертвуютъ въ помощь крестьянамъ, пострадавшимъ во время стачки.

Малорусскія лекціи на филологич. фак. Львовскаго унив. въ осеннемъ полугодіи 1902—3 ак. г. Проф. *Грушевскій:* исторія уніи, Литвы и Польши (2 часа въ недѣлю), исторія Восточной Европы въ XVII—XVIII в. (2 часа въ недѣлю), историч. упражненія (1 часъ въ нед.).

Проф. Студынській: Исторія литературы до конца XV в. (2 часа), склоненіе и спряженіе въ церковно-слав. языкѣ (2 часа), литературн. упражненія (1 часъ).

Проф. Колесса: Исторія украинск. литературы XIX в. (2 часа), историческая грамматика украинскаго языка (2 часа), практическ. упражненія по украинск. языку и литературѣ (1 часъ), семинаріи по украинской филологіи (чтеніе избранныхъ произведеній старой и новой украинской литературы, языкъ ихъ, оцѣнка научныхъ сочиненій) (2 часа).

Лекторъ *Кокорудзъ*, малорусскій языкъ: I отдѣлъ (для начинающихъ—младшій курсъ): правописаніе, письменныя упражненія, грамматика (склоненіе сущ., мѣст. и проч.), чтеніе (2 часа). II отд. (старшій курсъ): отличительныя черты малор. языка отъ польскаго; переводы съ польскаго на малорусскій (2 часа).

Галицкія гимназіи. Беремъ изъ галицкаго журнала «Учитель» нѣсколько цыфръ, касающихся среднихъ школъ Галичины въ 1900—1901 учебн. году. Всего гимназій въ Галичинѣ было 40, съ малорусскимъ же преподавательскимъ языкомъ было всего на всего 4: такъ наз. академическая во Львовѣ, (591 ученикъ), потомъ въ Перемышлѣ (464 учен.), Коломыѣ (326 уч.) и въ Тернополѣ 88 уч. (всего 2 класса). Всего учащихся было въ концѣ учебного года по религіи: римско-католиковъ 12.266, греко-католиковъ 3.683, іудейскаго испов. 3.870, евангелич. исп. 123, армяно-католиковъ 100, иновѣрцевъ 22, православныхъ 2. По народностямъ: поляковъ 16.053, русиновъ 3.528, нѣмцевъ 400, чеховъ 22, мадъяръ 2, англичанъ 1.

Какъ видимъ, всѣ евреи и нѣкоторое количество русиновъ признали себя въ національномъ отношеніи поляками. Всего учащихся въ русинскихъ гимназіяхъ было 1469 душъ, среди нихъ: греко-католиковъ 1.459, р.-кат. 3, православн. 2 и іудейск. исп. 5, по народностямъ: 1.467 русинъ и 2 поляка.

Фаддей Ростиславичъ Рыльскій. *(Некрологъ).* 25 сентября скончался въ своемъ имѣніи, въ с. Романовкѣ, *Ѳ. Р. Рыльскій*, одинъ изъ нашихъ сотрудниковъ, издавна уже заявившій себя, какъ человѣкъ національно-украинскаго направленія, несмотря на то, что принадлежалъ онъ къ польской семьѣ и оставался въ католической вѣрѣ до самой смерти. Еще въ началѣ 60-хъ годовъ, въ бытность его студентомъ Кіевскаго университета, онъ былъ органически связанъ съ кружкомъ украинцевъ, за что не снискивалъ симпатій со стороны польскаго кружка, отголоски чего можно было видѣть въ тогдашней польской прессѣ, вызвавшей со стороны В. Б. Антоновича его знаменитый отвѣтъ г. Падалицѣ (Основа, 1862 г. № 1). Въ «Основѣ» же началъ свое литературное поприще и Ѳ. Р. Рыльскій и, продолжая его затѣмъ въ послѣдніе 20 лѣтъ въ галицкихъ журналахъ, время отъ времени помѣщалъ свои статьи и въ «Кіевской Старинѣ».

Ограничиваясь пока этими строками, такъ какъ время не позволяетъ намъ дать теперь болѣе пространную поминку о Ѳ. Р. Рыльскомъ, мы въ одной изъ ближайшихъ книжекъ посвятимъ отдѣльную статью характеристикѣ этого честнаго, симпатичнаго человѣка, *вѣрнаго сына своей родины—Украины.*

Библіографія.

Труды Общества изслѣдователей Волыни, т. 1. *Житомиръ, 1902 г., 173 стран. съ 11-ю литогр. рисунками.*

Задачи и цѣли этого Общества настолько близки нашему журналу, что мы съ особеннымъ удовольствіемъ приступаемъ къ обзору перваго выпуска его «Трудовъ», и прежде всего познакомимъ читателей съ исторіей учрежденія Общества, какъ она изложена въ вступительномъ очеркѣ, составленномъ О. А. Фотинскимъ.

Идея учрежденія Общества изслѣдователей Волыни принадлежитъ извѣстному этнографу Н. И. Коробкѣ, почти ежегодно проводящему лѣто на Волыни. Въ 1896 году онъ помѣстилъ въ газетѣ «Волынь» «Письмо къ волынской интеллигенціи», въ которомъ, ссылаясь на примѣръ сосѣдней Галиціи, гдѣ въ недавнее время такъ блестяще развилась научная дѣятельность и живой интересъ къ изученію роднаго края, онъ выразилъ пожеланіе, чтобы культурные элементы мѣстнаго общества и вообще всѣ, кто составляетъ дѣйствительную интеллигенцію Волыни, позаботились объ ея изученіи и тѣмъ исполнили свой долгъ по отношенію къ родинѣ. «Мнѣ представляется—писалъ онъ—вполнѣ возможнымъ единеніе культурныхъ элементовъ края на почвѣ научнаго общества «Изслѣдователей Волыни»; самое общество представляется мнѣ съ широкой программой, охватывающей какъ естественно-историческое, такъ и археологическое и этнографическое изученіе Волыни, съ нѣсколькими секціями и непремѣнно съ публичными засѣданіями». Задача общества, по проекту г. Коробки, должна быть двойная: а) изученіе края и б) ознакомленіе съ нимъ

мѣстнаго общества и пробужденіе въ послѣднемъ научныхъ интересовъ. «Я сознаю,—писалъ далѣе г. Коробка,—что многимъ мой проектъ можетъ показаться химеричнымъ. Меня спросятъ: откуда у васъ возьмутся ученые? Но для проектируемаго мною Общества совсѣмъ не нужно профессіональныхъ, цеховыхъ ученыхъ; нужны лишь изслѣдователи, недостатка въ которыхъ не будетъ, нуженъ центръ ихъ объединяющій, и нужны средства, которыя могутъ быть доставляемы всякимъ, кому дорого изученіе родного края, хотя бы онъ самъ и не могъ принимать въ немъ участія личнымъ трудомъ». Призывъ г. Коробки не остался безъ отклика: въ той же газетѣ «Волынь» съ полнымъ сочувствіемъ къ его идеѣ отозвались: археологъ С. С. Гамченко, А. А. Лященко и многіе другіе. Послѣ газетнаго обсужденія и выясненія проекта, приступили къ его практическому осуществленію. Тѣ же гг. Коробка и Гамченко составили и отпечатали проектъ устава Общества изслѣдователей Волыни и разослали его ко всѣмъ, на чью поддержку и сочувствіе можно было разсчитывать. Заручившись согласіемъ многихъ лицъ примкнуть къ учреждаемому Обществу и воспользовавшись ихъ замѣчаніями и поправками къ проекту, иниціаторы дѣла собрались въ апрѣлѣ 1897 г. въ зданіи житомирской 1-й гимназіи, выработали окончательную редакцію устава и подписали его въ числѣ 17-ти членовъ-учредителей, послѣ чего уставъ, черезъ мѣстнаго губернатора Ѳ. Ѳ. Трепова, былъ отправленъ въ министерство внутр. дѣлъ на утвержденіе. Тамъ онъ пролежалъ ровно три года и лишь благодаря содѣйствію графини П. С. Уваровой и настойчивому ходатайству новаго губернатора І. Я. Дунина-Борковскаго, былъ утвержденъ въ апрѣлѣ 1900 г.

Этимъ уставомъ программа дѣятельности Общества опредѣлена въ очень широкихъ размѣрахъ и ему предоставлены такія права и полномочія, какими не обладаетъ ни одно изъ существующихъ, напримѣръ, въ Кіевѣ, ученыхъ обществъ. По смыслу устава, учрежденное въ Житомирѣ Общество изслѣдователей Волыни имѣетъ цѣлью «разностороннее изученіе Волыни и вопросовъ, съ таковымъ соприкасающихся, а также ознакомленіе съ краемъ, его прошлымъ, его условіями жизни, нуждами и проч., почему его изученію подлежитъ не только территорія нынѣшней волынской губ., но и вообще мѣстности старой Волынской земли и Волынскаго княжества. По существу предметовъ, входящихъ въ кругъ занятій Общества, оно раздѣляется на 4 секціи: 1) Естественныхъ наукъ, съ отдѣлами: фауна, флора, мине-

ралогія, геологія, палеонтологія, физическая географія, метеорологія, географія, антропологія, народная медицина и т. под. 2) Этнографическую, съ отдѣлами: этнографія, статистика населенія, обычное право, народная словесность, діалектологія и т. под.; 3) Экономическую, съ отдѣлами: бытъ населенія (экономическій), сельское хозяйство во всѣхъ его видахъ, рыболовство и охота, ремесла, кустарное дѣло, народные промыслы, технологія, промышленность, торговля, статистика (экономическая) и т. под. и 4) Историческую, съ отдѣлами: исторія политическая и бытовая, архивовѣдѣніе, археографія, археологія, нумизматика, геральдика и т. под.» Обществу предоставлено право: устраивать для научныхъ сообщеній публичныя собранія, открывать платныя и безплатныя чтенія, снабжать своихъ членовъ средствами и открытыми листами на производство этнографическихъ, археологическихъ и другихъ изслѣдованій, печатать безъ предварительной цензуры свои изданія, получать изъ-за границы книги безъ предварительнаго просмотра ихъ въ цензурѣ, располагать для своихъ сношеній правомъ казенной корреспонденціи, имѣть свою библіотеку, архивъ, музеи, лабораторіи, пріобрѣсти недвижимую собственность, входить съ кѣмъ слѣдуетъ въ сношенія въ видахъ охраны предметовъ старины, рѣдкихъ видовъ флоры и фауны и другихъ достопримѣчательностей; выдавать преміи за лучшія сочиненія по изслѣдованію Волыни и т. под. Членами Общества могутъ быть всѣ лица обоего пола, могущія оказать ему какую-нибудь пользу и содѣйствіе.

Формальное открытіе Общества произошло 2 декабря 1900 г. Въ этомъ первомъ, учредительномъ собраніи были произведены выборы должностныхъ лицъ и запись членовъ по секціямъ. Въ секцію естеств. наукъ записалось 36 человѣкъ, въ секцію этнографическую 23, въ экономическую 45 и въ историческую 30. Предсѣдателемъ Общества былъ избранъ г. губернаторъ І. Я. Дунинъ-Борковскій.

О результатахъ начальной дѣятельности вновь учрежденнаго Общества мы можемъ судить по протоколамъ засѣданій его секцій, напечатаннымъ въ разбираемомъ выпускѣ и обнимающимъ время съ декабря 1900 по декабрь 1901 г. Найменѣе продуктивной оказалась (по крайней мѣрѣ, въ теченіе перваго года) секція естественныхъ наукъ, имѣвшая всего одно засѣданіе, на которомъ велись платоническіе разговоры о химическихъ и бактеріологическихъ изслѣдованіяхъ водъ Волыни, о приведеніи въ извѣстность того, что сдѣлано прежними изслѣдователями по изученію мѣстной природы, о пользѣ экскурсій и т. под. Экономи-

ческая секція имѣла всего лишь 3 засѣданія. Вначалѣ она, видимо, колебалась, не зная, къ чему приложить коллективную работу своихъ членовъ, и предложила ходатайствовать предъ правительствомъ о позволеніи воспользоваться вторыми бланками переписи 1897 г., затѣмъ рѣшила заняться изслѣдованіемъ аграрнаго вопроса, но ограничилась пока составленіемъ и разсылкою программы для собиранія свѣдѣній о крестьянскомъ хозяйствѣ; въ третьемъ собраніи она слегка потолковала объ эксплоатаціи обширныхъ базальтовыхъ мѣсторожденій въ с. Берестовцѣ и затѣмъ съ необыкновеннымъ жаромъ предалась обсужденію животрепещущаго для житомирцевъ вопроса о направленіи желѣзнодорожной магистрали Петербургъ—Одесса черезъ Житомиръ. Засѣданіе 10 ноября 1901 г., въ которомъ обсуждался этотъ вопросъ, привлекло не только членовъ всѣхъ секцій Общества, но и многочисленную стороннюю публику и вызвало крайне оживленныя пренія окончившіяся постановленіемъ: просить городскую думу повторить ходатайство о проведеніи означенной магистрали черезъ Житомиръ, а г. предсѣдателя Общества (губернатора) поддержать это ходатайство.

Этнографическая секція начала свою дѣятельность съ составленія программы для собиранія этнографическихъ свѣдѣній вмѣстѣ съ руководящими указаніями для собирателей, при чемъ признано полезнымъ, въ видахъ полученія матеріаловъ непосредственно отъ лицъ изъ народной среды, напечатать такую программу въ двухъ текстахъ, русскомъ и украинскомъ; затѣмъ было рѣшено приступить къ составленію сборника народныхъ колядокъ, при чемъ въ принципѣ рѣшено, кромѣ научнаго изданія колядокъ, сдѣлать и другое ихъ изданіе—популярное, съ нотами, чтобы удерживать въ народной памяти старинные ихъ тексты и напѣвы; кромѣ этого, этнографическая секція въ теченіе года представила 4 реферата, изъ коихъ одинъ былъ напечатанъ въ газетѣ «Волынь», а другой помѣщенъ въ «Трудахъ» Общества.

Еще болѣе энергическую дѣятельность проявила секція историческая. Она имѣла въ теченіе года 6 засѣданій, на которыхъ было доложено 6 рефератовъ. Кромѣ того, предприняты и коллективныя работы: составленіе историко-географическаго словаря Волыни и программы для собиранія свѣдѣній о первобытныхъ древностяхъ Волыни.

Личный составъ Общества, какъ видно изъ напечатаннаго именного списка членовъ, не отличается особенною численностью и приростомъ: въ первое время по открытіи Общества въ него записалось или было избрано 134 лица, а въ настоящее время членовъ числится

161. Это—немного для Общества, преслѣдующаго такія широкія задачи и не требующаго отъ кандидатовъ въ его члены никакого научнаго или литературнаго ценза. Для усиленія весьма скудныхъ денежныхъ средствъ, совѣтомъ Общества предположенъ рядъ публичныхъ лекцій.

Намъ стается еще разсмотрѣть ученые рефераты, вошедшіе въ составъ 1-го выпуска «Трудовъ» Общества. Ихъ всего семь. Два изъ нихъ посвящено археологіи Волыни; это именно: «Важнѣйшіе вопросы, возникающіе при изученіи первобытныхъ древностей Волыни», Я. В. Яроцкаго, предсѣдателя исторической секціи, и его же отчетъ о раскопкѣ кургановъ Рѣчицкаго могильника, близъ г. Овруча. Предоставляя ихъ оцѣнку спеціалистамъ-археологамъ, замѣтимъ лишь, что первый изъ этихъ рефератовъ заключаетъ въ себѣ краткій обзоръ всего, что сдѣлано до настоящаго времени въ области археологіи на территоріи Волыни, и намѣчаетъ важнѣйшія задачи для будущихъ изыскателей. Слѣдующая далѣе небольшая статья Н. П. Авенаріуса: «Башня волынскаго князя Владимира Васильковича въ м. Каменцѣ-Литовскомъ» [1]) заключаетъ весьма интересное описаніе (съ приложеніемъ рисунка) рѣдкаго стратегическаго сооруженія XIII в. О построеніи этой башни въ 1276 г. имѣется положительное свидѣтельство Волынской лѣтописи. Внутренность башни (пять бывшихъ ярусовъ) представляетъ полное разрушеніе, но стѣны ея, во всю 17-ти саженную высоту, сохранились очень хорошо, несмотря на вѣковое запущеніе. Сообщеніе Я. В. Яроцкаго: «Ревизія Владимирской базиліанской школы въ 1803 году», составленная на основаніи отысканнаго авторомъ отчета объ этой ревизіи, произведенной Т. Чацкимъ, представляетъ интересное дополненіе къ свѣдѣніямъ, какія доселѣ извѣстны изъ исторіи этого училища, бывшаго нѣкогда (въ XVI в.) православнымъ, потомъ отнятаго уніатами и закрытаго въ 1831 г. Но лучшимъ историческимъ изслѣдованіемъ изъ числа помѣщенныхъ въ «Трудахъ», безъ сомнѣнія, долженъ быть признанъ историко-археологическій очеркъ О. А. Фотинскаго: «Дорогобужъ Волынскій». Это вполнѣ образцовая монографія, посвященная исторіи незначительнаго нынѣ села, бывшаго нѣкогда столицей удѣльнаго княжества. Кропотливо собирая и искусно группируя лѣтописныя, актовыя и археолологическія

[1]) Брестскаго у., Гродн. губ.

данныя, авторъ мастерски возстановляетъ картину прошлой (съ XI ст.) жизни средней Погорины и ея бывшей столицы Дорогобужа и подробно описываетъ донынѣ сохранившіеся здѣсь памятники старины. Въ заключеніе авторъ высказывается, что своимъ изслѣдованіемъ онъ «болѣе всего желалъ подчеркнуть насущныя desiderata въ исторіи родного края», именно потребность въ детальныхъ изслѣдованіяхъ, посвященныхъ исторіи отдѣльныхъ городовъ и селъ, но основанныхъ на непосредственныхъ археологическихъ разысканіяхъ изслѣдователя. Вполнѣ сочувствуя этой мысли, мы прибавимъ, что очеркъ г. Фотинскаго о Дорогобужѣ можетъ служить превосходнымъ образцомъ для подобныхъ изслѣдованій. Въ качествѣ этнографическаго матеріала помѣщенъ въ «Трудахъ» полный ритуалъ крестьянской свадьбы, записанный изъ народныхъ устъ В. Г. Кравченкомъ въ с. Курозванахъ, острожскаго у. Изъ него видно, что свадебные обряды и пѣсни на Волыни ни въ чемъ существенномъ не разнятся отъ таковыхъ же въ другихъ мѣстностяхъ Малороссіи. Весьма любопытно въ нихъ упоминаніе о «козаченькахъ» и о «запорожцяхъ—добрыхъ хлопцяхъ», память о которыхъ, казалось бы, давно могла затеряться на Волыни. Столь же интересенъ и докладъ о пчеловодствѣ на Волыни, читанный въ экономической секціи пчеловодомъ-любителемъ К. Л. Бордычевскимъ.

Мы ограничились лишь краткимъ обзоромъ напечатанныхъ въ I томѣ «Трудовъ» Общества ученыхъ рефератовъ, не имѣя времени и мѣста для болѣе подробнаго ихъ разсмотрѣнія. Да и не въ нихъ дѣло, по нашему мнѣнію. Насъ интересуютъ въ данномъ случаѣ не столько ученые труды двухъ-трехъ талантливыхъ изслѣдователей, какіе всегда найдутся въ любой мѣстности и могутъ работать независимо отъ существованія извѣстнаго кружка, сколько коллективная дѣятельность волынскаго Общества, преслѣдующаго весьма широкія культурныя и просвѣтительныя задачи. Покамѣстъ, судя по отчету, Общество еще не успѣло ни организоваться какъ слѣдуетъ, ни разобраться въ средствахъ и способахъ для осуществленія своихъ задачъ, что́ и не удивительно въ виду новизны дѣла и малочисленности въ провинціи интеллигентныхъ силъ. Весь вопросъ въ томъ, по какому пути оно направитъ свою будущую дѣятельность. Если оно замкнется въ немногочисленный кружокъ любителей, время отъ времени собирающійся для прослушанія спеціальныхъ рефератовъ, то оно лишь умножитъ собою число провинціальныхъ ученыхъ обществъ, обыкновенно безцвѣтныхъ и мало продуктивныхъ, да и не могущихъ быть иными

въ виду неблагопріятныхъ условій для научной дѣятельности вдали отъ ученыхъ центровъ. Опасность эту, видимо, сознаютъ сами руководители волынскаго Общества и стараются предотвратить ее заботами о привлеченіи возможно бо́льшаго числа мѣстныхъ интеллигентныхъ людей къ участію въ его дѣятельности. Въ краснорѣчивомъ «воззваніи», съ какимъ предсѣдатель экономической секціи г. Старосвѣтскій обратился ко всѣмъ образованнымъ людямъ Волыни, между прочимъ, говорится: «Количество членовъ нашей секціи въ настоящее время не велико (40 человѣкъ). Лица эти по преимуществу живутъ въ г. Житомирѣ. Изслѣдовать, хотя бы въ небольшой долѣ, экономическій бытъ населенія, сельское хозяйство, ремесла, кустарное дѣло, промыслы, технологію, промышленность, торговлю и статистику нашего обширнаго края для наличныхъ членовъ нашихъ было бы непосильною работою. Безъ помощи общества, въ широкомъ смыслѣ слова, безъ содѣйствія населенія остальной, кромѣ Житомира, части Волыни, экономическая секція Общества изслѣдователей не можетъ просуществовать, не заглохнувъ преждевременно. Только прикоснувшись къ «землѣ» Волыни, наше Общество можетъ стать жизненнымъ, можетъ стремиться къ принятію посильныхъ мѣръ къ улучшенію быта населенія, поднятію сельскаго хозяйства, развитію промысловъ и торговли». Поэтому предсѣдатель секціи приглашалъ всѣхъ и каждаго вступить въ число членовъ Общества или же сообщать ему объ условіяхъ экономической жизни и нуждахъ своего района и дѣлиться пріобрѣтенными опытомъ или научнымъ путемъ экономическими свѣдѣніями для оглашенія ихъ во всеобщее достояніе. Несомнѣнно, что экономическая секція Общества, занятая изслѣдованіемъ жизненныхъ вопросовъ современности, и въ то же время стремящаяся къ тому, чтобы всѣми зависящими отъ нея средствами содѣйствовать улучшенію экономическаго состоянія края, безусловно не можетъ обойтись безъ широкой общественной поддержки, но въ ней же нуждаются и остальныя секціи. Поэтому Обществу слѣдуетъ прежде всего направить всѣ усилія къ тому, чтобы сгруппировать вокругъ себя возможно большій кругъ мѣстной интеллигенціи и заинтересовать ее посильнымъ участіемъ въ своей дѣятельности. Всякій сколько-нибудь образованный человѣкъ, любящій свою родину, легко можетъ быть полезнымъ Обществу, если только указать ему, въ чемъ именно можетъ выразиться его содѣйствіе. Для этого, прежде всего, Обществу нужно организоваться такимъ образомъ, чтобы въ различныхъ мѣстностяхъ губерніи были люди, которые могли бы,

каждый въ своемъ районѣ, организовать и направлять коллективныя работы, по программамъ Общества, при участіи мѣстныхъ лицъ изъ духовенства, помѣщиковъ, сельскихъ учителей, врачей, чиновниковъ, учащейся молодежи и т. под. Одни изъ такихъ лицъ или кружковъ будутъ собирать свѣдѣнія по разнымъ программамъ: археологической, этнографической, естественно-исторической, экономической, другіе могутъ оказаться полезными Обществу въ достиженіи другой изъ основныхъ его задачъ—въ ознакомленіи мѣстнаго населенія съ краемъ, его прошлымъ и настоящимъ, естественными его богатствами, болѣе усовершенствованными способами ихъ эксплоатаціи и т. под. На эту культурно-просвѣтительную сторону своей дѣятельности Обществу слѣдуетъ обратить особенное вниманіе и посвятить ей не меньше труда и заботъ, чѣмъ оно посвящаетъ изученію края, ибо это вполнѣ жизненная задача, скорѣе всего способная привлечь къ нему общественное сочувствіе и поддержку. Къ тому же, исполненіе этой задачи едва-ли не больше соотвѣтствуетъ силамъ и средствамъ Общества. Всестороннее изученіе края, въ смыслѣ серьезныхъ ученыхъ изысканій, непремѣнно обусловливается большимъ или меньшимъ участіемъ ученыхъ спеціалистовъ, которыхъ можетъ и не оказаться въ провинціи; но популяризація уже добытыхъ научныхъ свѣдѣній о краѣ и широкое распространеніе ихъ среди населенія—это задача, посильная для всякаго образованнаго человѣка, а уставъ Общества предоставляетъ ему всѣ необходимыя для этого средства, въ видѣ безплатныхъ чтеній, лекцій, популярныхъ изданій и проч.

Высказывая эти пожеланія, мы нисколько не обманываемся относительно степени трудности ихъ практическаго осуществленія. Мы хорошо знаемъ Волынь, знаемъ, какъ мало тамъ образованныхъ людей, насколько разъединены ихъ стремленія и интересы, какъ мало они пріучены къ солидарности во имя высшихъ интересовъ—и какъ трудно поэтому привлечь такихъ людей къ коллективной работѣ на пользу родного края. Но трудное не есть синонимъ невозможнаго. Пусть вновь учрежденное Общество и не окажется въ состояніи, на первыхъ порахъ, развернуть свою дѣятельность во всю широту намѣченныхъ имъ задачъ; но если оно успѣетъ приготовить въ разныхъ мѣстахъ губерніи болѣе или менѣе многочисленный контингентъ усердныхъ и умѣлыхъ сотрудниковъ, то его успѣхъ въ будущемъ несомнѣнно будетъ обезпеченъ.

О. Л.

Извѣстія о состояніи сельскаго хозяйства въ полтавской губ. за 1901 г.—Осень и состояніе озимыхъ посѣвовъ, № 5. *Кременчугъ, 1902 г.*

Обзоръ сельскаго хозяйства въ полтавской губ. по сообщеніямъ корреспондентовъ за 1901 г., съ шестью картограммами, годъ шестнадцатый. *Полтава, 1902 г.—Изданія Статистическаго бюро Полтавскаго Губернскаго Земства.*

Первое изъ вышеназванныхъ изданій представляетъ попытку бюро своевременно и періодически публиковать свѣдѣнія о состояніи и ходѣ сельскаго хозяйства губерніи. До послѣдняго времени бюро ограничивалось въ этомъ отношеніи изданіями «обзоровъ» (въ родѣ второй изъ вышеназванныхъ работъ), которые выходили въ свѣтъ обыкновенно значительно позже окончанія сельскохозяйственнаго года и давали лишь, такъ сказать, по преимуществу, историческій матеріалъ къ характеристикѣ сельскаго хозяйства въ губерніи. Нынѣ же, съ 1901 г., независимо отъ такихъ общихъ годовыхъ обзоровъ, бюро, по порученію губернской земской статистической коммиссіи, предприняло періодическое опубликованіе свѣдѣній о состояніи различныхъ отраслей сельскаго хозяйства по сельскохозяйственнымъ періодамъ (за зиму, за первую половину лѣта, т. е. за время обработки и посѣва, за вторую его половину, т. е. обозрѣніе результатовъ урожая и т. п.), независимо отъ изданія помянутыхъ годовыхъ обзоровъ. Такое періодическое опубликованіе сельскохозяйственныхъ свѣдѣній, какъ само собою понятно, должно имѣть серіозное практическое значеніе, давая хозяевамъ возможность своевременно имѣть подъ руками свѣдѣнія о состояніи сельскаго хозяйства во всей губерніи и соображаться съ ними въ своихъ хозяйственныхъ предпріятіяхъ. Важное условіе выпуска такихъ изданій, само собою разумѣется, заключается въ своевременности выхода ихъ въ свѣтъ, что, какъ видно изъ предисловія къ № 5, и было осуществлено статистическимъ бюро для перваго опыта достаточно успѣшно. Приведенныя въ № 5 данныя основаны на 443 сообщеніяхъ отъ корреспондентовъ съ мѣстъ ихъ жительства и выходъ въ свѣтъ изданія датированъ февралемъ 1902 г., при чемъ изданіе редактировано завѣдующимъ бюро А. Русовымъ. Второе изданіе датировано іюлемъ 1902 г. и выпущено уже почему то и. д. завѣдующаго Т. Ротмистровымъ. Оно содержитъ обзоръ погоды въ 1900—1901 г., данныя объ условіяхъ посѣва, роста, уборки и урожая полевыхъ, огородныхъ

и садовыхъ растеній и травъ, состояніи скотоводства, пчеловодства, мѣстныхъ и отхожихъ заработкахъ населенія, съемныхъ, арендныхъ и продажныхъ цѣнахъ на землю и условіяхъ сбыта продуктовъ сельскаго хозяйства за 1901 г., при чемъ особую главу составляетъ характеристика способовъ обработки и поддержанія плодородія почвы, примѣняемыхъ въ мелкихъ хозяйствахъ. Сгруппированныя въ этомъ изданіи свѣдѣнія тоже доставлены добровольными корреспондентами земскаго статистическаго бюро въ числѣ 763, какъ и всѣ свѣдѣнія, служившія матеріаломъ для составленія и своевременнаго изданія періодическихъ «Извѣстій» отъ № 1 до № 5 включительно. Эта сторона дѣла невольно обращаетъ на себя вниманіе, какъ условіе, опредѣляющее возможность веденія текущей сельскохозяйственной статистики съ практическими и теоретическими цѣлями, безъ особыхъ затратъ на мѣстныя изслѣдованія, силами самихъ сельскихъ жителей. Въ умѣньи привлечь и объединить на этомъ полезномъ дѣлѣ мѣстныя силы, до того времени разрозненныя и не имѣвшія возможности обмѣниваться имѣвшимися въ ихъ распоряженіи данными, въ умѣньи использовать эти, такъ сказать, дремавшія мѣстныя силы, носившія свои знанія только про себя и не дѣлившіяся ими съ другими людьми, и заключается важная заслуга земства вообще и въ частности земскихъ статистическихъ бюро. Достаточно просмотрѣть приведенные въ названномъ изданіи матеріалы о составѣ персонала этихъ добровольныхъ корреспондентовъ, чтобы судить о томъ, какія силы, долго бы еще, вѣроятно, продолжавшія дремать въ деревенской глуши, удалось земству привлечь къ этому дѣлу. Оказывается, что 62% общаго количества корреспондентовъ, именно 473 чел., принадлежатъ къ числу крестьянъ и козаковъ, 27% къ числу мѣщанъ и купцовъ и 6,7% къ числу почетныхъ гражданъ и лицъ духовнаго сословія, итого 71,4% или 545 человѣкъ! Если принять при этомъ во вниманіе, что доставляемыя корреспондентами свѣдѣнія разрабатываются съ должною обстоятельностью, и что въ своевременномъ изданіи такихъ работъ существуетъ несомнѣнная потребность, то можно только пожелать дальнѣйшаго возможно болѣе широкаго развитія этой отрасли дѣятельности земства съ привлеченіемъ къ нему максимальнаго количества мѣстныхъ силъ. Заканчивая нашу замѣтку о вышеназванныхъ изданіяхъ, отмѣтимъ кстати небезъинтересный фактъ, что изъ 763 корреспондентовъ, только 90, т. е. 11,7%, принадлежитъ къ классу «землевладѣльцевъ»—классу, повидимому, наиболѣе интеллигентному въ деревенской средѣ и наиболѣе

лично заинтересованному въ вопросахъ сельскаго хозяйства, такъ что даже корреспонденты изъ числа сельскихъ учителей, врачей, фельдшеровъ и должностныхъ лицъ сельскихъ и волостныхъ правленій, т. е. изъ числа людей въ большинствѣ лично совсѣмъ незаинтересованныхъ въ вопросахъ сельскаго хозяйства, составляютъ болѣе многочисленную группу, именно 12,1%. Мы тѣмъ менѣе беремся объяснить это явленіе, что классъ землевладѣльцевъ достаточно многочисленъ въ губерніи (и 90 человѣкъ корреспондентовъ изъ его среды составляютъ въ немъ лишь незначительный процентъ) и что, съ другой стороны, давшій 62% корреспондентовъ классъ крестьянъ и козаковъ имѣетъ въ своей средѣ сравнительно весьма малый процентъ людей, достаточно грамотныхъ, чтобы быть постоянными корреспондентами земства.

Л. С. Л.

Е. Н. Любичъ. „Изъ Жизни". Книгоиздательство Коранта. *Одесса, 1902 г., 163 стр.*

Послѣ прочтенія этой книжки остается сильное и очень выгодное для автора впечатлѣніе. Восемь очерковъ, помѣщенныхъ въ этой книжкѣ можно раздѣлить на двѣ части. Первые четыре посвящены изображенію психологіи малорусскаго крестьянина послѣ того какъ онъ дѣлается солдатомъ. Остальные: «Старый и малый», «Максимъ Торба», «Вѣдьма» и «Бандуристъ» представляютъ рядъ картинъ и моментовъ народной украинской жизни, которую авторъ рисуетъ съ большою любовью и знаніемъ, какъ человѣкъ самъ вышедшій изъ нея.

Особенно хороши очерки «Старый и малый» и «Вѣдьма. Это—поэзія въ прозѣ. Читаешь, и родные типы видишь какъ живые, заражаешься настроеніемъ автора и любишь ихъ такъ же, какъ онъ.

Языкъ у г. Любича гладкій, простой и образный. Чувствуется въ авторѣ и психологъ.

Объ одномъ можно пожалѣть, что книжечка г. Любича чрезвычайно мала. Но ее, однако, замѣтилъ и рецензентъ «Русскаго Богатства» къ великому нашему удивленію поставившій автору въ упрекъ его любовь къ «дидамъ», «дивчатамъ», «садочкамъ» и т д... и очень похваливший первые очерки не изъ малорусской жизни, написанные не менѣе художественно.

Чувствуется, что г. Любичъ прекрасно владѣетъ малорусскимъ языкомъ и, будь послѣдніе очерки написаны на этомъ языкѣ, они несомнѣнно были бы еще сильнѣе, какъ сильнѣе музыка со словами, чѣмъ безъ словъ.

Б. Л.

Обзоръ журналовъ текущаго года.

Для настоящей книжки разсмотрѣны слѣдующіе журналы: 1) Русскій Архивъ, № 8; 2) Рус. Старина, № 9; 3) Историческій Вѣстникъ, № 9; 4) Журналъ Мин. Нар. Просвѣщенія, № 8; 5) Университетскія Кіевскія Извѣстія, № 8; 6) Труды Кіев. Духовной Академіи, № 9; 7) Земскій Сборникъ Черниговской губ., № 7; 8) Записки Импер. Харьк. Унив., кн. 2 и 3; 9) Научное Обозрѣніе, № 8; 10) Рус. Мысль, № 8 и 9; 11) Міръ Божій, № 9; 12) Вѣстникъ Европы, № 9; 13) Літературно-Науковый Вістникъ, № 9; 14) Wisła, № 4—7; 15) Biblioteka Warszawska, № 8 и 9; 16) Przewodnik naukowy i literacki, № 7 и 8; 17) Этнографическое Обозрѣніе № 1 и 2.

Русскій Архивъ, № 8.

Напечатаны двѣ записки гр. М. Н. Муравьева (стр. 585—595): 1) «Объ учрежденіи приличнаго городского управленія въ губерніяхъ отъ Польши возвращенныхъ и уничтоженіи началъ, наиболѣе служившихъ къ отчужденію оныхъ отъ Россіи» и 2) «О политическомъ преобразованіи губерній отъ Польши возвращенныхъ и уничтоженіи тѣхъ началъ, которыя постепенно довели край сей до совершеннаго отчужденія отъ Россіи», заключающіе въ себѣ проектированіе ряда радикальныхъ мѣръ съ цѣлью проведенія русскихъ государственныхъ началъ.

Ю. Ф. «Иванъ Выжигинъ» и «Мертвыя Души» (стр. 596—603). Авторъ замѣтки, ссылаясь на фактъ сопоставленія «Ивана Выжигина» Булгарина съ «Мертвыми Душами» Гоголя А. Энгельгардтомъ въ его статьѣ «Гоголь и романы двадцатыхъ годовъ» (Истор. Вѣстн., 1902 г., февр.), останавливается болѣе подробно на разсмотрѣніи затронутаго предмета; находя, кромѣ сходства эпизодовъ и лицъ въ названныхъ про-

изведеніяхъ, много общаго въ самомъ замыслѣ, авторъ склоненъ видѣть въ этомъ сходствѣ не нѣчто случайное, а частью сознательную, частью безсознательную реминисценцію, отголосокъ идей, характеровъ и сценъ наиболѣе понравившихся въ свое время въ «Иванѣ Выжигинѣ» Гоголю.

Русская Старина, № 9.

П. Висковатовъ. Изъ разсказовъ А. О. Смирновой о Н. В. Гоголѣ. Авторъ передаетъ 10 разсказовъ изъ жизни Н. В. Гоголя. Въ первомъ повѣствуется, какъ мальчикъ Гоголь утопилъ кошку въ прудѣ; во второмъ, что онъ любилъ лакомиться и никогда въ гостинницѣ не позволялъ убирать сахаръ, а пряталъ его и порою и за работою грызъ; въ третьемъ, что у него была въ карманѣ записная книжка, куда онъ и вносилъ все, поразившее его въ теченіе дня; въ четвертомъ, что онъ охотно вступалъ въ разговоры съ самыми разнообразными людьми; въ пятомъ, что онъ былъ доброжелателенъ къ людямъ, но требовалъ, чтобы непремѣнно входили въ его интересы; въ шестомъ, что онъ былъ нервенъ и боялся грозы; въ седьмомъ, что онъ на «Мертвыя души» смотрѣлъ какъ «на что-то, что лежало внѣ его, гдѣ онъ долженъ былъ раскрыть тайны, ему заповѣданныя»; въ восьмомъ, что Гоголь со всѣми любилъ жить въ мирѣ; въ девятомъ, что онъ не любилъ нѣмцевъ и въ десятомъ приводится разсказъ о майорѣ, пославшемъ деньщика полка раздобыть спичекъ, тщательно испытавши, горятъ-ли онѣ. Принесенныя спички не вспыхивали, потому что деньщикъ по приказу барина, перечиркалъ уже ихъ всѣ.

Историческій Вѣстникъ, № 9.

Въ ст. барона Н. В. Дризенъ «Мелочи театральной старины» разсказывается о вербовкѣ голосовъ въ 1848 для оперы, когда были посланы въ Малороссію репетиторъ Николай Ватемаро съ отцомъ для этой цѣли и снабжены пакетами на имя черниговскаго, полтавскаго и харьковскаго генералъ-губернаторовъ.

Въ отдѣлѣ «Критика и библіографія» помѣщенъ разборъ книги Л. Орды «Крестовоздвиженская братская Церковь въ Луцкѣ».

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» подъ заглавіемъ «Древности великокняжеской эпохи» разсказывается о коллекціи *Ханенокъ* на XII арх. съѣздѣ въ Харьковѣ.

Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, № 8.

М. Г. Халанскій. Къ исторіи поэтическихъ сказаній объ Олегѣ Вѣщемъ. Глава I. (стр. 287—356). Цѣнное изслѣдованіе древне-русскихъ сказаній объ Олегѣ, заключающихся въ памятникахъ XV—XVII вв. Для обозрѣнія этихъ сказаній объ Олегѣ авторъ пользовался слѣдующими источниками: 1) особой редакціей (въ двухъ спискахъ), древнерусской лѣтописи—хронографа со значительной примѣсью эпическихъ элементовъ, представляющихъ болѣе поздніе варіанты сказаній о князьяхъ-варягахъ, частью новые мотивы по сравненію съ тѣми, которые включены какъ въ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», такъ и въ «Начальный кіевскій лѣтописный сводъ»; 2) свѣдѣніями объ этомъ князѣ, содержащимися въ Іоакимовской лѣтописи, по изложенію ея Татищевымъ; 3) сказаніемъ, содержащимся въ Паралипоменѣ Зонары и 4) проложнымъ житіемъ св. Владиміра, которое содержитъ эпическій мотивъ, связанный съ именемъ Олега.

Въ отдѣлѣ «Критика и Библіографія» (стр. 400—436) окончаніе разбора книги проф. Владимірова «Древняя русская литература Кіевскаго періода XI—XIII вв». В. Истрина.

Университетскія Кіевскія Извѣстія, № 8.

Продолжаются печатаніемъ приложенія къ сочиненію проф. М. Довнаръ-Запольскаго «Государственное хозяйство Литовской Руси при Ягеллонахъ». (стр. LXIX—CXII).

Труды Кіев. Духовной Академіи, № 9. *Д. Савицкій.*—Русскій гомилетъ начала XVIII в. Іоакимъ Богомолевскій (стр. 77—120). Продолженіе изслѣдованія, начавшагося печатаніемъ въ № 8 журнала. Въ настоящей книжкѣ авторъ даетъ біографическій очеркъ І. Богомолевскаго, уроженца Кіевской епархіи, воспитанника Кіевской академіи. Біографія гомилета, довершившаго свое образованіе въ различныхъ заведеніяхъ зап. Европы и послѣ долгихъ злоключеній окончившаго жизнь въ ссылкѣ въ Хлыновѣ (нынѣшней Вяткѣ), представляетъ значительный интересъ.

Земскій Сборникъ Черниговсой губерніи, № 7.

Въ отдѣлѣ «Приложенія» (стр. 65—96) продолжается печататься подъ редакціей Н. П. Василенка «Генеральное слѣдствіе о маетности Черниговскаго полка 1729—1730 г.».

Записки Императорскаго Харьковскаго Университета, кн. 2 и 3.

Проф. Д. Багалѣй. Опытъ исторіи Харьковскаго Университета (стр. 37—84, 1—64). Продолженіе солиднаго труда почтеннаго профессора содержитъ между прочимъ, любопытныя подробности о научной и литературной дѣятельности И. Е. Срезневскаго, П. П. Гулака-Артемовскаго, Бѣлецкаго-Носенка, В. Н. Каразина; кое-какія подробности о Зоріанѣ Доленга-Ходаковскомъ, о харьковской журналистикѣ въ первыя десятилѣтія XIX ст. На стр. 9, гдѣ говорится о Гулакѣ-Артемовскомъ, встрѣчаемъ, между прочимъ, пріятное извѣстіе, что у почтеннаго автора въ портфелѣ имѣется часть ненапечатанныхъ произведеній Гулака-Артемовскаго. Желательно было бы, чтобы уважаемый профессоръ не замедлилъ познакомить съ ними читающую публику.

Протоколы засѣданій предварительнаго комитета по устройству XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ (стр. 33—112).

Міръ Божій, № 9.

Н. Котляревскій. Н. В. Гоголь. 1829—1842 г. (Продолженіе, стр. 148—185) Въ главѣ XI своего изслѣдованія авторъ даетъ очеркъ состоянія русской драмы до Гоголя, начиная съ комедій Фонъ-Визина и оканчивая комедіями Квитки: «Дворянскіе выборы» и «Пріѣзжій изъ столицы». Въ гл. XII излагаются взгляды Гоголя на «смѣшное въ жизни, шутку и облагораживающій насъ смѣхъ», разсматриваются «Игроки», «Женитьба» и дается обзоръ недоконченныхъ произведеній Гоголя: «Утро дѣлового человѣка», «Тяжба», «Лакейская» и др.

Вѣстникъ Европы, № 9.

Ѳ. Воропоновъ. «Крестьянское дѣло въ юго-западномъ краѣ» (стр. 5—51). Статья эта заканчиваетъ собою рядъ статей автора по

этому вопросу, напечатанныхъ въ «Вѣстн. Евр.» 1900—1902 гг., и затрогиваетъ тотъ періодъ въ разработкѣ крестьянскаго дѣла въ юго-запад. краѣ, который называется авторомъ *періодомъ реакціи*, наступившей послѣ смерти генералъ-губернатора Безака (1868 г.), когда въ началѣ 1869 г. на постъ генералъ-губернатора былъ назначенъ князь Дондуковъ-Корсаковъ. Очень живо и увлекательно переданы тутъ тѣ новыя вѣянія, которыя почуялись въ словахъ князя, при первыхъ представленіяхъ ему, а особенно при объѣздахъ имъ губерній: все, очень непрямыми путями, клонилось къ тому, чтобы прежнее, на законѣ основанное, участливое отношеніе къ крестьянскимъ интересамъ замѣнить новымъ—удовлетвореніемъ желаній помѣщиковъ, особенно вліятельныхъ лицъ.

Літературно-Науковий Вістник, кн. IX.

Із поезій С. Павленка: 1. Як бы мені голос; II. Де щастя?—

Із поезій П. Карманського: I. На Чужині. II. О. Лето.

Із поезий І. Гаврилюка—Із азиятських малюнків В. Р—ка: I На чужині далекій. II. Зірки на землі.—Плавні горять, Дніпрово Чайки,—Поворот, повість В. Лаврівського (Конець).—Ідеаліст, оповідання Гр. Коваленка-Коломацького.—У столярні.—Із моіх споминів. Ів. Франка.—Чайка, оповідання Наталки Полтавки.

Із французських поетів: Далека царівна, із Д. Ростана, перекл. А. Кримський. Любовна літанія, із гр. Рѣбенбаха. перекл. І. Франко. Із гуморесок А. Чехова, перекл. М. Грушевськоі: I. Вилізло шило з мішка. II. Кінське назвисько. III. Мнюх. IV. Книга зажалень. V. Мислителі. VI. Ордер. VII. Обмова.—Справа українсько-руськоі гимназиі въ Станіславові.—Вистава Родена в Празі, О. Луцького.—Новини нашоі літератури: І. Семанюк (М. Черемшина). Карби, оцінив М. Грушевський.—Раси Европи і іх історічні взаемини, д-ра В. Олехновича, перекл. В. В.

Наукові листки: VIII. Народня просвіта і медицина в Полтавській губ. С. П—ри.IX. Баптисти й Мальованці. Ів. Франка.—Хроніка і бібліографія.

Biblioteka Warszawska; № 8 и 9.

Рецензія Ст. Кемпнера на книгу Адама Шемóнговскаго «Деньги и переворотъ въ цѣнахъ въ XVI и XVII ст. въ Польшѣ». Львовъ, (№ 8).

Д-ръ Феликсъ Конечный: «Просвѣщеніе и благосостояніе въ Галичинѣ».—Очертивъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ моральное, политическое и соціальное положеніе Галичины, авторъ приходитъ къ заключенію, что для поднятія страны изъ упадка единственное средство—поднятіе матеріальнаго благосостоянія. Все остальное приложится, если на первую очередь будетъ выдвинутъ экономическій вопросъ. Критика автора недурна, но метода лѣченія представляетъ circulus vitiosus. (№ 9).

Przewodnik naukowy i literacki, № 7 и 8.

Продолженіе исторической монографіи Казимира Пуласскаго: «Старинныя поселенія въ Каменецкой землѣ и владѣвшіе ими роды подольской исторической шляхты». (Свирги, Гербурты). Въ своей работѣ авторъ пользуется нѣкоторыми книгами Кіев. центр. архива.

Этнографическое Обозрѣніе, № 1 и 2.

Въ отдѣлѣ «Смѣсь» напечатано В. Каллашомъ нѣсколько замѣтокъ, касающихся малорусской этнографіи: 1) Къ легендѣ о Кирикѣ; 2) Спомынъ про старовыну; 3) Якъ жыды рабына свого ховалы ; 4) Танцюриста дивка; 5) Про Шведовъ; 6) Цикава жинка, 7) Кругленьке словце; 8) Про кладъ въ Тупычови; 9) Неумѣлое заклинаніе, 10) За що Мазепу проклынають; 11) Про Мазепу; 12) Сила заклинанія; 13) Хытра жинка; 14) Про Мазепынъ домъ въ Черныгови (№ 1, стр. 107—113).

В. Минорскій: «*У русскихъ подданныхъ Султана*» (№ 2, стр. 31—86). Авторъ сначала кратко знакомитъ читателя съ исторіей, такъ—называемыхъ, *майносскихъ козаковъ*, а затѣмъ передаетъ впечатлѣнія изъ личной своей поѣздки на Майносъ; но самымъ важнымъ является подведеніе итоговъ по литературѣ о *майносцахъ* и вообще о *некрасовцахъ*.—*Г. Потанинъ*: «*Св. Касьянъ и сказка о больной царевнѣ*». Въ приложеніи къ этому изслѣдованію напечатанъ текстъ малорусской сказки *про козака Мамарыгу* (№ 2, стр. 116—124).

А. Малинка: «*Замѣтка о двухъ лирникахъ черниговской губ.*» (№ 2, стр. 148—160). Давъ краткія свѣдѣнія о двухъ лирникахъ (Алексѣй Терентьевичъ Маслюковъ и Егоръ Ёсиповичъ Охременко), авторъ приводитъ нѣкоторыя пѣсни изъ репертуара каждаго изъ нихъ.

Извѣстія о новыхъ книгахъ и журнальныхъ статьяхъ.

Извѣстный ученый и литераторъ, д-ръ Ив. Франко, на страницахъ «Літитературно-Наукового Вістника» (№ 5—7 за 1902 г.) даетъ оцѣнку литературной дѣятельности г. Старицкаго; онъ говоритъ о степени его оригинальности и опредѣляетъ мѣсто, какое должно быть отведено г. С-му въ украинской литературѣ. Поводомъ къ такой оцѣнкѣ послужило, по заявленію д-ра Франка, то обстоятельство, что имя г. Старицкаго въ послѣдніе годы сдѣлалось мишенью для различныхъ выстрѣловъ со стороны противниковъ, какъ чужихъ, такъ и своихъ, сдѣлалось, такъ сказать, яблокомъ раздора и дрязгъ въ литературѣ и вообще всего украинофильства послѣднихъ десятилѣтій. Вслѣдствіе всего этого передъ критикой возникла задача, настойчиво требующая, безъ всякой заранѣе предвзятой мысли, внимательно разсмотрѣть результаты дѣятельности г. Старицкаго, выяснить то, что въ ней было жизненнаго и цѣннаго, и что нужно признать или ошибкой или вообще результатомъ тяжелаго лихолѣтья и ненормальныхъ условій, въ какихъ находится украинская литература. Не говоря вообще о значеніи оцѣнки литературной дѣятельности г. Старицкаго со стороны такого авторитета, какъ д-ръ Франко, мы не можемъ не отмѣтить и того, что онъ, какъ лицо, совершенно свободное отъ личныхъ отношеній и столкновеній съ авторомъ, независимое отъ партій и направленій, можетъ быть совершенно объективнымъ.

Приступая къ оцѣнкѣ литературной дѣятельности г. Старицкаго, д-ръ Франко даетъ общую характеристику состоянія украинской литературы послѣ Шевченка. Эта отправная точка зрѣнія, выбранная д-ромъ Франкомъ по нашему мнѣнію совершенно правильно, дала ему возможность подойти къ оцѣнкѣ литературной дѣятельности г. Старицкаго съ той стороны, съ какой, насколько намъ извѣстно, еще не подходилъ никто, и выяснить значеніе произведеній г. Старицкаго въ украинской литературѣ въ томъ отношеніи, въ какомъ они до сихъ поръ не находили оцѣнки.

Со смертью Шевченка кончился, по мнѣнію д-ра Франка, цѣлый періодъ въ исторіи нашей литературы. Той дорогой, какую проложилъ и какой шелъ до конца своей жизни Шевченко, дальше было итти некуда; тотъ особенный стиль, какой внесъ онъ въ нашу поэзію, былъ его идивидуальный стиль. Между тѣмъ вліяніе поэзіи Шевченка было настолько сильнымъ, что по мнѣнію многихъ малороссовъ, украинская поэзія могда являться только въ освященной Шевченкомъ формѣ, такъ какъ только его стиль казался поэтическимъ, только его мелодіи «отвѣчали духу украинской національности». И вотъ, явилась цѣлая плеяда эпигоновъ Шевченка различныхъ степеней талентливости, какъ-то: Кулишъ, Руданскій, Куликъ, Чубинскій и многіе др. Послѣ десятилятняго (1862—1872) перерыва и застоя, наступившаго въ нашей общественной и литературной жизни, съ начала 70-хъ годовъ замѣчается пробужденіе украинскаго общества и группированіе выдающихся силъ въ Кіевѣ, ознаменовавшееся горячей и плодотворной для родины работой. Къ этой порѣ относится и выступленіе на литературное поприще г. Старицкаго. Хотя въ его поэзіи мало было еще собственнаго, пережитаго и перечувствованнаго, тѣмъ не менѣе и въ содержаніи, и въ формѣ ея замѣтны первые признаки выхода украинской поэзіи изъ поры эпигонства. Начиная съ самыхъ раннихъ поэтическихъ произведеній г. С-го и оканчивая позднѣйшими, въ нихъ ясно виденъ украинскій интеллигентъ, обращающійся не къ воображаемому народу, который, вслѣдствіе самыхъ элементарныхъ причинъ, не могъ его ни слушать, ни понимать, но къ своей родной интеллигенціи, говоря ей о своихъ думахъ и чувствахъ, о томъ, что всѣмъ причиняло боль и страданія. И въ этомъ первая и главнѣйшая заслуга г. Старицкаго. Г. С-кій, по мнѣнію Франка, вывелъ украинскую поэзію на болѣе широкій путь творчества, и по этому пути пошли позднѣйшіе поэты украинскіе.

Говоря о дѣятельности г. Ст-го какъ драматурга, д-ръ Франко признаетъ, что она хорошо всѣмъ извѣстна, оцѣнена, и г. С-кій давно признанъ однимъ изъ отцовъ новаго украинскаго театра. Правда, какъ говоритъ д-ръ Франко, послѣ прекрасной драмы «Не судылось», признанной критикой произведеніемъ высокаго достоинства, г. С-кій не оправдалъ возлагавшихся на него надеждъ, но это очень просто объясняется съ одной стороны лихорадочной дѣятельностью г. С-го, какъ антрепренера и режиссера украинскаго театра...

Въ интересахъ дальнѣйшаго развитія украинскаго театра, была настоятельная нужда въ пополненіи новыми пьесами репертуара; нужно было поставлять пьесу за пьесой. Такимъ путемъ явился рядъ передѣлокъ изъ Гоголя, Крашевскаго, Левицкаго, Мирного и др. Необходимость же считаться съ условіями вынуждала г. С-го, какъ и другихъ драматурговъ являться со своимъ творчествомъ не такъ, какъ можно было бы при нормальномъ ходѣ дѣлъ. Это должно было сузить горизонтъ украинскаго драматурга и вынуждать его обращаться исключительно къ любовнымъ сюжетамъ.

О такихъ ненормальныхъ условіяхъ существованія украинскаго театра г. С-кій дѣлалъ докладъ на съѣздѣ сценическихъ дѣятелей въ Москвѣ въ 1897 г., намѣтивъ цѣлый рядъ пунктовъ, направленныхъ къ улучшенію положенія родного искусства и единодушно принятыхъ съѣздомъ.

Въ газ. «Новости» (№ 212) надечатана статья В. Лесевича подъ заглавіемъ «Защита противъ защиты». Это есть блистательно написанный урокъ гг-дамъ *Енкамъ* по поводу статьи «Одного изъ Енковъ» въ «Петер. Вѣдом.» подъ заглавіемъ «Въ защиту хохликовъ». В. Лесевичъ, помѣстившій въ «Русской Мысли» 1900 г. (№ 11 и 12) свою образцовую статью «Всемірный языкъ и народные языки», теперь долженъ былъ энергично протестовать противъ тѣхъ писакъ, въ родѣ «Одного изъ Енковъ» которые, имѣя въ запасѣ на грошъ эрудиціи, берутся съ апломбомъ дѣлать параллели нашей русской жизни съ западно-европейскою и, основываясь на этихъ параллеляхъ, доказывать необходимость единаго литературнаго языка для народа. Какъ убѣдительно, горячо г. Лесевичъ указываетъ этимъ гг. *Енкамъ* на неосновательность этихъ параллелей во всѣхъ отношеніяхъ!

Извѣстные собиратели приднѣпровскихъ древностей Б. Н. и В. И. Ханенко, устроившіе у себя въ Кіевѣ цѣлый археологическій музей, не перестаютъ знакомить любителей старины со своими коллекціями путемъ изданія ихъ описаній и изображеній въ роскошныхъ выпускахъ. Вышедшій недавно V выпускъ «Древностей Приднѣпровья», посвященъ славянской эпохѣ (VI—XIII в.) и заключаетъ въ себѣ 40 отлично исполненныхъ (въ фотолитографіи Кульженко) таблицъ съ рисунками и краткій описательный текстъ (63 стр.). Пред-

ставлены предметы вооруженія, домашняго быта, церковнаго украшенія, стеклянные сосуды, предметы изъ камня, статуэтки, глиняные сосуды и т. д. («Спб. Вѣд.», № 236).

По сообщенію «Приднѣпр. Края» (№ 1586) нѣкій г. Токмаковъ, занимавшійся въ теченіе 27 лѣтъ составленіемъ историко-статистическихъ описаній городовъ, селъ, монастырей и церквей въ Россіи, желая издать иллюстрированное историко-статистическое описаніе города Екатеринослава съ первоначальнаго его заселенія до 1903 года включительно для предстоящаго въ Екатеринославѣ XIII археологическаго съѣзда, обратился въ городскую управу за содѣйствіемъ.

«Въ святынѣ Запорожья». Подъ такимъ заглавіемъ въ № 1576 «Придн. Кр.» помѣщенъ г. Сочинскимъ небольшой очеркъ извѣстнаго Самарскаго Пустынно-Николаевскаго монастыря въ его прошломъ и настоящемъ. Говоря о состояніи монастыря въ настоящее время, г. С. сообщаетъ объ отсутствіи въ немъ нѣкоторыхъ предметовъ старины, описаніе которыхъ далъ въ своихъ изслѣдованіяхъ запорожской старины г. Эварницкій: такъ, г. С. не могъ найти интересной иконы, изображающей Бога съ державнымъ яблокомъ, на которомъ нарисованы лѣсъ, рѣка, мостъ черезъ рѣку и три запорожца, предающіеся своимъ любимымъ занятіямъ; не оказалось также и портрета о. К. Тарловскаго, главнаго устроителя монастыря.

Г. Безобразовъ въ статьѣ «Археологическая подъѣздка» «(Прид. Кр.», № 1566) отмѣчаетъ рядъ пунктовъ, интересныхъ въ историко-археологическомъ отношеніи и кратко знакомитъ читателя съ достопримѣчательностями Новомосковска, Александровска, Хортицы и т. д. Тутъ мы находимъ воспроизведеніе интереснаго преданія о постройкѣ запорожцами храма въ Самарѣ, напечатанное въ 3 кн. Чтеній въ Москов. общ. исторіи и древностей за 1876 г.

Въ № 7491 «Южн. Кр.», напечатана статья г. Альбовскаго подъ заглавіемъ «Изъ первоначальной исторіи г. Харькова». Статья эта, написанная по вновь найденнымъ документомъ въ архивѣ министерства

юстиціи, представляетъ не мало интересныхъ данныхъ о первыхъ поселенцахъ Слободской Украины, ихъ характерѣ, организаціи и бытѣ, объ отношеніи къ нимъ московскаго нравительства, весьма мягкомъ уступчивомъ и даже заботливомъ иногда до мелочей—въ виду сознанія важности погранничныхъ поселеній, какъ надежной защиты на югѣ; затѣмъ—объ основаніи города и цѣломъ рядѣ льготъ и привилегій, какія были дарованы харьковцамъ царскими грамотами; главнѣйшія изъ нихъ были слѣдующія: 1) право свободнаго занятія пустопорожнихъ земель, 2) устройство козацкое и самоуправленіе, въ которое невмѣшивались воеводы; 3) безпошлинное занятіе всякими промыслами, рыбною ловлею, мельничествомъ, винокуреніемъ и продажею вина; 4) освобожденіе козаковъ отъ всякихъ податей и повинностей, кромѣ козацкихъ; 5) право содержать на откупѣ таможни, мосты и перевозы.

Воеводы, въ качествѣ агентовъ московскаго правительства на Украинѣ, обратили вниманіе на казавшуюся имъ, представителямъ чисто обрядовой религіозности, крайнюю нерелигіозность «черкасъ» и на ихъ «еретичество», выражавшееся въ малой заботливости о благолѣпіи храмовъ и бѣдности церковныхъ службъ. Вотъ что доносилъ въ 1658 г. царю воевода Офросимовъ: «Стѣны, Государь, межъ углы четырехъ саженъ, и образовъ, государь, мѣстныхъ и деисусовъ нѣтъ; черкасы, Государь, молятся бумажнымъ листамъ своему литовскому письму и стѣнамъ, а книгъ, Государь, и заводу никакихъ нѣтъ и за тебя, великаго Государя, молить Бога непочемъ; только, Государь, лгутъ Богу и десятыя, Государь, части хвалы Богу не воздаютъ; нѣтъ, Государь, Евангелія напрестольнаго, ни служебника, не потребника, ни тріоди постной, ни трефолоя, ни апостола, ни менеи общей, ни охтои, ни шестоднева, ни псалтири съ слѣдованіемъ, ни Евангелія толковаго. И о томъ вели, Государь, свой государевъ молостивый указъ учинить, чтобъ, Государь, было по чемъ за тебя, великаго Государя. молить Бога и воздавать хвалу къ Богу. А я, холопъ твой, видячи ихъ маловѣріе, что поклоняются бумажнымъ листамъ и стѣнкамъ для того къ тебѣ, великому Государю, и писалъ. И о томъ какъ Ты великій Государь.... укажешь».

Но царь совершенно не обратилъ вниманія на это характерное донесеніе; мало того, двумъ попамъ и дьякону, явившимся въ Москву «бить челомъ о церковномъ строенью», онъ приказалъ лишь выдать «изъ разряда попамъ по рублю, а дьякону 20 алтынъ».

Въ № 7477 «Южн. Кр,», помѣщена статья г. Раздольскаго «Былое Путивльской окраины», въ которой авторъ говоритъ главнымъ образомъ о памятникахъ церковной старины, именно: о путивльскомъ соборѣ и его достопримѣчательностяхъ.

Въ одномъ изъ засѣданій этнографической секціи археологическаго съѣзда въ Харьковѣ выступали, какъ извѣстно, хранители музыкально-поэтическаго творчества украинскаго народа: лирники, кобзари и «троиста музыка». Г. Бичъ-Лубенскій говоря объ этомъ интересномъ вечерѣ въ замѣткѣ «Музыкальный вечеръ XII археологическаго съѣзда» («Харк. Вѣд.», № 217), дѣлаетъ нѣсколько цѣнныхъ замѣчаній о характерѣ нашей народной музыки, о неисчерпаемыхъ и несравненныхъ богатствахъ ея и, наконецъ, объ успѣхѣ замысла организаторовъ этого дѣла. Въ заключеніе своей замѣтки г. Б.-Л. приглашаетъ интересующихся роднымъ народнымъ искусствомъ послушать богатые остатки былого творчества и вмѣстѣ съ тѣмъ внести лепту въ пользу обиженнаго судьбою бѣднаго слѣпца, жувущаго только художественными образами своей думы, своей пѣсни, на предполагавшемся концертѣ бандуристовъ, но этому концерту по независящимъ обстоятельствомъ не суждено было состояться.

Списокъ вновь вышедшихъ книгъ.

Атласъ харьковскаго намѣстничества 1787 г. съ топографическимъ описаніемъ. Изд. Харьк. Губ. Статист. Комитета подъ редакціей В. Иванова.

Бороздинъ А. Развитіе взглядовъ Гоголя на творчество. Спб. 1902 г. Ц. 40 коп.

Вій. М. Гоголя. Перекл. Ф. Королевський, Ст. 92, ц. 40 сот. Львів. 1902. Видан. «Видавн. Спілки» ч. 34.

Вулькани. Напис. І. Раковський. Стор. 48. Ц. 20 сот. Львів. 1902. Видан. «Видавн. Спілки» ч. 35.

Винниченко. В. Сыла и Краса. Оповидання. Кіевъ. 1902:

Воробкевичъ. Флояра. «Збирнык найновійшыхъ поэзій, выд. Товар. «Руска Бесіда». Чернивци.

Гомерова Іліяда, рапсодія В., переклав Ніщинський, стор. 70. Ц. 35 сот. Львів. 1902.

Квитка К. Збирнык ъ украинськыхъ писень зъ нотамы. Гармонизація Б. Яновського. К. 1902. Ц. 30 к.

Король Лір. У. Шекспіра в перекладі П. Куліша з передмовою і поясненями І. Франка. Ст. 164. Наклад. «Видавн. Спілки». Львів. 1902.

М. Корчинскій. Богданъ Залѣсскій. Житомиръ. 1902 г.

Кузьма О. Начерки. Т. I, стр. 172. Львів. 1902.

Любичъ І. Ничипоръ Бородай. Украинская легенда съ 23 рисунками А. Кучеренка. Москва, ц. 30 коп.

Лопатинський Л. Параця. Комедія въ 3 акт. Львів, 1902.

Малиновскій І. Сборникъ матеріаловъ, относящихся къ исторіи пановъ-рады Великаго княжества Литовскаго. Томскъ 1901 г. Ц. 3 р.

Масловъ А. Программа для собиранія народныхъ пѣсенъ и другихъ музыкально-этнографическихъ матеріаловъ. Москва, 1902.

Маркевичъ. А. Гоголь въ Одессѣ. Одесса. 1902 г. Ц. 40 к.

Масарик. Т. Ідеали гуманности. Перекл. Ф. Королевський. Стр. 96, ц. 35 сот. Львів. 1902. Вид. «Видавн. Спілки», ч. 31.

Матушевскій Ф. Жертвы переходной эпохи. Кіевъ. 1902.

Орда Л. Крестовоздвиженская братская церковь въ Луцкѣ. Опытъ историческаго очерка. Луцкъ, 1902.

Письмо до видавця «Колокола» М. Костомарова. Перекл. В. Гнатюк, стр. 18. Ц. 20 сот. Львів. 1902. Видан. «Видавн. Спілки» ч. 33.

Павловскій И. Ф. Полтава въ началѣ XIX вѣка. Кіевъ 1902 г. ц. 75 к.

Рожковъ. Городъ и деревня въ русской исторіи. (Краткій очеркъ экономич. исторіи Россіи). Спб. 1902. Ц. 40 коп.

Спасовичъ В. и Пильцъ Э. Очередные вопросы въ царствѣ Польскомъ. Второе изд. Т. I. Спб. 1902 г. 251 стр. Ц. 1 р.

Труды харьковскаго предварительнаго комитета по устройству XII археол. съѣзда. Изд. подъ редакціей проф, Е. К. Рѣдина. Т. I, стр. 549+79; т. II, стр. 450+241. Съ картинами и

рисунками. Ц. 3 руб. Для членовъ съѣзда 1 р. 50 коп. Харьковъ. 1902 г.

Трубицынъ, Н. Гоголь въ исторіи русскаго слова. Кронштадтъ. 1902 г. Ц. 30 коп.

Филевичъ, проф. Вопросъ о двухъ русскихъ народностяхъ и «Кіевская Старина». Варшава. 1902 г. Ц. 35 коп.

Юпітеръ у клопотах. Гуморист. діялог Люкіяна із Самосати. Перекл. з грецького д-р. Т. Мандибур. Стр. 60; ц. 35 сот. Львів 1902. Видан. «Видавн. Спілки» ч. 32.